

СЛИШКОМ ПОЗДНО

АМАНДА ПЭНИТЧ

22 минуты отделяют Джулию Ванн от «до» и «после». До: У Джулии был брат-близнец, парень и лучшая подруга. После: Новая личность, новый дом и стертые воспоминания о тех двадцати двух минутах. По крайней мере, именно это она говорит полиции. Теперь ее зовут Люси Блэк, и она начинает новую жизнь. Она даже привыкает к пустой спальне, в которой мог бы жить её брат. В школе она привлекает внимание самого сексуального парня, который готов сделать что угодно, чтобы защитить её. Но когда на горизонте появляется человек из прошлого, Люси приходится столкнуться с тёмными секретами, которые она благополучно оставила в той, другой жизни. Ясно одно: причиненный вред нельзя просто так вычеркнуть из памяти. Всё только начинается...

Аманда Пэнитч «Слишком поздно»

Автор: Аманда Пэнитч

Книга: Слишком поздно

Переводчик: Kiki67

Редактор: Деметра Бэкланд

Оформление файла: Деметра Бэкланд

Обложкой занималась Деметра Бэкланд

Глава 1

У меня осталась всего одна фотография брата. Раньше я хранила её вместе с другими снимками, которые хотела спрятать от родителей, в ящике с нижним бельем и была уверена, что по крайней мере, моё кружевное безобразие в безопасности от папиного досмотра. Я ошибалась. Фотография сохранилась лишь потому, что упала за ящик.

Это хороший снимок. Фотограф, не помню уже кто это был, запечатлел нас обоих в тот момент, когда мы улыбаемся в облаке темных кудряшек вокруг своих голов, и обнимаем друг друга за плечи. Нам было тринадцать, может быть, четырнадцать. Молодые. Невинные. Во всяком случае — я.

Этот снимок — последнее, что у меня осталось от брата. Сразу же после происшествия родители провели ревизию и забрали его записные книжки и бумаги, оставив мне лишь спортивную кофту с эмблемой школьной команды по плаванию, которая всё ещё пахла хлором, потом и Аксом, а также несколько больших толстых книг с фэнтези. Уголки страниц были столько раз загнуты и так потрепаны, что когда я перелистывала их, они рассыпались и падали на пол как бешеные мотыльки.

Я потеряла кофту и книги во время переезда, как раз тогда, когда родители продали дом, и я стала Люси Блэк. Ушла на пробежку будучи Джулией Ванн, а когда вернулась, то обнаружила все свои вещи в коробках, а одежду в мешках для мусора, которые воняли как деготь. Почувствовав головокружение, я упала на колени прямо в дверном проеме, гадая не словила ли Рип Ван Викля¹, и не впала ли в транс. Может быть то, что казалось сорока пятью минутами, на самом деле было днями?

— Мам? — нерешительно произнесла я.

Она поднялась откуда-то из-за коробок.

— Что происходит?

Она обтерла щеки тыльной стороной руки.

— Когда я пошла выбросить мусор, то обнаружила репортера в кустах. Все плятятся на меня, когда я выхожу из дома. Я так больше не могу, Джулия. Просто не могу.

Вот так мы и уехали из Элктона, оставив позади пакеты с мусором, наши старые имена и одиннадцать пятен крови размером с череп на полу репетиционного зала, — последнее «прощай» от моего брата.

* * *

Мне понадобилась три недели, чтобы начать откликаться на Люси. Это было мое новое имя, хотя официально я его не меняла. Всё-таки, мы не были под программой защиты свидетелей, или чего-нибудь в этом роде. Любой, кто действительно захотел бы отследить нас, скорее всего, смог бы это сделать. Люси — мое второе имя, а Блэк — девичья фамилия моей матери. Человеческая память коротка, да и путь от верхней до нижней Калифорнии совсем не близкий, так что, уже более года меня никто не называл иначе, чем Люси. Ни Джулия, ни сука, ни убийца. Это было как свежий глоток воздуха.

Поэтому, когда Алейн закричала «Люси!» я автоматически повернула голову. Интересно, сделала бы я это, если бы она выкрикнула «Джулия»! Я уже не чувствую себя как Джулия. Это имя осталось вырезанным на пюпитре², за которым я пряталась, когда мой брат поливал пулями репетиционный зал. Некролог в си минор.

— Иду! — прокричала я с верхней ступеньки, и подняла книги повыше.

Сегодня шесть уроков, а значит мне нужно пять учебников. К тому моменту как я подбежала к пикапу Алейн, у меня чуть не отвалились руки. Я забралась на пассажирское сиденье и сбросила всю кучу на пол.

— Прости, я нечаянно уронила свои вещи, когда искала ключи.

В ответ она фыркнула и нажала на газ. Пикап резко тронулся с места, раскидывая книги и открывая дыру размером с четвертак под моими ногами. Мне нравится смотреть в неё, когда мы останавливаемся на светофорах и парковках, где можно увидеть всякую всячину. Монетки. Мертвых птиц и животных, размазанных по асфальту.

— Может тебе стоит приобрести рюкзак, как у всех нормальных людей?

В тот день брат одолжил мой рюкзак. Он выглядел так нелепо, залетая в репетиционный зал с моей старой неоноворозовофиолетовой сумкой, что я так и продолжала улыбаться, когда он достал свой пистолет.

Я сложила книги в аккуратную стопку и зажала её между ногами.

— А может твоему лицу стоит приобрести рюкзак?

— Ой, — закатила глаза она. — Как мило. Только после этого мне, пожалуй, понадобится пластика.

Дорога в школу была ухабистой. Физически. Хотя в пикапе Алейн, или куче металлолома, как я его называю, любая поездка кажется ухабистой. В пути я вела счёт всему, что видела (или думала, что видела) через дырку.

— Десять центов. Кусок крышки. Что-то резиновое. О! Золотые дублоны³!

— Разрази меня гром, — проворчала Алейн, закрыв один глаз и делая вид, что на другом у неё повязка. Если подумать, это не очень хорошая идея, потому что она всё-таки вела машину. — Если бы ты и правда нашла золотые дублоны, то смогла бы купить собственный корабль и раскатывать на нём по округе.

Я замерла.

— Ты же знаешь, я не вожу. — Вышло немного холоднее, чем я рассчитывала.

Алейн резко погрузилась.

— К тому же, — быстро добавила я. — Тебе нравится быть моим шофёром. Наверное, мне стоит называть тебя Дживс⁴.

— Дживс — прозвище для дворецких, — сказала она, тем не менее её плечи расслабились и в уголках губ заиграла улыбка. Следом за ней расслабилась и я.

Напряжение в пикапе окончательно испарилось, когда мы заехали на студенческую парковку. Благодаря тому, что я уронила книги (а также слишком часто откладывала сигнал будильника и спалила овсянку, — утро явно было сплошным несчастьем) времени у нас в обрез. На стоянке уже практически никого нет, большинство учащихся в школе. А их машины блестят на солнце как панцири жуков.

— Мы опоздаем, — заметила Алейн.

— Нет, если побежим.

Она хмуро посмотрела на меня.

— Бег — это плохо.

— Бег — это хорошо для твоего сердца.

— Зато плохо для души, а жить без неё нельзя.

— А без сердца значит можно?

Она нахмурилась ещё сильнее. Наверное, я зашла слишком далеко. Мне не хотелось, чтобы она сердилась, поэтому я обняла ее за плечи.

— Шучу. Посмотри на Железного Человека, он же как-то жил без сердца.

Она улыбнулась.

— Посмотри на наших одноклассников. Они живут без мозгов.

Я рассмеялась, отстранилась от неё, и мы двинулись по парковке в сторону школы. От капотов машин все ещё несло жаром, в некоторых щелкали остывающие двигатели. Если бы они все неожиданно ожили и запрыгнули друг на друга, образуя что-то вроде гигантского автомобиля-трансформера, готового захватить мир, мы бы добежали до своих парт ещё до звонка.

На полпути к школе я услышала тихий звон колокольчика. До начала уроков осталось три минуты. Неожиданно смех замер у меня в горле.

В дальнем углу парковки, сложив на груди руки, стоял мужчина с худым, загорелым лицом и модными квадратными очками, за которыми, как мне было известно, скрывались темные глаза. Прищурившись, он пялился в нашу сторону. Даже со своего места я видела, что его костюм помят, а галстук сидит криво. Я отвернулась. Смотреть на него всё равно, что глазеть на солнце. Также опасно.

— Алейн, — попыталась сказать я, но не смогла. Горло как будто окаменело. Я кашлянула, разбивая его на сотню мелких камешков, которые мгновенно тяжело осели в желудке.

— Алейн, ты видишь парня вон там?

Она остановилась и вздохнула.

— Ну же, Люси. Если мы не поторопимся, то опоздаем, а я не хочу объяснять миссис Кори, что её ведущее сопрано не появилась на репетиции хора, потому что её задержали после уроков.

— Это займет всего секунду. Пожалуйста.

Она медленно повернулась и посмотрела за мою спину.

— Я ничего не вижу. Теперь мы можем идти?

Я оглянулась. Она была права. Никого.

— Там стоял парень, — сказала я. — Я его видела.

— Это, наверное, какой-нибудь опоздавший, — грубо говорит она. — Может быть, учитель. Люси, ну серьезно, пошевеливайся давай!

Я кивнула головой, потому что опять не смогла произнести ни слова. Это был не опаздывающий учитель. Я знала этого человека.

Или, правильнее сказать, Джулия Ванн знала этого человека.

Глава 2

Я позволила Алейн практически бегом завести себя в здание школы. Мы проскользнули на наши места как раз тогда, когда в коридорах издал свой боевой клич последний звонок для опаздывающих.

— Ты в порядке? — спросила она, как только мы благополучно уселись.

Я смотрю на поверхность парты, представляющую собой имитацию под дерево и пытаюсь найти смысл в структуре её волокон.

— Ты выглядишь так, как будто проглотила ёрзающего щенка.

Это довольно странный способ сказать: «Люси, ты похожа на безумную». Должно быть, именно так я и выглядела. Я не могла увидеть того мужчину, только не здесь. Это всё. В конце концов, я схожу с ума.

Учитель начал проверять посещаемость, поэтому я показала на него и одними губами произнесла *«не могу говорить сейчас»*. Алейн обеспокоенно посмотрела на меня, но затем всё же переключила свое внимание на преподавателя. Услышав «Блэк, Люси», я подняла руку, а потом сразу же ушла в себя.

Давным-давно, у меня был ёрзающий щенок. Нет, у Джулии Ванн был ёрзающий щенок. Маленький и веселый комочек шерсти, с розовым в стразах ошейником, и кличкой «ФЛАФФИ» на нём, выполненной большими округлыми буквами (Джулии было десять, так что расслабьтесь). Целых два месяца она любила этого пса как собственного ребёнка, или, лучше сказать, как по представлению десятилетней девочки нужно любить ребёнка. Но однажды, Джулия вышла во двор и обнаружила его — без шерсти, без хвоста, с вывернутыми наружу органами, — и Райана держащего нож.

Вам следует понять, что мы с братом родились рука об руку. В чреве матери, мы, образно говоря, переплетали свои пальцы. Мама с папой хотели естественных родов: никаких обезболивающих, опытная акушерка и надувной бассейн в гостиной. А в итоге им пришлось мчаться в больницу на кесарево сечение, потому что мы просто не хотели появляться на свет. Папа сказал, что мы не кричали, когда они достали нас и представили яркому, холодному, новому миру. Мы не кричали, пока они не разняли нас. Родители пытались заставить нас спать в разных колыбельках, по разные стороны своей кровати, но быстро поняли, что мы не будем этого делать, не чувствуя тепла другого под боком.

Именно поэтому я не стала вопить. Ну еще и потому, что Райан так посмотрел на меня, а потом на мою любимую собаку, что я поняла — то же самое легко может произойти и со мной. Я медленно отступала назад, извергая содержимое желудка, пока мама не высунула голову на шум.

Позже, когда я плакала, Райан убедил меня в том, что я навоображала себе тот взгляд, потому, что онмой близнец, моя вторая половинка и никогда бы не причинил мне вред. В

конце концов, я была женской версией его. У нас были одни гены. Мы были связаны ещё до того, как родились. Мне пришлось прикусить язык, чтобы не сказать ему, что я очень отличалась от него. Тем не менее, я выступила в защиту Райана и сказала, что это была просто случайность, и всё было не так плохо, как выглядело. Поэтому вместо того, чтобы куда-нибудь отослать, родители заставили его раз в две недели посещать психолога Атласа Спенса. Доктор постоянно носил мятый костюм и хипстерские очки, которые совершенно не вязались с его серьезным видом. Никогда, за все те месяцы, что его посещал Райан, а потом в течение нескольких недель перед тем, как моя семья покинула Элктон, он не появлялся без этих атрибутов.

После происшествия мы с родителями превратились в Медуз Горгон⁵ в современном облики — никто не хотел на нас смотреть. Соседи, с которыми мы иногда ужинали и за чьими детьми я присматривала в их отсутствие, перестали стучать и звонить в дверь. Друзья, те, что продолжали ходить по земле, неожиданно перестали отвечать на звонки. Даже полиция, которая вроде бы должна нам сочувствовать, были бесцеремонны и предпочитали пялиться в свои записи, чем смотреть мне в глаза.

Доктор Спенс не был исключением. Неделю после стрельбы я проревела завернувшись в одеяла, а потом родители вызвали его на дом, проводили меня и «хорошего» доктора в гостиную и закрыли за нами дверь. Я заняла кресло, поэтому доктор Спенс вынужден был устроиться на диване. Я не собиралась быть одной из тех, кто ложиться, зевает, а потом как на духу выкладывает все свои секреты.

— Джулия, — сказал он, усевшись нога на ногу на край подушки, и разложив на коленях ручку с записной книжкой. Доктор нервно дергал ботинком и это гипнотически действовало на меня. Я не могла отвести глаз. — Как ты себя чувствуешь?

Оторвав взгляд от его ботинка, я посмотрела на камин. Неделю назад полочка над ним была уставлена семейными фотографиями в хрустальных рамках: я и брат в детстве, с беззубыми улыбками на лицах; мы в четвертом классе на Хэллоуин, в костюмах Алладина и Жасмин; я и брат, вытянув руки вверх, держим кларнет и трубу соответственно. Нас тогда только приняли в оркестр в средней школе. Теперь этих фотографий нет. Лично я бы довольствовалась разбитыми рамками, на худой конец, их можно было опустить лицом вниз или развернуть, чтобы они выглядели также потерянно, как и мы. Но их просто убрали, как будто этих фотографий тут никогда и не было.

— Прекрасно, — мой голос был пропитан сарказмом. — А как вы думаете?

Он наклонил голову и что-то накалякал в своем блокноте.

— Иногда сарказм — это способ замаскировать истинные чувства, — с серьезным видом сказал он. — То, что делаешь ты, именно так и выглядит.

— Неужели? — спросила я. — Правда? А я даже и не подозревала.

— Правда, — ответил он, а потом сморщил брови. — Ты опять ехидничаешь.

— Вы не зря получили степень, Док.

Он записал что-то ещё, потом выпрямился и посмотрел на меня своими большими, печальными глазами, скрытыми за массивной черной оправой.

— Ты злишься, — сказал он. — Но никто не будет винить тебя в этом. Я бы тоже был зол.

— Правда?

— В том, что случилось нет твоей вины. Ты — не твой брат. Ты этого не делала, поэтому люди не должны обвинять тебя.

Я пристально посмотрела на него и... почти поверила.

А потом он вздрогнул. Практически незаметно, и я бы, скорее всего, не заметила этого, если бы не наблюдала за ним. К его чести, он не отвел взгляда, даже если и боялся, что я схвачусь за нож или пистолет, или воткну ручку ему в глаз, пока он смотрит на меня. Или, что я возомню себя братом и с такими же темными кудряшками, карими глазами и постоянно розовыми щеками как у него, начну маниакально смеяться.

— Была рада с вами увидеться, Док, — сказала я и ушла.

В вызове на дом есть свое преимущество — твой уютный уголок с одеялами всегда где-то поблизости.

Я сделала все, чтобы оставить доктора Спенса в Элктоне и хочу, чтобы там он и оставался. Как только урок закончился, я поспешила на выход даже не попрощавшись с Алейн. Распихивая локтями поток людей, я добралась до туалета для инвалидов на втором этаже и заперлась.

Оказавшись в безопасности, в своем пахнущем дезинфицирующим средством раю, я села на закрытую крышку туалета и достала телефон. Холодок, исходящий от фарфора чувствовался даже через джинсы. Я обняла себя одной рукой, а другой стала набирать номер. Доктора Спенса не должно быть тут. Я, наверное, просто сошла с ума, но буду чувствовать себя гораздо спокойнее, если буду знать, что он в Элктоне, где и должен быть.

Я уже собиралась нажать на зеленую кнопку «вызов» и начать передавать свой голос по проводам, — или чего там используют, — через весь штат, но внезапно передумала и убрала телефон обратно на колени. Что, если он каким-то образом отследят мой номер? Что если они, — нужно сказать, что под словом «они» я не имела в виду никого определенного, — обнаружат где я?

В общем, я решила войти в сеть и просто погуглить его: «Атлас Спенс психолог Элктон». Я бегло просмотрела появившуюся информацию. Большая часть её была мне знакома: он засветился в нескольких статьях о стрельбе (хотя никогда не соглашался на интервью), также в списке были данные о его практике, которую он делил с другими психологами и одним неуместным среди них хиропрактиком в приземистом кирпичном здании на краю города.

Ничего о его таинственном исчезновении. Но он ведь мог и не исчезать, а просто уехать в путешествие.

Я вздохнула и поняла, что у меня трясутся руку. Придется звонить. Навряд ли полиция поставила прослушку на его средства связи. Да и не думаю, что кто-то вообще ищет меня.

Мне пришлось зажать телефон плечом, чтобы он не выскользнул из потных пальцев.

— «Клиника Доброй Помощи», чем могу помочь?

— Здравствуйте, — сказала я, задержав дыхание.

Сегодня вторник. Доктор Спенс должен быть на месте. Если только его расписание не поменялось. Все изменилось, почему бы не произойти и этому?

— Мне нужен доктор Спенс.

— Доктор Спенс не может сейчас подойти к телефону. Вы хотите оставить для него сообщение?

— Это срочно. Он сейчас с другим пациентом? Он сегодня работает весь день?

— Доктора Спенса не будет в офисе несколько недель, — голос администратора явно смягчился. — Если это срочно, то я могу записать вас сегодня к доктору Фишбаху. Вы...

Лишь с третьей попытки мне удалось завершить звонок. Трясущимися руками я

положила телефон на колени. «Не будет в офисе» может означать что угодно. Может, он заболел или навещает родственников в другом штате. Он может валяться на пляже где-нибудь на Багамах и щелчком пальцев просить принести ему мартини.

Или он может быть здесь. В Саннивейл. В поисках меня.

Но зачем? Это не имеет никакого смысла.

Все в Элктоне были рады избавиться от нашей семьи. Я тогда даже забыла, как выглядят соседи. Всё, что я видела в течение нескольких недель — это их силуэты за закрытыми шторами. Репортеры ошивались везде, они так часто выпрыгивали из-за кустов, что я уже начала бояться, что и мама однажды сдерет маску и объявит себя представительницей «Нью Йорк Таймс». Люди часто собирались возле нашего дома и глазели так, как будто их недовольство могло растереть нас в порошок и навеки замуровать внутри.

Иногда я узнавала их. Их это было хуже всего.

Через пару недель после происшествия я, наконец, заставила себя выходить из дома, обычно просто на пробежку — зачем еще покидать дом? Меня сразу же окружали репортеры и заваливали вопросами. *Джулия, как ты себя чувствуешь? Что случилось в репетиционном зале? Расскажи миру свою историю, Джулия! Мир этого заслуживает!* По моему мнению, мир не заслуживал ничего от меня.

Однажды, по дороге домой, я просто не захотела больше этого выносить. Я завернула на углу своего квартала и не смогла принять то, что мне придется снова пробиваться локтями между репортерами и чувствовать их горячие слюны у себя на щеках, когда они выкрикивают свои вопросы. Поэтому, я отбежала на несколько шагов назад и прислонилась к соседскому забору.

— Простите.

Я повернула голову на звук голоса. Все мои мышцы напряглись, когда я увидела кто это — одна из тех репортеров, что стучались в мою дверь после произошедшего. Эта была невысокой и достаточно пухлой, чтобы швы её штанов могли запросто разойтись. Она держала под мышкой записную книжку и ручку. В том месте, где её потная подмышка упиралась в бумагу, расплывалось круглое пятно. Омерзительно.

— Меня зовут Дженнифер, — продолжила она. — Рада с тобой встретиться. Надеюсь, ты в порядке. Ну, насколько это возможно, — нервно захихикала она.

Я с опаской смотрела на неё. Можно было бы развернуться и убежать, но я так устала. От этого. От всего. Я могла бы просто стоять и молчать, но это сказало бы больше, чем любое интервью. Я могла бы прыгнуть на неё и зарезать, с помощью острых листов бумаги из записной книжки. Нет. Это ужасная идея.

— Можете называть меня Джули, — сказала я. Никто не называет меня Джули.

— Джули, — произнесла она.

Меня стал переполнять какой-то дикий триумф. Теперь всё будет нормально. Она может делать вид, что знает меня, она может даже сочувствовать мне, но каждый раз, когда эта дамочка будет говорить «Джули», я буду вспоминать о том, что это просто незнакомка, которую я в любое время могу зарезать с помощью острых листов бумаги.

— Джули, как у тебя дела?

— Это тупой вопрос, — ответила я. Нет, даже скорее выплюнула.

Шок в её глазах только раздул мой триумф до стадии ликования.

— Вам всё равно, как у меня дела. Вы хотите знать, что произошло в репетиционном зале.

Триумф, ликование или чтобы там ни было, начало сходиться на нет, поэтому я тяжело сглотнула, надеясь, что это немного притормозит процесс. Я надеялась, что это сработает до того, как я расплачусь.

Дженнифер поджала губу и начала её жевать, пытаюсь решить, стоит ли проглотить наживку.

— Хорошо, — наконец сказала она, заглатывая её с такой силой, что крючок мог бы пройти сквозь её верхнюю губу. — Что произошло в репетиционном зале, Джули?

Я растянула губы в улыбке, изо всех сил стараясь не заплакать. Я должна напугать её. Я должна напугать её до такой степени, что она больше никогда не придёт.

— Ничем не могу помочь вам, Дженнифер, — произнесла я. — Или я могу называть вас Дженни? Да, будете Дженни. — Её улыбка стала натянутой. — Дженни, я ничего не помню, кроме того, как сидела в репетиционном зале с кларнетом на коленях и вырезала свое имя на пюпитре. Директор оркестра в это время работал с одним из новеньких. Мой брат ворвался в помещение. А потом... — тут я сделала эффектную паузу — Ничего. Последнее, что я помню — это какое-то мерцание, а потом раз — и все мертвы. Именно это вы хотели услышать, Дженни?

— Мне жаль, — её слова прозвучали механически, как приветствие на автоответчике. — Ты ведь знала большинство присутствующих в зале?

— Погибло одиннадцать человек. Одни из них — мой парень. Другой — моя лучшая подруга. А третий — мой учитель. Я знала и остальных, но не слишком хорошо.

— Мне так жаль, — ещё раз произнесла она.

Я надеялась, что она не заставит и меня повторить это снова. Я столько наврала в ходе нашего разговора, что просто и не вспомню что говорила. При мысли об этом у меня все сжалось.

— Джули, ты и правда ничего не помнишь?

— Нет, ничегошеньки, — ответила я. Ещё одна ложь в мой список.

Она снова начала жевать губу, одновременно постукивая карандашом по блокноту.

— Между тем, как твой брат вошел в зал, а вышла ты одна, прошло двадцать две минуты. Так ты говоришь, что ничего не помнишь?

— Доктора говорят это нормально. Что-то типа амнезии. Вы конечно же слышали об амнезии, Дженни?

Я прочитала её статью на следующий день. Она процитировала всё, что я сказала и добавила что-то по поводу слёз, блестевших у меня в глазах и всхлипов, которые я пыталась сдерживать. Смысл в том, что я доверилась ей и расплакалась у неё на плече. А какие выводы она сделала? Я — злая. Я — проблемная. И лишь вопрос времени, когда я пойду по стопам своего брата.

Моя мама цокнула языком, читая эту статью, а потом шепотом начала переговариваться с отцом, думая, что я не слышу.

«Нам нужно уехать. Ради Джулии. Ради нашего ребёнка. Я скажу ей, что это ради нас. Ради меня. Что я больше не могу выносить репортеров и нашу изоляцию от общества».

Через две недели я стала Люси Блэк.

Глава 3

Понятное дело, я не помню, как мы с братом рука об руку появились на свет, или спали рядышком в колыбели. Но я помню, когда у нас появилась двухъярусная кровать. Вопрос о

том, чтобы поселить нас в разных комнатах, никогда не стоял. То, что мы будем жить вместе всегда было понятным, как и то, что небо голубое, а трава зелёная. В этом мы даже не сомневались. Одно время мы проводили ночи на односпальных кроватях, его была голубой, а моя зелёная, но он был слишком далеко от меня — на другой стороне комнаты. А что, если бы у меня начались кошмары и мне понадобилось бы выплакаться на чьем-нибудь плече? Мы не могли полагаться в этом на своих родителей. Когда нам исполнилось шесть, мы решили, что нам нужна двухъярусная кровать. Родители с этим согласились.

Отцу понадобилось почти четыре часа, чтобы собрать её. Это сопровождалось усиленным потоотделением и ругательствами, а в какой-то момент, он чуть не лишился большого пальца, после того, как ударил по нему молотком. Наверное, тогда он в первые провел с нами так много времени, поэтому, эти четыре часа пролетели как четыре минуты. Мы с братом стояли и восхищенно следили за каждым гвоздем, боясь раскрыть рот, как будто от этого он бросится в кусты, как испуганная газель.

— Джулия, Райан, — сказал отец, когда мы наконец, подняли матрас на второй ярус. — Кто где спит?

— Чур я наверху, — ответили мы в унисон, а затем повернулись и уставились друг на друга. Это было что-то новенькое: разногласие. Мне это не понравилось.

— Мне очень хочется спать наверху.

В зависимости от настроения, я могла бы представляла себя принцессой, которая машет подданным из башни своего замка или, астронавтом, который смотрит на землю с луны.

Райан склонил голову набок и обозрел наше будущее королевство. Зажевав внутреннюю сторону щёки, он о чём-то размышлял.

— Мне тоже очень хочется занять верх.

Не смотря на то, что его голос был ровным, я вся сжалась. Я не помню, чтобы в его словах было что-то не так, наверное, я все знала еще тогда.

— Можешь спать там, — мрачно сказала я. — Думаю, внизу тоже будет весело. Я могу притвориться, что нахожусь в подземной пещере и каждый раз, когда ты пошевелишься, буду представлять себе землетрясение.

Он начал жевать свою губу, опять напряженно размышляя о чём-то. Землетрясения и пещеры — это круто. Очень круто.

— Я передумал и теперь хочу спать внизу. А ты, если так хочешь, занимай верхний ярус. У меня поникли плечи.

— Но я очень, очень хочу занять нижнюю койку.

Я видела, что в результате моих слов Райан только укрепился в своих мыслях.

— Ничем не могу помочь. Не переживай, тебе понравится спать наверху.

Я вздохнула и заставила себя выдавить улыбку.

— Ну ладно тогда.

В ту ночь я была принцессой в башне на луне.

* * *

Где-то там, за пределами моего мира, который сузился до размеров туалета, я услышала звонок. Сделав несколько глубоких вдохов, я встала. Вторым уроком идет испанский, а он мне тяжело дается, частично потому, что мой мозг никак не мог принять факт, что люди в самом деле складывают эти бессмысленные звуки в слова, которые еще и умудряются понимать, а частично потому, что я сидела с Майклом Силвермэном, мистером мускулистые ноги и божественно-голубые глаза.

Я подняла руку над головой, отчего у меня щелкнуло в плече. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы снова нормально воспринимать этот звук. В первый раз, когда отец хрустнул костяшками пальцев передо мной, через несколько дней после событий в репетиционном зале, я упала в обморок и ударилась головой о холодильник.

Мне не нравится хрустеть суставами, но я делаю это просто потому, что могу. Мне больно, но я воспринимаю эту боль как победу. Теперь я сильная. Достаточно сильная, чтобы слышать щелчки и не думать при этом о выстрелах.

Я опустила на своё место как раз перед последним звонком для опаздывающих.

— Тютелька в тютельку, — сказал Майкл Силвермэн, когда учитель начал проверять присутствующих.

Я повернулась и увидела, что он улыбается мне, но улыбка мгновенно сползла с его лица, когда я окончательно развернулась к нему.

— Ты в порядке?

Я откашлялась и подняла руку в ответ на преподавательское «Люси Блэк».

— В порядке, — прошептала я. — Спасибо.

— Ты просто выглядишь не очень, как будто что-то подхватила. Сейчас ходит ужасная простуда. У нас слегла половина команды по плаванию.

— Нет, я нормально себя чувствую, — сказала я.

Отлично. Он подумал, что я болезненно выгляжу.

— Надеюсь, что ты ничего не подхватил.

Он снова улыбнулся и в этот момент мне показалось, что засияло солнце.

— Нет, я нормально себя чувствую, — ответил он и поднял руку, чтобы обозначить учителю своё присутствие.

Это был мой шанс. Я могла бы превратить наш маленький обмен фразами в полноценный разговор о команде по плаванию, а потом расспросить об увлечениях и, возможно, это с подвигло бы его поинтересоваться моими, но по какой-то странной причине, все слова застряли у меня в горле. А потом мистер — ой, простите меня, сеньор — Голдфарб, потребовал всеобщего внимания и начал рассказывать, по-моему, о временах. Я повернула голову, но взгляд Майкла был сосредоточен на доске. Может быть позже.

Но как только прозвенел звонок, я убежала. Без ног Майкла Силвермэна, которые помогли бы мне сфокусироваться, я провела остаток дня в каком-то оцепенении. Меня окружали расплывчатые лица, а раздававшиеся голоса были похожи на речь учителя Чарли Брауна⁶: Бу бу бу. Бу бу бу бу. Если бы кто-нибудь поинтересовался, как я провела время после обеда, то я бы сказала, что изучала необычайно красивую цветовую гамму на внутренней стороне век, в которой преобладали все оттенки серого, фиолетового и редкие вкрапления оранжевого.

В конце дня Алейн наконец удалось поймать меня. Ну не столько поймать, сколько обнаружить ожидающей возле зала, где у неё была репетиция хора. В конце концов, она же должна подбросить меня домой.

— Ну, ну, — сказала она. — Неужели это Люси Блэк.

У меня не было настроения для её игр, к тому же, на самом деле я и не Люси Блэк.

— Поехали домой, — вяло ответила я, крепче прижимая к себе книги. Сегодня они кажутся настолько тяжелыми, что с каждым шагом я сгибаюсь под их весом все ниже и ниже.

— Мы, — Алейн обняла меня за плечи, отчего меня пригнуло еще ближе к земле. — Не

едем домой.

До того, как я переехала сюда, у Алейн было немного друзей. Помню, как с бешено стучащим сердцем я впервые появилась в этой школе и внимательно исследовала толпы детей, которые смеялись, болтали и что-то обсуждали. Я тогда напряглась, ожидая, что они увидят прошлое в моих глазах, как на киноплёнке, и в ужасе отступят. Но в действительности меня хорошо приняли. К тому времени все уже разбилось на группы и было поздно пытаться в них втиснуться, тем не менее я растянула губы в том, что, надеюсь, было хоть приблизительно похоже на улыбку, и начала задавать вопросы. Оказывается, люди любят поговорить о себе, поэтому уже к ланчу меня пригласили присоединиться к трем столикам.

Вайолет Норрис даже попросила быть её партером на биологии. А, как шепотом и практически не дыша уверила моя новая подруга Элла, Вайолет Норрис — это одна из самых популярных девушек в школе.

Тем не менее, в течение всего ланча, не смотря на болтающих Вайолет и Эллу, мои глаза были прикованы к столику в углу, за которым в одиночестве сидела девушка. Она лениво кусала сэндвич, уткнувшись взглядом перед собой. У неё были удивительные выющиеся волосы, которые спускались до талии и делали ее похожей на куклу.

— Кто это? — спросила я.

Вайолет закатила глаза.

— Алейн Ховард. Ничего не имею против неё, она очень хорошенькая, но в то же время странная. Ты понимаешь?

— Ага, — сказала я, засовывая в рот еще один кусок картошки-фри.

Она была холодной. Вайолет и Элла продолжали болтать, какой-то парень бросил фри в девушку и, очевидно, это было большим событием, а я так и не смогла перестать смотреть на Алейн.

Я знала, каково быть человеком, который сидит наедине с собой. Тем не менее, я решила выждать несколько недель.

Мне хотелось выглядеть милой и хорошей, но я не была тупой и знала, что сначала нужно укрепить свое социальное положение и убедиться, что мои отношения с Вайолет и Эллой достаточно прочны, чтобы выдержать небольшую встряску. Как только оценка Вайолет по биологии стала целиком и полностью зависеть от моих знаний анатомии и способности разрезать лягушку или эмбрион свиньи без того, чтобы упасть в обморок или вырвать, я направилась к столику Алейн.

— Привет, — сказала я. — Меня зовут Люси.

Она настороженно посмотрела на меня блестящими на фоне тёмной кожи глазами.

— Меня зовут Алейн.

Я качнула головой в сторону своего столика.

— Не хочешь присоединиться к нам?

Если бы я была королевой, то посвятила бы её в Рыцари Осторожности.

— Зачем?

Я пожала плечами.

— А почему нет? — мой ответ не показался ей убедительным. — Я тут новенькая и пока знакомлюсь со всеми. Присоединяйся к нам.

Что-то в моём лице должно быть убедило её, что это не шутка.

— А они знают о твоём приглашении?

— Конечно, — ответила я.

Они не знали, но переживут. Обязаны, иначе Вайолет самой придется растягивать пропитанные формальдегидом кишки или прикалывать к картону крошечную печень.

Так Алейн влилась в нашу компанию. В следующем семестре мы с Вайолет оказались в разных классах по биологии и поэтому отдалились друг от друга, Элла начала общаться с девчонками из команды по плаванию, так мы и остались с Алейн вдвоем. Я предложила ей сходить на прослушивание в школьный хор после того, как услышала, как она напевает что-то про себя. Преподаватель была настолько поражена голосом Алейн, что сразу же сделала её ведущим сопрано.

Ради этой девушки я рисковала своим социальным положением, однако сейчас не собираюсь с ней никуда ехать. Единственное место, где я хочу оказаться — это моя кровать. По крайней мере, там не будет Спенса. Не должно быть.

— Я, — после этого последовала эффектная пауза, не уступающая той, что изобразила Алейн. — Хочу поехать домой.

— Ты, — сказала она. — Не хочешь ехать домой. Я знаю, что у тебя был непростой день, поэтому собираюсь поднять тебе настроение.

— Ты поднимешь мне настроение, если просто отвезешь меня домой.

— Нет, у парней скоро закончится тренировка по плаванию, а после неё по вторникам они заходят в «Крейзи Эллиот», чтобы попить кофе и поесть булочки. — Она замолчала о чем-то раздумывая. — Ну, наверное, не булочки, а мясо. Гигантские порции мяса. Ну или что там ещё едят парни.

— И конечно же, ты знаешь, — продолжила она. — Кто у нас в мужской команде по плаванию. Правильно. Майкл Силвермэн.

У меня подогнулись ноги. Коридор наполнил громкий шум, эхом отдающийся от шкафчиков, расположенных вдоль стен. Я сжалась от страха, но потом поняла, что это просто книги, которые я уронила на пол.

— Видишь? — с умным видом сказала Алейн. — Вот почему тебе нужен рюкзак.

Я встала на колени, чтобы собрать свои вещи, а Алейн присела рядом, так и продолжая обнимать меня за плечи.

— Я даже не знаю Майкла Силвермэна и говорила с ним всего лишь один раз, — на самом деле их было четыре с половиной, включая сегодняшний. — И было это на уроке испанского, потому что это единственный класс, который мы посещаем вместе. И разговаривали мы о тако. А сегодня он подумал, что я больна. Поэтому я просто хочу поехать домой.

— Может ты и не знаешь его, но любишь, — мелодичным голосом пропела Алейн.

Я рада, что уронила книги. Это освободило мои руки, чтобы я могла треснуть её.

— Ладно, ладно. Я это заслужила, — сказала Алейн, морщась от боли и потирая плечо. — Но мы всё равно идём, я не собираюсь принимать «нет» за ответ.

— А как насчет ещё одного удара в качестве ответа? — поинтересовалась я. — Потому что я говорю серьезно. Прямо сейчас я не настроена на человеческое общение.

— Но ты же общаешься со мной.

— Ты не считаешься за человека. И я это говорю со всей любовью.

— Как ты собираешься безумно влюбиться и завести детей, если даже не хочешь поговорить с ним? — спросила она с надутыми губами.

— Я говорила с ним, — четыре с половиной раза. — У нас был замечательный разговор.

— И кто вообще говорил о детях? Сейчас они мне совершенно ни к чему.

— Боже, Люси, это просто выражение.

— Я бы хотела детей только от тебя, детка, — сказала я, поигрывая бровями.

Несмотря на то, что она закатила глаза, на её лице была улыбка.

— Господи, Люси, ты такой лузер.

Она в ответ хлопнула меня по плечу.

Она принялась.

Я чувствую, как её взгляд прожигает дыру в моей щеке.

— Ты уверена, что в порядке?

— Все отлично, — говорю я. — Не волнуйся, меня не вырвет на твои чехлы.

— Я не волнуюсь, они и так уже были свидетелями множества рвот.

Капец. Неожиданно ягодицы, ноги, и всё, что касалось сиденья начало чесаться.

Я извергла что-то, надеюсь хоть немного похожее на смех.

Надеюсь, это прозвучало достаточно неопределенно.

А потом был пожар.

— Прости, — сказала она. — Ты хочешь поговорить об этом?

— Нет, — категорично ответила я. Она сразу поникла, и я поняла, что была немного резка. — Прости. Я просто... не хочу. В любом случае, это уже в прошлом. Человек, который устроил пожар уже мёртв.

— Понятно, — произнесла она как-то уж чересчур подавленно. — Извини. Если ты когда-нибудь захочешь поговорить, то знай, я всегда рядом.

— Спасибо, — сказала я и правда имея это в виду.

Оставшуюся часть дороги мы ехали в молчании. Алейн периодически бросала на меня взгляды, когда думала, что я не смотрю, а на прощание очень крепко сжала меня в объятиях.

Я солгала ей. Я солгала себе.

Мой брат не был мёртв.

Глава 4

Если бы решал народ и мои бывшие одноклассники, то брат бы уже гнил в могиле или в тюрьме, ожидая, когда ему введут в руку смертельную инъекцию, которая остановит сердце и всё равно отправит в могилу, просто чуточку позже. Даже если бы у моего брата был выбор, он был бы мёртв. Застрелив всех тех людей, он развернул пистолет на себя, но это его не убило.

Хотя, лучше было бы так. Докторам пришлось ввести его в кому и просверлить череп, чтобы снизить давление и предотвратить необратимые повреждения мозга. Как будто он и так уже необратимо не поврежден. Я до сих пор помню, как родители усадили меня в старой гостиной и сказали, что он никогда не проснется. Я помню свой вой, когда поняла, что никогда больше не смогу поговорить с ним. Иногда я спрашиваю себя, а не было ли в том больше любезности со стороны доктора, чем медицинской необходимости?

Думаю, именно поэтому все были так злы. Потому, что по-настоящему, он не был ни жив, ни мертв. Брат поступил как трус, пытаясь совершить самоубийство, в котором даже не преуспел. Он не мог предстать перед правосудием и разделить забвение со своими жертвами, или гореть в аду, в зависимости от вашего вероисповедания. Народу не на ком было выместить ярость, поэтому, их отдушиной стала я — его близнец.

Я навещала брата равно два раза, и оба через неделю после стрельбы. У него посерело лицо и впали щеки. Единственный звук, который раздавался в комнате был «бип бип бип» кардиомонитора. В палате постоянно находились с выпирающими по бокам пистолетами два копа, которые болтались возле его кровати или в дверном проеме. Я пыталась сделать все, чтобы остаться с ним наедине, склониться и прошептать что-нибудь в ухо, а потом ждать, когда его глаза откроются для меня, потому что я — его близнец, вторая половинка, единственная, кто хоть немного понимает его. Но они никогда не оставляли свой пост, даже когда я включила пожарную сигнализацию, чтобы эвакуировать отделение.

После этого мне больше не разрешали посещать его.

Через неделю после стрельбы, полиция перевезла брата в более безопасное ОРИТ⁸. Они поговорили с родителями, а те, в свою очередь, со мной. Райан никогда не проснется. Каждый месяц отец исчезал на несколько дней. Мама говорила, что он в командировке по работе, но однажды я нашла его билет на самолет. Я знала, что командировка — это не та причина, по которой он был в Северной Калифорнии. Я знала и то, что это не имеет никакого отношения к любви: он никогда не проводил много времени с Райаном, когда тот не был в коме. Мой отец был юристом. Скорее всего, он ездил в больницу, чтобы получить

отчет и проследить за каждой каплей лекарств, которыми накачивали вены его сына. За тем, чтобы вынюхать любую возможность подать иск.

Оказавшись в безопасности гостиной в Саннивейл, я попыталась позвонить в офис доктора Спенса ещё раз, но та же самая администратор ответила, что его не будет следующие несколько недель. Я повесила трубку не дослушав, что она говорит, и добрых десять минут ходила из угла в угол, вытирая потные руки о футболку так часто, что она прилипла к коже. Мне нужно было успокоиться.

— Что бы сделала Люси? — спросила я себя.

Мне стоит выгравировать эти слова на браслете, как у тех детей из «Общества Непорочности», которые носят в школу резиновые штуркувины с надписью: «Что бы сделал Иисус?».

— Что бы сделала Люси Блэк? Что бы сделал Иисус? Что бы сделал нормальный человек? Нормальные девушки, когда расстроены едят шоколад и мороженое. Поэтому, Люси нужно поесть шоколада или мороженого. Или шоколадного мороженого. Это даже лучше. А теперь прекращай болтать, потому что нормальные люди не разговаривают сами с собой.

Дома мы не держим ничего сладкого, только зелень, типа капусты и брокколи. Но они не подойдут. Хорошо, что возле дома есть магазин. Прогулка — это хорошо. Прогулка даст Люси возможность сжечь немного избыточной энергии.

Я направилась вниз по дороге. Сердце скакало и стучало в груди, как лягушка в кипящей воде. Мимо проносились машины, а я брела по пожелтевшей траве на обочине и пинала сверкающую в лучах уходящего солнца банку.

Я нашла умиротворение в ходьбе, в том, чтобы переставлять ноги одну за другой и в осознании того, что на самом деле я не безумная. Безумные сделали бы что-нибудь сумасшедшее, например, бросились бы наперерез движущейся машины или станцевали посреди дороги, а не брели бы потихоньку, как Люси Блэк.

Не знаю, что заставило меня развернуться и, прищурившись, посмотреть на закат. Может, это был хруст пожухлой травы под чьими-то туфлями, а может мной овладел порыв насладиться нежной расцветкой калифорнийского неба. Что бы это ни было, оно заставило меня повернуться и увидеть идущего следом мужчину. Он шел по другой стороне дороги, примерно на расстоянии половины футбольного поля от меня. Прносящиеся машины отвлекали внимание, поэтому я резко остановилась и прищурилась, пытаюсь разглядеть хоть что-то, помимо костюма. Он тоже остановился. И помахал.

У меня встал ком в горле.

— Привет, — нерешительно крикнула я. — Привет!

Он ждал, чтобы я осталась одна? Ну так я одна. И готова выяснить с ним отношения. Я не дам ему внезапно появиться и разрушить мою жизнь снова. Нет, не мою жизнь, Люси. Жизнь Люси слишком ценна.

— Эй! — заорала я и бросилась за ним.

Прямо на дорогу. Туда, где на меня неслась машина.

Мной овладела паника, я кинулась обратно и почувствовала, как она проехала мимо так близко, что я даже ощутила жар, исходящий от неё.

Успокоившись, я обнаружила, что лежу на земле, а сердце стучит так, как будто через меня проскакал табун лошадей. В какой-то момент я осознала, что слышу еще какой-то стук — шаги человека, несущегося ко мне.

— Люси? — произнес он. — Люси Блэк, ты в порядке?

Я посмотрела вверх. Это был Майкл Силвермэн. Во плоти. Хорошо хоть не Спенс.

Я облизала губы и приподнялась на локтях, но сразу же отказалась от идеи выглядеть хоть немного привлекательно. Я все вспотела, вымазана грязью и чувствую, как что-то стекает по ногам. Надеюсь, это вода. Шмыгаю носом, притворяясь, что просто делаю глубокий вдох. Я только что упала в лужу. Спасибо, Господи.

— Майкл, — сказала я. — Какая встреча!

Он присел на корточки рядом со мной.

— Ты в порядке? Боже, мне так жаль. Я отвел глаза лишь на секунду и...

Значит он не видел, как я бросилась на проезжую часть. Майкл подумал, что это из-за него.

— Всё нормально, я буду жить, — сказала я, вращая конечностями, чтобы в этом убедиться.

Немного хрустит правая лодыжка, но благодаря старому растяжению, она всегда была маленькой убудиной с характером.

— Ты видел того мужчину? Через дорогу, на обочине?

— Я никого не вижу. Только не говори, что я сбил кого-то еще.

Я встаю на колени, а потом, немного пошатываясь, и на ноги.

— Ты не сбил меня. Я вовремя убралась с дороги.

— У тебя хорошие рефлексы, — сказал он, засунув руки в карманы и, прищурившись, наблюдая за закатом.

Последний луч солнца окрасил его волосы в золото.

— Что ты здесь делаешь? Тут же нет пешеходной дорожки, это опасно.

— Мне срочно понадобилось мороженое, — сказала я. — В морозильнике его не оказалось, а вниз по дороге как раз есть магазинчик.

После произошедшего, человек похожий на Люси Блэк, захотел бы мороженое ещё сильнее. Она, наверное, съела бы целую пинту, сидя на диване в домашних штанах и сопереживая героям Николаса Спаркса по телевизору.

— Давай довезу, — говорит он. — Это меньше, что я могу сделать после того, как чуть не переехал тебя.

— Меньше, что ты мог сделать — это оставить меня здесь лежать. По крайней мере, ты остановился.

Я снова повернулась и вытянула шею. Спенс исчез, как будто его никогда там и не было. Может, и не было. Может, я просто вижу людей, которых нет. Может, в тот день мой брат тоже видел людей, которых не было.

Но опять же, может, Спенс был реальным? Может, он искал меня, и если бы я развернулась и пошла домой, то он бы последовал за мной. Я определенно не хочу, чтобы он столкнулся с родителями. Так будет лучше для всех.

— Спасибо, — сказала я и забралась на пассажирское место. — Хреновый день.

— Это точно, — ответил Майкл. — Сначала ты плохо себя почувствовала на испанском, а потом тебя чуть не переехал сумасшедший водитель.

— Слава Богу, что ты спас меня от сумасшедшего, — смеясь сказала я. — Ты ехал из «Крейзи Эллиот»?

Как только я произнесла эти слова, то сразу же пожалела. Только придурочный сталкер знал бы, что он ходит туда после тренировки.

— С тренировок? Со школы? Из дома? Или куда там ты ещё ходишь?

Отличный ход, Люси.

— Не, обычно я хожу в «Крейзи» после плавания, но сегодня мне что-то не захотелось.

Я обратила внимание, что он едет медленнее, километров на десять в час, как будто оказаться сбитым на скорости сорок миль в час, вместо пятидесяти, сделает кого-то менее мёртвым.

— Иногда парни мне надоедают. Ты всё еще выглядишь не очень, кстати.

— Спасибо, — сухо сказала я. — Отличный способ завоевать сердце девушки.

Он закатил глаза. От Майкла сильно пахло хлором. Разве они не должны принимать душ после тренировки? Мой брат всегда так делал, хотя запах никогда так до конца и не смывался с его кожи.

— Я не это имел в виду, — сказал Майкл. — Ты просто выглядишь так, как будто увидела привидение. Думаю, ты всё-таки заболела и теперь распространяешь вокруг себя бактерии. Я заражусь от тебя и пропущу пятничную встречу.

— Я не больна. Уверю тебя.

Прищурившись, я наблюдала в ветровое стекло как ярды асфальта исчезают под колесами автомобиля.

Не важно, как сильно я хотела поговорить о Спенсе, о том, что меня, возможно, преследуют, о пугающей и вполне реальной мысли, что я вижу вещи, которых нет. Но я не могла. Потому что всё это принадлежало Джулии, а я — Люси.

Но, может быть, я могу сказать хоть что-то.

— Я переживаю, что за мной следят. Я видела его утром на парковке возле школы и сейчас на другой стороне дороги. Хотя, может мне просто почудилось?

Майкл рискнул оторвать взгляд от дороги.

— Кто за тобой следит?

Я вздохнула.

— Даже не знаю, почему мне хочется рассказать тебе об этом. Я едва знаю тебя.

Он едва заметно, наклонился в мою сторону.

— Я хороший слушатель.

Я снова вздохнула, пытаясь потянуть время. Мне нужно срочно что-нибудь придумать. Очевидно, что я не могу рассказать ему правду.

— Я чувствую, что могу доверять тебе, — сказала я. — Ведь могу? Ты никому не расскажешь? Я не хочу, чтобы об этом стали судачить все, кому не лень.

— Конечно, — ответил он. — Клянусь. Ты можешь доверять мне.

Вуаля. Мне в голову пришла идеальная ложь.

— Мой бывший.

Стоит отметить, что я могу обмануть любого — это всегда было одним из моих талантов. Поймите, я не горжусь этим, но за последний год ложь стала необходимостью.

— Он из города, где мы раньше жили. Он... был не очень хорошим человеком, и это одна из причин нашего переезда.

Майкл так вцепился в руль, что у него побелели костяшки пальцев.

— Мой отец коп, — сказал он. — Хочешь я поговорю с ним?

— Нет, нет.

Я так замахала руками, как будто эта мысль показалась мне до ужаса нелепой. Его костяшки побелели еще сильнее. Я знаю, такой тип мужчин: рыцарь на белом коне. Он хочет

спасти принцессу и разбудить ее поцелуем после того, как она откусит отравленное яблоко.

Вот только меня нельзя спасти.

— Не думаю, что это был он, — сказала я. — Мой бывший даже не знает, что мы переехали сюда. Думаю, мне привиделось, и я просто психанула. Ну, знаешь, все эти воспоминания.

Я опустила ладонь на плечо, как будто в бессознательной попытке дотронуться до синяков. Стратегия неуверенности и язык тела.

— Но все равно спасибо.

— Всегда пожалуйста, Люси. Дай только знать.

Впереди засияли огни магазина. Майкл припарковался и выключил зажигание. «Тин, тин, тин». Этот звук издавал в машине остывающий мотор.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — Мне нужно кое-что купить, а потом я отвезу тебя домой.

— Ты не обязан этого делать, — ответила я, выбираясь из салона.

— Уже почти стемнело, — возразил Майкл. — К тому же, тебя сегодня чуть не сбил насмерть сумасшедший водитель.

— Ты к этому не имеешь никакого отношения, — фыркнула я.

Он застопорился на входе.

— Конечно, — сказал он с оскорбленным видом. — Я — отличный водитель.

— Либо заходите, либо выходите, — прокричал кто-то из магазина. — Вы запускаете холодный воздух.

Я бросила злобный взгляд на продавца, который ответил мне тем же, а потом закатила глаза.

— Ну конечно же, — произнесла я, заходя во внутрь.

Майкл прошел следом и за ним сразу же закрылись двери.

Он сказал, что ему нужно кое-что приобрести, но сам потащился за мной к морозильнику.

— А тебе разве ничего не нужно купить?

— Нет, — ответил он. — Я просто хотел пойти с тобой.

— А.

Меня охватила нежность, такая же мягкая и теплая, как солнце в Южной Калифорнии.

— Какой твой любимый вкус?

— Что?

Я показала на полки с мороженым.

— Твой любимый вкус. Какой?

— Шоколадное, — наконец, решил он, изучив выбор.

— Шоколадное? Просто шоколадное? — спросила я. — Это же так скучно?

Он напрягся, поэтому я быстро добавила:

— Шучу. Я тоже люблю шоколадное.

Это было ложью.

Я подошла к кассе, чтобы расплатиться.

— Две ложки, — сказала я кассиру.

Он не заслуживает «пожалуйста», потому что накричал на нас.

— И пластиковый пакет.

— Две ложки? — спросил Майкл.

Большими шагами я целенаправленно пошла к машине, прислонилась к теплому капоту и, скрипя обнаженной кожей по металлу, опустилась вниз, а потом бросила Майклу ложку. Я открыла мороженое и похлопала по месту рядом с собой.

— Садись и ешь.

Он так и сделал. Мы молча ели мороженое, наши лица сияли в ярком свете магазинных огней, а шоколад, тающий по краям пластиковой ложки был такой сладкий, что у меня заболели зубы.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 10 лет.

Райан Ванн: десять лет, белый, учится в пятом классе начальной школы Элктона. Проживает в доме с отцом, юристом в фирме недвижимости; матерью, работающей на пол ставки учителем по информатике, в местном общественном колледже; и сестрой-близняшкой, Джулией. Пациент находится с ней в очень близких отношениях.

Райана направили ко мне родители, когда он совершил то, что они назвали «маленький инцидент». Когда я надавил на них, они признались, что Райан убил и изуродовал собаку сестры. В этот момент, матери пришлось покинуть комнату, потому что её стало тошнить, а сестра расплакалась. Клиент не выказал никаких эмоций, но обнял сестру, чтобы утешить её. Отец подтвердил, что были и другие «инциденты»: соседская кошка, несколько белок и мышей.

Потом семья ушла в комнату ожидания, и я поговорил с Райаном наедине. Несколько минут мы молча сидели и смотрели друг на друга. У меня было чувство, что мальчик составляет обо мне мнение.

— Райан, — сказал я. — Это ты убил собаку сестры?

Клиент продолжал молча смотреть на меня.

— Да, — наконец, ответил он. — И кошку. И белок. И мышей. Я убил их всех.

Слышать такое из уст ребенка очень тревожно, но я постарался сохранить спокойствие. Как это делают психологи в полиции. Хотя, на самом деле, я этого не знаю, потому, что они отказались принять меня в свою программу по изучению и анализу поведения.

— И как ты себя при этом чувствовал?

Его глаза были такими же ясными, как и ответ.

— Хорошо. Мне понравилось.

По моей спине пробежал холодок.

— А ты показывал их своим друзьям? — спросил я.

— Нет, — ответил он и замолчал на секунду. — Я все делал сам.

— Но твоя сестра Джулия видела собаку. Разве это не так?

— Я не обманывал, — сказал Райан и медленно, даже как-то лениво, моргнул. — Я не показывал ей. К тому же, она моя сестра, а не друг.

В животе образовалась какая-то пустота, но, должен признаться, я почувствовал небольшое возбуждение. Не от того, что рассказывал мальчик, это очевидно, а при мысли о том, что я могу помочь ему. Не смотря на недолгую беседу с Райаном и его родителями, я предположил, что у него кондуктивное расстройство⁹, предвестник антисоциального расстройства личности и социопатии¹⁰. Мне выпала возможность лечить того, кто в ином случае, может превратиться в убийцу. Мне выпала возможность изменить его.

По моему мнению, самым эффективным лечением будет мультисистемная терапия. Я поговорю с родителями и учителями о коррекционных методах, которые нужно будет

внедрить в его каждодневную рутину. Я также порекомендую продолжать сеансы терапии со мной, чтобы я мог отслеживать результаты.

Я смогу изменить его.

Глава 5

На следующее утро, я рывком распахнула пассажирскую дверь в машине Алейн, закинула книги и с чувством собственной значимости захлопнула её за собой.

— Вчера вечером я ела мороженое с Майклом Силвермэном возле «7-Eleven¹¹», — объявила я.

— И тебе доброе утро, — сказала Алейн.

— Он вчера не пошел в «Крейзи Эллиот». Хорошо, что и мы туда не поперлись, — произнесла я. — Мы болтали ни о чем около часа, и я могла спокойно пялиться на его ноги. Это было чудесно.

— Чудесно так, что можно подумывать о детях? — с серьезным видом поинтересовалась она.

— Знаешь, никто не сможет заменить тебя в моем сердце.

— Это правильно. А теперь расскажи мне все в подробностях.

Я поведала ей практически обо всём: о моем походе в магазин, о том, как Майкл чуть не переехал меня, и все детали нашего последующего разговора. Однако, я не рассказала ей о Спенсе и своем фальшивом бывшем парне, хотя и была близка к этому. Но все же я не смогла перебороть мысль о том, что она станет меня осуждать.

Когда мы заехали на парковку, я напряглась, ожидая увидеть Спенса, прячущегося в одном из рядов машин или в пикапе рядом с нами, но его, вроде, нигде не было видно. На самом деле, это не удивительно, сегодня мы приехали в школу вовремя, поэтому парковка была забита болтающими друг с другом детьми. Спенс мог быть через два ряда от нас, но я бы все равно не смогла разглядеть его.

Даже если бы он был здесь. Даже если бы он был реален.

Утро пронеслось как одно мгновение, и вот я уже в предвкушении несусь на испанский. Мы с Майклом появились одновременно. Он поклонился, пропуская меня вперед.

— Только после вас, сеньорита.

— Gracias, señor¹², — ответила я, притворяясь смущенной.

Он улыбнулся.

— Como estas? ¹³

— Bien¹⁴, — сказал Майкл.

И после того, как мы уселись за парту, продолжил уже на английском.

— Я отлично провел время вчера вечером.

Мне даже не понадобилось притворно краснеть.

— Я тоже.

— Ты чувствуешь себя получше?

— Я больше его не видела, так что да.

«Мне лучше уже просто от того, что я рядом с тобой». Этого я, конечно, не сказала.

— Шоколад залечивает любые раны.

Он засмеялся.

— Что ты делаешь сегодня после школы?

— Не знаю. А ты?

— Иду на тренировку по плаванию, а потом собираюсь заглянуть в «Крейзи Эллиот». Если ты тоже туда придешь, то я куплю тебе кофе.

— Ненавижу кофе. Хотя, если ты заменишь его горячим шоколадом...

Но не успел Майкл ответить, как учитель хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

— *Silencio, por favor*¹⁵, — сказал он.

Несмотря на то, что сеньор Голдфарб утверждает, что его испанский «беглый», я сомневаюсь в его знаниях. Возможно, он и изучал его в колледже в Барселоне семестр-два, но у этого мужчины явный бруклинский акцент.

— Это касается и вас, сеньорита Блэк.

Майкл сморщился, довольно точно имитируя неизменное «как будто только что съел лимон» выражение лица сеньора Голдфарба. Я фыркнула.

— Сеньорита Блэк, — произнес учитель с предупреждающими нотками в голосе. — *Silencio*¹⁶!

Я дождалась, когда он отвернется и повернулась к Майклу.

— Горячий шоколад или ничего, — произнесла я одними губами.

Остаток дня тянулся очень медленно. В конце концов, репетиция оркестра закончилась, и она стала единственным, что прошло в обычном темпе. Я просто закрыла глаза и звуки, издаваемые моим кларнетом, в сочетании с певучим тембром саксофона, флейты и гобоя, заставили меня забыть обо всем.

Как и обычно, я встретилась с Алейн возле зала, где репетирует хор.

— Угадай, куда мы сейчас идем? — вместо приветствия спросила я.

— Домой? — с надеждой поинтересовалась она. — У меня горы домашней работы, на которые еще нужно взобраться.

— Именно для этого и предназначены путеводители шерпов¹⁷, — сказала я. — Нет. Сегодня мы отправимся в «Крейзи Эллиот», чтобы Майкл Силвермэн угостил меня горячим шоколадом.

— У меня домашка. Может быть, ты сходишь с Эллой? Я думаю, что она в любом случае собирается туда.

Я недовольно надула нижнюю губу.

— Но я хочу, чтобы там была ты. Элла — ужасная советчица.

Алейн подтянула рюкзак на плечах повыше.

— Элла никогда ничего не советовала тебе, — ответила она, выглядя при этом польщенной. — Ты справишься и без меня. Если соскучишься, просто посмотри на ноги Майкла и тебе сразу же станет лучше.

Я положила голову ей на плечо.

— Ну пожалуйста? Без тебя мне не будет весело.

Она вздохнула.

— Ладно. Если ты так настаиваешь.

Я победно улыбнулась. Про себя, конечно же.

* * *

Владелицей «Крейзи Эллиот» была женщина по имени Алисия. Её бывшего мужа звали Эллиот. Остальное, думаю, вы поймете сами.

Какой бы ни была история происхождения этого заведения, оно являлось центральным местом сбора учащихся средней школы Саннивейл. Первокурсники и второкурсники, у которых пока не было прав, добирались сюда из кампуса за пятнадцать минут, пешком,

остальные же — за пять, на машинах. Большое и уютное помещение было заставлено креслами различных расцветок, совершенно не гармонирующих друг с другом, и маленькими круглыми столиками. Возле дальней стены располагалась барная стойка, хотя, как вы понимаете, алкоголь здесь не продавали. Однако, в «Крейзи Эллиот» можно было купить довольно многое: кофе, чай, капкейки, гамбургеры, протеиновые коктейли. Сюда приходили, чтобы показать себя и посмотреть на других.

Алейн так резко припарковала автомобиль возле входа, что его колеса взвизгнули, а сам он содрогнулся перед тем, как остановиться. Сжав зубы я, как и всегда, переживала, что сегодня будет тем днем, когда это транспортное средство, наконец, развалится на части и превратится просто в кучу ржавого металлолома.

— Как я выгляжу? — спросила я.

Алейн осмотрела меня с головы до ног. Я сменила футболку и джинсы на одно из платьев в цветочек, которые она держала в машине на подобные случаи. Оно было немного большеватое и висело на талии, поэтому я подпоясалась ленточкой.

— Ты выглядишь идеально, — ответила она.

Выбравшись из пикапа я, клянусь, услышала шипение, когда подошва шлепок коснулась асфальта. На улице пахло дегтем и моё сердце взволнованно затрепетало, когда я вспомнила мусорные пакеты, коробки и наше исчезновение.

— Пошевеливайся, — сказала Алейн. — Мне нужно закрыть машину.

«Никто, даже за деньги, не станет воровать эту рухлядь», — хотелось сказать мне, но я прикусила язык.

Как только мы толкнули двойные двери, нас оглушила какофония звуков: люди, выкрикивающие заказы, жужжание кофе-машин и гул, исходящий от тридцати-пятидесяти одновременно говорящих посетителей. Кабинки, кушетки и даже бар, были забиты подростками, сидящими друг у друга на коленях ради экономии места, рюкзаками и книгами. Сквозь фонари, расположенные на потолке на расстоянии несколько футов друг от друга, в помещение проникал солнечный свет и только это не давало битком набитой комнате превратиться в замкнутое пространство.

Я схватила Алейн за мягкую, и немного потную ладонь, и потащилась за ней. Она с мастерством прокладывала нам путь сквозь толпу, а потом подняла руку и закричала, увидев Эллу. Та сидела в окружении кресел и рычала — самым настоящим образом оскалив зубы — на любого, кто пытался их занять. К счастью, баристы сегодня работали быстро, так что вскоре мне подали горячий шоколад с карамельным сиропом и взбитыми сливками, которые даже на вид были настолько сладкими, что у меня заныли зубы. Мы протиснулись к Элле и поскорее заняли свои места, пока она и в самом деле кого-нибудь не покусала.

Как только мой напиток немного остыл и его стало возможным пить, я оглянулась, чтобы посмотреть на пловцов. Они расположились неподалеку. Майкл сидел в кресле примерно в десяти футах от меня, прямо под лучами света, от которых его светлые завитки принимали золотистый цвет, а едва заметные волоски над верхней губой блестели. Его мышцы были как будто высечены из мрамора. Майкл посмотрел на меня, моргнул, а потом его губы сложились в улыбку, и он пробежался по мне взглядом. Я покраснела и помахала ему, оставаясь тем не менее на месте. Он и сам может подойти.

— Люси? Эй, Люси, — Алейн несколько раз провела перед моим лицом рукой. — Элла поздоровалась с тобой.

Я моргнула и повернулась к Элле. Судя по её слегка прикрытым глазам, она употребила

что-то помимо кофе и булочек с корицей.

— Привет, Элла.

Она в ответ моргнула, а её губы дернулись.

— Майкл, да?

Я покраснела.

— Это так очевидно?

Я сжала руку Алейн, молчаливо благодаря её за то, что она привезла меня сюда. Она в ответ стиснула мою, как бы говоря «всегда пожалуйста».

— Он обещал угостить меня горячим шоколадом. Как только прекратит сплетничать как бабулька.

— А, — сказала Элла.

Промелькнувшая на её лице улыбка выглядела практически пластмассовой.

— Хочешь, я позову его? Мы дружим с самого детства, он живет недалеко от меня.

Мне не хотелось выглядеть отчаявшейся, к тому же, у меня такое чувство, что она не совсем искренна. Может, Элла сама влюблена в него? Бедная. Я определенно не собираюсь отступать.

— Нет, — сказала я. — Пока мне достаточно и того, что я могу просто смотреть на него.

В качестве подтверждения своих слов я снова оглянулась. Майк широко улыбался. Я не смогла сдержаться и улыбнулась в ответ. Уголкем глаза я видела, как застыло выражение лица Эллы. Майкл растянул губы ещё шире от чего по моей коже, начиная от макушки и заканчивая кончиками пальцев на ногах, пробежали мурашки.

Но Майкл был не единственным кто смотрел на меня. Улыбка сползла с моего лица, когда за его плечом я увидела, как в «Крейзи Эллиот» вошла пара модных очков (мужчина к ним тоже прилагался), одетых в помятый костюм, и уставилась на меня. Спенс.

Я перевела взгляд на свои ноги, пытаясь убедить себя, надеясь, что это просто разгулявшееся воображение, а потом снова подняла голову. Он всё ещё был там. Всё ещё смотрел. В области живота появились неприятные ощущения.

Я слегка толкнула Алейн локтем.

— Вон тот парень пялится на меня? Он существует?

Она оглянулась и пожала плечами.

— Он просто осматривается, — ответила она и подмигнула. — А может и пялится на тебя. В этом платье ты выглядишь ошеломительно.

У меня перехватило дыхание и начало трясти так, что подо мной практически завибрировал стул. Это был Спенс. По какой-то причине он преследует меня. И сейчас он здесь. В любую минуту он мог прокричать: «В этой комнате находится Джулия Ванн!» — и кто-нибудь вспомнит мое имя, а потом набегут репортеры. Майкл станет отводить свои глаза каждый раз, когда я буду проходить мимо, а Алейн больше никогда не заговорит со мной.

Спенс, должно быть, пытается застать меня одну. Иначе подошел бы ко мне на стоянке или догнал бы в тот день на дороге. Но каждый раз, видя меня с кем-то ещё, он исчезал.

Ну что ж, если ему хочется, чтобы я была одна, то так тому и быть.

Я тяжело сглотнула и поставила стакан на подлокотник кресла. Не смотря на выпитый шоколад, во рту у меня было сухо.

— Девчонки, я скоро вернусь. Мне нужно пописать.

Я встала и, конечно же, опрокинула стакан. Алейн вскрикнула, но я едва почувствовала, как горячая жидкость выплеснулась на платье и обожгла пальцы ног.

— Люси, я пойду с тобой и помогу тебе почиститься.

Она тоже встала, но я покачала головой. Все мое внимание было сконцентрировано на Спенсе.

— Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Алейн скептически посмотрела на меня, в ответ на это я вопросительно подняла бровь.

— Серьезно. Я в порядке.

Она плюхнулась обратно в кресло.

— Хорошо, как знаешь.

Мне придется потом извиниться за это. Но сейчас я была слишком занята, пытаюсь с обычным, абсолютно беззаботным видом, пройти в другой конец зала.

Хотя скорее, если быть точной, протолкнуться. Люди теснили меня со всех сторон, а их рюкзаки была разбросаны по полу как наземные мины. Активно работая острыми локтями и длинными ногами, я пробивалась вперед. От частых выкриков «простите» или «дайте пройти» у меня совсем пересохло в горле. Меня преследовали сердитые взгляды и проклятия. Но мне было на это наплевать.

У Спенса в смятении начали бегать глаза. Он явно не ожидал, что я направлюсь прямо к нему. Это хорошо. Спенс начал отступать к двери, не спуская с меня глаз, но я приближалась все ближе. Тридцать футов... двадцать футов...

Неожиданно, передо мной появился хмурый парень с залитой кофе футболкой.

— Ты когда-нибудь слышала о манерах? — спросил он.

Должно быть, именно я виновата в его проблеме.

— Простите, — практически не дыша ответила я, пытаюсь обойти его, но он сдвинулся и загородил мне дорогу.

— Чувак, серьезно, я куплю тебе новое кофе. Но сейчас мне срочно нужно выйти на улицу или, — тут меня в очередной раз посетило воображение. — Меня вырвет.

Это сработало, он так быстро и грациозно отпрыгнул в сторону, что мне даже стало интересно, не занимался ли он балетом. Продолжая двигаться вперед, я осматривала толпу, но было слишком поздно. Спенс уже ушел. Снова.

К тому времени, как я вырвалась наружу и оказалась на парковке, на улице было тихо и спокойно, как на кладбище. Спенс ушел. В этот раз это было на самом деле.

Но он вернется. Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Он определенно не собирается сдаваться пока не получит того, зачем пришел.

— Мисс, вы в порядке? — спросила одна из работниц заведения.

Прислонившись к стене здания, она курила. От сигареты, зажатой между пальцами, поднимался тонкий дымок.

— Может, вам принести стакан воды или что-нибудь еще?

— Люси? Люси, ты в порядке?

Алейн пришлось три раза повторить мое имя, чтобы я наконец, взяла себя в руки и повернулась. То, что я видела лицо Спенса и знала, что он настоящий, снова превратило меня в Джулию и мозг заполнили воспоминания о Райане. Но, когда рука Алейн опустилась мне на плечо, я напомнила себе, что Джулии больше нет. А у Люси не было брата.

— Люси, ты в порядке? — еще раз повторила Алейн.

Я закрыла глаза и попыталась сделать глубокий вдох, но вместо этого закашлялась,

издавая звуки, похожие на писк. Как будто у меня в горле застряла мышь.

— Люси. Люси.

Алейн крепко обняла меня. Как только её теплота и знакомый запах — нечто среднее между ароматической смесью и корицей — окутали меня, я успокоилась и смогла, наконец, вдохнуть. Она крепко вцепилась мне в локоть и завела обратно в здание.

— Пойдем присядем. На нас все пялятся.

Это действительно было так. Сразу же вспомнилось, как я в последний раз возвращалась из старшей школы в Элктоне, зажатая между двумя полицейскими, потому, что иначе меня просто бы уронили на землю. Остальные же стражи закона пытались сдерживать плачущих учащихся и бледных родителей. Мать моего парня, чью содовую я пила после школы, и водку пока она спала, прорвалась через баррикаду и распихнула локтями полицейских так же, как я толпу в «Крейзи Эллиот».

— Джулия! — громко кричала она, сдерживая слезы. — Где он? Где он?

— Ты в порядке?

Алейн довела меня до наших мест и теперь ссутулившись загоразживала меня от толпы. Парень, чье кофе я разлила, смотрел на меня с таким видом, как будто собирался сию же минуту выпустить свой гнев, но Алейн остановила его взглядом.

— Вот сюда. Присядь. Элла, встань.

Элла послушалась, и я смогла пробраться и упасть в свое кресло. Неожиданно, надо мной нависла тень, я подняла взгляд и, к своему удивлению, увидела Майкла Силвермэна.

— Я принес немного воды, — сказал он. — Такая замена подойдет?

В горле было ужасно сухо, мне так хотелось ответить что-нибудь остроумное, но вместо этого я взяла стакан и залпом опустошила его.

— Простите за мое поведение, — сказала я.

Я не могла сказать правду. Я не могла сказать ничего даже близкое к ней. Если я обмолвлюсь, что испугалась парня, который пялился на меня по причине несуществующего брата, все подумают, что я сумасшедшая.

— Мне показалось, что я увидела крысу. Возле ванной.

— Крысу, — скептически произнесла Элла.

— Люси ненавидит крыс, — вступилась за меня Алейн. — Она их ужасно боится.

Я бросила на неё благодарный взгляд.

— Люси выросла в доме, где эти твари каждую ночь грызли ей пальцы на ногах, и она постоянно переживала, что они доберутся и до остального, — мой благодарный взгляд сменился предупреждающим. — Поэтому сейчас у неё их только восемь.

Я не смогла сдержаться и разразилась смехом. Правда, немного истерическим, но всё же.

— Она шутит, — сказала я. — Простите, если напугала вас. Я просто... думаю мне пора домой.

Внутри у меня всё бурлило. Я не могла решить, как я себя чувствую — больной, взволнованной или оскорбленной.

— Угостишь меня как-нибудь в другой раз, Майкл?

Он выглядел так, как будто хочет что-то сказать, но вместо этого просто кивнул. Алейн обняла меня за спину и повела к выходу. В руке я продолжала держать бумажный стакан с водой. Оглянувшись в поисках мусорки, я не обнаружила ни одной, поэтому мне пришлось сжимать мокрую, расплзающуюся бумажную тару всю дорогу до дома.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 10 лет.

Заведующий практикой сделал мне выговор за то, что я добавил собственные умозаключения в отчет после сеанса. Я не верю в то, что смогу должным образом дать оценку пациенту и вести записи, не принимая во внимания личного мнения. Поэтому я решил вести два отдельных отчета. Один из них будет состоять из строго клинических заметок, а вот этот журнал будет дополнительно содержать мои собственные мысли и соображения. Таким образом, я смогу лучше отслеживать лечение пациента.

К тому же, мне понадобятся эти записи, когда я присоединюсь к программе по изучению и анализу поведения. Может, я и провалил первый тест, но как только у меня на руках будет полный отчет о ходе лечения и излечении одной из самой проблематичных социопатий, я стану нужен им больше, чем они мне. Райан Ванн — это только первая из ступенек.

На сегодняшний день Райан уже две недели как проходит курс мультисистемой терапии. Я с нетерпением ожидал этой встречи, чтобы посмотреть на результаты лечения. Может, даже дожидаться от него каких-нибудь эмоций. Но, скорее всего, нет. Слишком скоро.

— Добрый день, Райан, — сказал я, когда мы остались одни. — Как дела в школе?

— Прекрасно, — пробурчал он. — У меня был тест.

— Тест, — произнес я. — По какому предмету?

— По правописанию, — с хмурым видом ответил он. — Ненавижу его. Я сделал пять ошибок.

В этот момент я почувствовал первый проблеск сочувствия к своему клиенту, я тоже никогда не был особо силен в этом.

Мать и учителя поняли, что у меня дислексия¹⁸ только когда мне исполнилось одиннадцать. Я не стал спрашивать у Райана сколько вообще было вопросов в тесте.

— Мы с сестрой спросили маму можно ли нам сходить с друзьями на аттракционы в «Шесть Парков» на следующей недели, и она сказала «да». Американские горки — это круто. Мне нравится сидеть впереди.

Снова сестра. Я сделал мысленную заметку. Она может помочь, если до этого дойдет.

— Круто, — ответил я. — А как твое общение с родителями и школьным психологом?

— По-дурачки, — сказал он, ничего не уточняя.

— Насколько?

— Настолько, что я ничего из этого не делаю. Это пустая трата времени. Вместо этого я мог бы играть с друзьями в футбол.

Я сглотнул. Вполне возможно, что он врёт. Дети с кондуктивными расстройствами часто патологические лжецы.

— Мне жаль это слышать. Как я могу тебе помочь?

Он пнул ножку дивана.

— Вчера я убил ещё одну белку и разрезал ей живот, — сказал он, разглядывая меня сквозь завитки своих волос и, как будто, подзадоривая. — Она реально ужасно воняла.

Меня начало мутить, но я не позволил этому отразиться на моем лице. По крайней мере, я надеялся на это. Такие дети хватаются за малейший намек на дискомфорт и впоследствии активно используют его.

— Могу себе представить, — произнес я. — То есть, за последние две недели ты убил белку, получил разрешение на поход в парк аттракционов с сестрой и написал тест по

правописанию не так, как тебе этого хотелось. Что еще?

— Я могу рассказать, чего не делал. Я не посещал ни школьного психолога, ни терапевта. Ни разу. И родители не заставляли меня ничего делать.

Скорее всего, он врет, подумал я. Трудно поверить, что родители станут игнорировать подобное поведение, особенно после того, как я предупредил их о том, что если ничего не корректировать, то оно станет для него нормальным. Из гнилого теста выйдет испорченный хлеб. Мальчик с кондуктивным расстройством, которое не лечилось должным образом, вырастет и, вполне возможно, проявит сильную склонность к психопатии.

И убьет кого-то большего, чем белку.

Глава 6

Мы с братом спали на двухъярусной кровати — или, в башне-логове, — пока нам не исполнилось десять. К этому времени у меня уже появилась подруга, Лив — Оливия Лян. Она была второй по счету, кто погиб в репетиционном зале. Лив приходила ко мне домой, мы забирались на койку и свешивали с неё ноги так, чтобы они качались на половине кровати моего брата. Если он в это время был внизу, то хватал нас за пальцы и рыча, делал вид, что пытается откусить их. Я смеялась и «испуганно» вскрикивала, а Лив неодобрительно смотрела на меня.

В один прекрасный день, когда мы с братом направлялись в школу, Лив догнала нас и оттянула меня в сторону. Мы с Райаном не держались за руки, но наши пальцы, возможно, соприкасались при ходьбе.

— Джулия, я твоя подруга, — начала она. — Ты ведь знаешь, что я твоя лучшая подруга и люблю тебя, как сестру?

— Я тоже люблю тебя, как сестру, — автоматически ответила я.

Я посмотрела по верх её плеча на своего брата, который в ожидании нетерпеливо постукивал ногой. Мы учились в одном классе и всегда ходили в школу вместе. Если я болела, то он тоже оставался дома.

— Я говорю тебе это только потому, что люблю тебя. Все в школе говорят о тебе. И смеются. Из-за того, что сказала на каникулах Габриэлла.

У меня одеревенела спина. Я даже не хочу думать о том, что она сделала.

— Они смеются надо мной?

Я видела косые взгляды и сникерсы, которые застревали в глотках, когда я проходила мимо, но не обращала на это большого внимания. По крайней мере, до Габриэллы.

— Но почему?

— Из-за ваших отношений с братом, — сказала она. — Габриэлла была права. Это странно. Вы, ребята, держитесь за руки. Спите в одной комнате. Вы всегда вместе. Это пугает. Это выглядит так, как будто ты любишь его.

— Но я люблю его, — ответила я.

Мой мозг в это время активно пытался проанализировать сказанное. Люди говорят об мне за моей спиной? Они говорят скверные вещи? Смеются надо мной? Даже от мысли об этом тело зачесалось так, как будто меня покусали клопы.

— Нет милая, — сказала Лив. — Конечно, ты любишь его. Но я имела в виду как будто ты влюблена и хочешь выйти за него замуж.

Я никогда об этом не думала, но судя по тому, как она сморщила нос и практически выплюнула слова, мне полагается высказать отвращение.

— Гм, это непристойно, — ответила я. — Ни в коем случае.

— Тогда тебе нужно прекратить так много общаться с ним, — взяв меня за руку, произнесла Лив. — Переберись в собственную комнату. А я скажу всем, что ты не такая уж и странная.

В желудке появилась тяжесть. Я не могла допустить, чтобы надо мной смеялись. Просто не могла.

— Хорошо, — сказала я, так крепко сжимая её руку, как будто она — единственное, что удерживает меня на земле. — Тогда пошли вдвоём.

— Вот и замечательно, — улыбнулась она.

Мы прошли мимо Райана и направились в школу. В этот день он не появился на уроках. Позже, я узнала, что он сказался больным, но мне было все равно. Хотя я и знала, что мне ещё придется за это заплатить. По крайней мере, хоть в этот раз на меня никто не глазел.

Когда я сошла с автобуса, он уже ждал меня на остановке со сложенными на груди руками и гневным выражением лица.

— Ты не выглядишь больным, — поприветствовала я его.

— Ты ушла без меня, — его голос звучал не бешено, скорее грустно. — Теперь Деметросы больше никогда не увидят своего кота.

Я приподняла подбородок, отчаянно пытаюсь сдержать подступающую тошноту при мысли о судьбе бедного животного. Мне было жаль его, но я не хотела портить свою общественную жизнь из-за ободранного старого куска меха. К тому же, он как-то раз поцарапал меня.

— Мне пришлось это сделать, — сказала я. — Люди начали говорить о нас после того, что им наплела Габриэлла. И... я хочу свою собственную комнату.

Поздно вечером отец пришел домой и сказал, что завтра разберет наши кровати и переставит мою в свободную комнату. Нам пришлось провести вместе ещё одну ночь. Я лежала с закрытыми глазами на втором ярусе и пыталась дышать ровно, не смотря на раздающиеся подо мной всхлипы. Наконец, я просто не могла больше это выдерживать и спустилась вниз.

— Ты плачешь? — спросила я, зная, что это явно не из-за кота Деметросов.

— Нет, — засопел он.

Я забралась в его кровать и прижалась к Райану, дыша ему в волосы. Завитки щекотали мой нос. Он затих.

— Люди думают, что мы странные, — сказала я, надеясь, что это успокоит его и, возможно, спасет остальных соседский котов. — Нам нужно подружиться с другими детьми. Но ты всегда будешь моим любимчиком.

— Хорошо, — расслабившись, отвечает он.

Следующие три дня он не ходил в школу. А в понедельник появился с Эдди Мейром, третьим, кто погиб в репетиционном зале.

* * *

Мы с Алейн без происшествий покинули кафе. Она оставила меня одну, только после того, как я поклялась, что родители находятся в доме и терпеливо ожидают меня к ужину на фаршированную запечённую индейку. Ничто из этого, конечно же, не было правдой. (Наверное, я слегка переусердствовала с индейкой).

— Звони мне, если понадобится, — испытывающее глядя на меня, сказала она.

Я кивнула. Может, она и будет мне нужна, но я определенно не стану звонить.

Маму я застала за её новым увлечением — уборкой. Каждый поверхность, уголок и даже

щель в нашем доме блестели. Чисто было так, что можно было запросто есть суп из унитаза или красить ресницы, любуясь в свое отражение на кухонной плитке. Я уже и не помню, когда видела пыль. Да я не помню даже, как она выглядит.

— Привет, мам, — сказала я, бросая книги на кофейный столик.

Мама повернулась ко мне с робкой улыбкой на лице, которая пропала сразу же, как она увидела следы от горячего шоколада на моем платье. У неё затряслись руки. Она сцепила их так, как будто пыталась удержать себя на месте, а не броситься ко мне, чтобы почистить.

— Люси, ты грязная, — произнесла она. — Отдай мне платье, я постираю его.

— Я пролила горячий шоколад.

Чёрт. Это платье Алейн. Нужно не забыть извиниться перед ней и предложить ей купить новое. Хотя, я знаю, что она никогда не примет от меня денег. Я вновь сконцентрировалась на маме.

— Хочешь я расскажу тебе кое-что странное?

Она быстро посмотрела на мои ноги и её плечи явно расслабились, когда она увидела, что я сняла туфли. Наверное, мама упала бы в обморок, если бы я оставила шоколадные следы на ковре.

— И что это?

Я тяжело сглотнула.

— Думаю, меня преследуют и это как-то связано с Райаном. И Элктоном. Помнишь бывшего психолога Райана? И моего? Доктора Спенса? Я его видела уже три раза.

Я надеялась, она скажет, что это смешно, что я, очевидно, ошиблась, что меня просто нужно обнять и все встанет на свои места, и что говорить о Райане — это нормально.

Но мне следовало бы знать лучше. Трясущаяся губа была единственным признаком, что я произнесла его имя.

— Это смешно. Джулии Ванн больше не существует, — сказала она.

Смешно. Очко в мою пользу. Но это ложная победа.

— Мы больше не имеем никакого отношения к тому месту. И я буду очень благодарна тебе, если ты больше никогда не произнесешь этого имени в доме.

Её взгляд снова переместился на пятно на моем платье.

— Если я захочу, то буду произносить его имя сколько угодно. Он мой брат.

— У Люси Блэк нет брата, — произнесла она.

Я ожидала, что почувствую что-нибудь, но не было ничего, кроме холода и пустоты. Как только я это поняла, меня охватило желание ощутить хоть что-то. Почему я ничего не чувствую?

— А теперь отдай мне свое платье.

Боясь, что она просто сорвет его с меня в случае неповиновения, я, нехотя, переделалась в штаны и начала делать себе сэндвич с индейкой. На вкус он был как мел с горчицей, но мне не хотелось бы чувствовать себя полной лгуней перед Алейн.

В середине готовки меня прервал дверной звонок. Мама, скорее всего, увлеклась стиркой или чем-нибудь еще, поэтому я пошла встретить гостя и обнаружила Майкла Силвермэна, переминающегося с одной восхитительной ноги на другую.

— О, — произнесла я. Ух, ух, ух. — Я имела в виду, привет. Hola¹⁹.

— Привет, Люси.

Майкл стоял ссутулившись и засунув руки в карманы. Я бы подумала, что он замерз, если на улице не было бы плюс 26 с чем-то, градусов.

— Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Я не хотел спрашивать там, но ты думаешь, что видела в «Крейзи» своего бывшего?

Я прислонилась к проему и тоже засунула руки в карманы.

— Я думала, что видела бывшего. Но я ошиблась. Это напугало меня. Снова, — я попыталась ослепительно улыбнуться. — Я в порядке. Спасибо.

Майкл откинул голову назад и засмеялся. Его коренные зубы как будто подмигивали мне изо рта.

— Думаешь я так просто отстану от тебя? Я принёс вот это. Думал, что оно тебе возможно, понадобится.

С этими словами, он выставил передо мной пластиковый пакет. Я потянула за ручки так, что они с треском раскрылись и увидела коробку шоколадного мороженого.

— О, — сказала я. — Спасибо. Зайдешь? Я собиралась поужинать.

— Не хотелось бы прерывать твой ужин, — ответил он. — Я просто... о твой свитшот. Ты ходила туда?

Мой свитшот. На мне было худи с эмблемой бывшего оркестра. Одна из вещей, которую мне удалось забрать с собой в Саннивейл. Это всё равно, что объявить в сиянии неоновых лучей, о том, что я посещала старшую школу Элктона, родину «Борьбы лосей» и сумасшедшего стрелка, который разозлился и убил одиннадцать человек.

— Я ходила в школу неподалеку, — произнесла я.

Это история, которую мы придумали с родителями.

— До переезда сюда. У меня был... парень, который учился в Электоне. Бывший. Другой бывший, — поспешно добавила я. — Это его старый свитшот. Я ношу его дома, потому что он удобный. Не думала, что кто-нибудь увидит меня и...

Вау, Люси. Ты слишком много говоришь.

— Круто, — сказал Майкл. — А он был как-то связан с тем... что случилось?

Я одеревенела. Бирка на свитшоте сразу же начала натирать шею. Зачем я вообще его надела? Он мне никогда не нравился.

— Может быть, ты зайдешь? — поинтересовалась я.

— Нет, слушай, — Майкл достал одну руку из кармана и почесал шею. — Мне жаль. Это, должно быть, было ужасно. Читать и смотреть об этом по телевизору тоже было ужасно, но это не то же, как если ходить в школу в двух шагах от того места, где это произошло.

Я расслабилась. Было бы куда менее напряженно, если бы я могла просто исчезнуть.

— Да. Я тут ужинаю...

— А что?

Он прошел мимо меня на кухню еще до того, как я успела ответить. А ведь так не хотела прерывать его.

— Что? Это весь твой ужин?

Я проследовала за Майклом и обнаружила его, разглядывающим мой сэндвич с выражением чего-то среднего между ужасом, и отвращением на лице.

— Да, — раздраженно ответила я, подумывая о том, чтобы подбежать и закрыть его своим телом.

Это просто сэндвич, напомнила я себе. И даже совсем не вкусный.

Майкл покачал головой.

— Мы не будем это есть. В качестве извинения за то, что спросил об Элктоне и едва не

переехал тебя машиной, позволь мне пригласить тебя на ужин.

— Что?

Если бы я прислушалась, то могла бы услышать, как мама что-то отмывает наверху. По крайней мере, она не внизу. Отца не будет дома еще несколько часов, если он вообще вернется.

— Правда? Ты уже извинился с помощью мороженого.

Я вытянула перед ним коробку, на случай, если он забыл.

— И правда.

Он быстро изучил содержимое холодильника и кладовки, а потом начал собирать кухонную утварь. Сковородка, терка, разделочная доска, огромный нож, упаковка какого-то сыра (белый? Разве есть белый сыр? Не думаю), лук, чеснок, грибы, перец, яйца.

— Ты любишь яйца? — запоздало поинтересовался он.

— У меня на них аллергия.

— Правда? — разочарованно вздохнул он.

— Нет. Я люблю яйца.

С этими словами я осмотрела ингредиенты, которые он выложил на стойку.

— Омлет? Ты собираешься приготовить омлет?

— Да. Я решил, что на первый раз этого будет достаточно.

На первый раз? А будут еще?

— Отойди и сядь.

Я подошла к кухонному столу и устроилась на стуле.

— Тебе нравится готовить?

Мой брат иногда готовил для меня. Но, к счастью, не яйца. У него была аллергия. Он увлекался азиатской кухней и угощал меня жареным мясом с овощами и маленькими початками кукурузы. Нам обоим нравились именно маленькие, потому что так мы могли представлять себя гигантской китайской лапшой. Он готовил темпура²⁰ и ужасно не похожий на настоящий пибимпап²¹. А однажды, даже попытался сделать суши. Это началось слипшимся рисом, а закончилось отравлением. И всё это в нашей бывшей кухне, которая выглядела так, как будто шагнула прямо из семидесятых со своей обстановкой цвета зеленого авокадо. Сердце застучало, как натянутая струна. Ему бы понравилась новая кухня.

— Типа того, — ответил Майкл.

Он так быстро резал чеснок и лук, что движения его руки казались просто размытыми.

— Типа того? Да я едва вижу, как движется твоя рука.

Острием ножа он собрал порезанное в одну кучку и опустил её в сковородку, которая уже шипела и плевалась. Маленькие капли масла обожгли его руки, но Майкл даже не моргнул.

— Когда я был маленьким, то постоянно изучал «Food Network», — сказал он. — Родители могли готовить только запеканку, так что мне пришлось научиться всему просто из необходимости.

Я кивнула с самым серьезным видом и только потом поняла, что он стоит ко мне спиной.

— «Переел запеканку» — это очень опасная болезнь, — сказала я.

— Твоя правда.

Майкл так ловко разбил яйцо о стойку, как будто он, ну я не знаю... яйца-ниндзя.

— Симптомы включают себя ожирение, повышенное кровяное давление и необратимые

изменения личности, — он бросил на меня взгляд, который я не смогла прочитать. — К счастью, я смог избежать вышеперечисленного.

Ага, значит он немного тщеславный. Мы хорошо будем смотреться вместе, учитывая то, что последние несколько минут я провела, раздумывая, не будет ли слишком очевидным, если я сбегая наверх и поменяю штаны. И да, я решила, что это будет слишком очевидным. К тому же, был шанс, что я наткнусь на маму, а если, она узнает, а мальчиках в доме, то все окажется страшнее, чем симптомы «переедания запеканки» и начнется немедленная эвакуация.

— Как жаль, что жир всё-таки успел нарасти, — поддела его я.

Она развернулся, обиженно поднял брови и хлопнул себя в грудь.

— Прямо сюда, Блэк, — сказал он. — Ты ранила меня прямо сюда.

Я с грустью покачала головой.

— Прямо в область повышенного давления, — произнесла я, вытирая яичное пятно с лица. — Ай яй яй, сеньор Силвермэн. Джентльмены так себя не ведут.

Этот омлет был, наверное, самой вкусной едой в моей жизни, и я не постеснялась сказать ему об этом. И показать, сожрав свою порцию и половину его.

— Ты же не очень хотел есть? — поинтересовалась я, отвалившись на стуле.

Талию разнесло на целый размер. Ну и у кого сейчас симптомы «переел запеканки»?

— Я рад, что тебе понравилось. Ты уверена, что все в порядке? Потому что ты не очень хорошо выглядишь.

— Я в порядке, — категорично ответила я. — К тому же, откуда ты знаешь хорошо я выгляжу или нет? До вчерашнего дня мы разговаривали всего один раз.

Он тепло улыбнулся мне.

— Четыре. С половиной, если считать тот, когда нас поставили в пару, чтобы обсудить тако. Я считал.

— О, — покраснела я.

— Да.

Он наклонился ко мне. Наши лица были в тридцати сантиметрах друг от друга. Я почувствовала, как горячее дыхание с привкусом чеснока обожгло мою щеку.

— Я хочу, чтобы ты взяла обратно те слова по поводу жира...

Неожиданно открылась входная дверь.

— Люси, — пробасил отец.

— Привет, пап.

Мой собственный голос подпрыгнул на целую октаву.

На входе глухо раздались его шаги.

— Недавно мне позвонила мама. Она была очень расстроена.

Ну, конечно, она позвонила отцу. Она даже не осмелилась поговорить со мной сама.

— Она сказала, ты думаешь, что...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он замолк, как только зашел на кухню и увидел Майкла.

— У тебя гость. Кто это?

Я погладила Майкла по руке и встала.

— Это мой друг Майкл. Он уже уходит.

Майкл обернулся через плечо.

— Я не хочу оставлять посуду на тебя, — сказал он, протягивая руку. — Приятно с вами

познакомиться мистер Блэк.

— И мне, — ответил отец.

Сам он не протянул руку, и я знала, что даже не собирается этого делать. Как только Майкл это понял, то опустил свою.

— Мне проводить тебя до двери?

— Посуда, — произнес Майкл. — Я собирался помыть её. Не хочу оставлять вас с...

— Ничего страшного, — одновременно воскликнули мы с отцом.

Я закашлялась, чтобы скрыть раздраженные интонации в его голосе.

— Вообще-то, мне нравится мыть посуду, — сказала я. — Это так... весело?

— Ну тогда ладно.

Я не могла понять выражение лица Майкла.

— Люси, если всё хорошо, тогда я пойду.

— Все хорошо.

Его лицо прорезали морщины на лбу и в уголках губ. Беспокойство. Он беспокоится.

— Правда, я в порядке. Увидимся завтра в школе!

— Рассчитываю на это.

Майкл взглянул на отца и отвернулся, а потом как-то неловко помахал мне рукой и направился к выходу, снова засунув руки в карман. Моё сердце дернулось, разочарованное тем, что он покидает меня. Я увижу его завтра. Спенс — это все-таки проблема поважнее.

Отец дождался пока закроется дверь и только после этого заговорил.

— Мать сказала мне, что по-твоему мнению тебя кто-то преследует и это как-то связано... — он замолчал и тяжело сглотнул. — С Райаном.

Я заметила, что костюм ему слишком тесен и пиджак на плечах практически расходится по швам.

— Ты действительно думаешь, что это так? Что психиатр преследует тебя?

— Психолог, — сказала я. — И да. Я видела его. Три раза.

Отец покачал головой.

— Никто не следит за тобой, Люси, — он особо выделил мое имя. — Не устраивай проблемы на пустом месте. У нас их и так было с лихвой.

— Но я видела...

— Это в последний раз, когда мы говорим об этом. Ты поняла? — повысив голос сказала он и я замолчала. — Если ты думаешь, что видела кого-то из прошлой жизни, нам придется позвонить доктору Ферро.

— Нет.

Доктор Ферро была единственным человеком в Саннивейл, который знал правду у нас. Родители привели меня к ней сразу же, как мы переехали. За восемь месяцев я достаточно наговорила, поэтому убедила родителей, что этого хватит. Общение с ней не вернет моего брата назад и не изменит того, что случилось в репетиционном зале.

— Не надо звонить доктору Ферро.

Я помыла посуду под пристальным взглядом отца, а потом ушла наверх и закрыла дверь в спальню. Упоминание отца о докторе Ферро всколыхнуло старые воспоминания, которые я предпочла бы забыть. Нет, она в какой-то мере, помогла мне. Физически, я всегда чувствовала лучше после её сессий. Как будто на самом деле она была пластическим хирургом. Меня больше волновало то, что я слишком много ей рассказала.

Она была единственным человеком, который знал, что в момент стрельбы в

репетиционном зале никто из одиннадцати подростков не был моим другом.

Глава 7

Можно ли считать мертвого парня бывшим? Если кто-то умирает, то он автоматически становится бывшим, или технически остается парнем до тех пор, пока вторая половина жива?

Эван Вайлд был футболистом. Если не считать моего брата и лучшую подругу, то о нем говорили больше всего. Новости активно муссировали тему о «восходящей футбольной звезде маленького городка, чья жизнь трагически оборвалась еще до начала карьеры».

Знаю, звучит пренебрежительно. Мне жаль. Просто так надоела вся эта история. Если бы я грустила и склоняла голову каждый раз, когда меня посещали воспоминания о жертвах, то уже давно присоединилась бы к ним.

Мы с Эваном были «несчастливыми влюбленными»: высокий, сильный спортсмен и чокнутая участница оркестра. Однажды он попросил меня залезть к нему на руки, а потом вытянул их над головой. Я так нервничала, что упала и ударилась затылком о забор. (Возможно, в этом виновата текила). Эван разрешал мне носить свою университетскую кофту, от которой пахло мужским потом, грязью и травой, пока ему не надоело, и он не решил порвать со мной. Тогда я отдала её обратно. Но официально мы так и не расстались. В тот день он умер.

Это всё, что я могу о нем сказать.

К тому времени, как мы с Алейн на следующий день, приехали на стоянку, слухи о моем сумасшествии в «Крейзи Эллиот» уже явно распространились по школе. По тому, как бегали её глаза и как она всю дорогу сжимала руль, словно хотела похлопать меня по плечу, я знала — что-то не так. Но подтверждение этому получила лишь когда увидела все те пристальные взгляды на парковке. Как только я вышла из пикапа, меня окатило прохладной волной шушуканий.

— Вижу все уже в курсе, что произошло, — сказала я.

Судя по всему, Алейн ждала только этих слов. Она развернулась и обняла меня так крепко, как смиренная рубашка.

— Я никому ничего не рассказывала, — ответила она где-то в районе моего плеча. — Не думаю, что это сделал Майкл. Скорее всего, Элла.

Элла или несколько десятков других детей, которые были там в тот день. Да пошли они. Если это не перерастет в нечто большее, то я справлюсь. Бывало и хуже.

— Только не рассказывай никому ту странную историю о крысах, которые грызли мои пальцы на ногах. Договорились?

Она ощутимо расслабилась.

— Хорошо, не буду.

На следующем уроке я пересеклась Майклом. Ну, не столько пересеклась, сколько он просто сидел за своей партой на уроке испанского.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Все хорошо, — произнесла я, напрягая мозги, чтобы добавить что-нибудь остроумное и смешное. Может, пошутить по поводу крыс? Нет, хватит уже с них.

Не успела я придумать что-нибудь подходящее, как он уже развернулся к парню, сидящему по другую сторону от него, и они начали болтать о своих результатах в баттерфляе²². Внутри меня всё вспыхнуло, а потом потускнело, как свеча на ветру. Я постучала по плечу впереди сидящую девочку. Она повернулась, удивленно приподняла

брови и лишь тогда до меня дошло, что я не знаю её имени.

— Привет, — сказала я.

Она моргнула.

— Привет.

— Мне так нравятся твои серёжки.

Это неправда. Они были ужасны, да еще и с перьями. Две абсолютно несовместимые вещи.

На её лице расплылась улыбка.

— Спасибо, — ответила он, дотрагиваясь до одной из них так, что она закрутилась. — Я сделала их сама.

Из грязных птичьих перьев? Да по ним, наверное, бегает какая-нибудь зараза.

— О, — нерешительно сказала я. — Это так круто.

Она отодвинулась назад и устроила локоть на краю моего стола. Как хорошо. Теперь эта зараза будет ползать и по моей парте.

— У меня на заднем дворе стоит кормушка для птиц, — поведала она мне. — У них постоянно выпадают перья, и я подумала, что смогу с ними что-нибудь сделать. Поэтому...

Неожиданно хлопнул в ладоши сеньор Голдфарб.

— *Silencio, por favor*²³! — закричал он, а потом продолжил на английском. — Проверка домашнего задания. Начнем с номера один. Ава?

Девочка передо мной — Ава — начала говорить, а её сережки с перьями качаться на каждую рычащую "г" и носовую "н". Я откинулась на стуле, радуясь тому, что наше общение закончилось.

Что-то ударило меня по руке. Я сердито повернулась и увидела ухмыляющегося Майкла. Глазами я проследила движение его руки до пола, где лежал свернутый в шарик лист бумаги. Как только Ава перестала говорить и внимание сеньора Голдфарб переместилась на другую сторону класса, я наклонилась и подняла его.

Эти сережки просто ужасны. У тебя отвратительный вкус.

Я скатала записку обратно и бросила в него. Она отскочила от его груди. Он приглушенно вскрикнул, что было больше похоже на кашель, а потом развернул бумагу, разглядел её и, перед тем как смахнуть на пол, написал что-то ещё. Я наклонилась, чтобы подобрать её до того, как он выпрямился, и наши пальцы соприкоснулись. По моей коже словно пробежали искры и, достигнув живота, превратились в нечто теплое и мягкое. Я пристально посмотрела на Майкла. Он крепко сжал губы, явно пытаясь не засмеяться.

Он так напомнил мне брата. Не ту сторону, которую видели другие люди, и которая убила одиннадцать человек и заставила меня желать собственной смерти, а ту, которая слушала, как я плачу по ночам после кошмаров или говорила какая я красивая, после того, как один из барабанщиков посмеялся над моей прической. Именно по этой стороне я и скучала.

Я разглядела записку Майкла, которая уже изрядно потерлась в местах сгибах.

Ты прибегла к физическому насилию. Отличная работа.

Всё то теплое и мягкое, что было до этого в животе, мгновенно заледенело. Я не могла дышать. Бросив ещё один взгляд на Майкла, я увидела, что он так и продолжает улыбаться. Он бы так не делал, если бы знал, что такое настоящее насилие.

Я продолжила читать записку.

Ты не можешь отрицать, что у тебя ужасный вкус. Потому что вместо того, чтобы

общаться с привлекательным парнем, ты болтала с Авой о её сережках.

Я снова начала дышать. Это была просто шутка. «Люси, ты идиотка». Я быстро накалякала в ответ: «С кем? С сеньором Голдфарбом?» и бросила записку обратно.

Мне не удалось сдержать смешок, когда Майкл выпучил глаза, хлопнул рукой по груди и откинул голову назад, как будто его ранили мои слова.

— Сеньор Силвермэн.

Глазки-бусинки учителя уставились на Майкла, и он выпрямился, устраиваясь на стуле поудобнее.

— У вас какие-то проблемы?

— Я просто думал, что у меня сердечный приступ, — с самым серьезным видом сказал Майкл.

Кто-то позади нас начал хихикать.

— Но, слава богу, ложная тревога.

Голдфарб поджал свои губы.

— Занимайтесь своим сердечным приступом после урока, *por favor*²⁴, — произнес он. — А сейчас ответьте-ка на вопрос *numero tres*²⁵?

Вскоре я снова почувствовала как об меня ударился бумажный шарик. Взглянув на Майкла, я увидела, что он опять ухмыляется. С тяжелым вздохом я прочитала записку.

Поужинаем сегодня? У меня дома. Мы так и не съели то мороженое. И не закончили наш разговор.

Я поймала его взгляд, покачала головой и быстро, пока он не заметил, как краснеют мои щеки, прошептала одними губами.

— Репетиция оркестра.

Он пожал плечом, лениво и плавно, как большая кошка.

— У меня тренировка по плаванию. После неё, — также губами произнес Майкл.

Спустя ещё несколько записок мы решили, что он отвезет меня и что ни при каких обстоятельствах на ужин не будет рыбы или чего-нибудь азиатского.

— Как ты можешь не любить суши? — был его жалобный ответ.

Я отвернулась и подняла руку. И только после того, как сеньор Голдфарб вызвал меня, поняла, что не имею понятия о вопросе, который он задал.

* * *

Не успела я подумать о том, во что вовлекаю себя, как уже началась репетиция оркестра. Я не знала, нравится ли мне Майкл сам по себе или потому, что напоминает о брате. В этом-то и была вся проблема.

Когда Ванны стали Блэками, они были шокированы, когда я сказала им, что Люси хочет играть в оркестре. Джулия занималась этим годами и играла практически на всех существующих инструментах. Особо хорошо она обращалась с кларнетом, саксофоном и габоем, но могла извлечь звуки и из духовых, а пару раз у неё получалось даже с флейтой. Но дело в том, что Джулия также была в репетиционном зале и тряслась от страха за пюпитром, когда вокруг умирали люди. Блэки предположили, что нахождение в любом месте, подобном тому, окажется для неё травмирующим.

Как обычно, они ошибались. Репетиционный зал был моим убежищем. Да, тут были такие же пюпитры, как и тот, за которым я пряталась. Но, кроме этого, тут была музыка, сложная музыка, на которой мне приходилось концентрироваться. В эти моменты у меня не было времени думать о чём-то ещё.

Мы закончили с крещендо, и я отчаянно затрясла головой, пытаясь снять с себя оцепенение. Обычно, когда мы заканчиваем репетиции, я обнаруживаю, что едва помню о том, что происходило. Только после этого я заметила Майкла со склоненной головой и закрытыми глазами, подпирающего стену. Я подкралась к нему и стукнула футляром от кларнета.

— Тебе было так скучно?

Он открыл глаза.

— Я слушал, — возмущенно ответил он. — Пытался разобрать звуки твоего... гм...

Я изогнула бровь.

— Это кларнет.

— Точно. Кларнет — мой любимый музыкальный инструмент.

От Майкла пахло хлором, а волосы стояли дыбом.

— Я подумываю научиться играть на нём.

— Нет, не подумываешь.

— Нет, не подумываю, — согласился он. — Я в любом случае, только испорчу его. Будет умнее оставить сей инструмент в твоих талантливых руках. Если хочешь, я могу его понести.

— О, да ты просто джентльмен, — сказала я, вручая ему кларнет.

Он взял футляр и прижал его к себе, как нечто ценное. Хотя, так оно и было.

— Готова?

Я чувствовала, как взгляды девочек из оркестра упираются мне в спину. Парни подобные Майклу, обычно, держаться подальше от нашего крыла. Да, я готова. Пока кто-нибудь прожёт во мне дыру.

— Я только скажу Алейн, что меня не нужно сегодня подбрасывать до дому, — сказала я. — У неё скоро закончится репетиция хора.

Мы с Майклом направились к репетиционному залу, который находится прямо возле студенческой парковки. Пары хлора обступили меня как туман. И я снова начала думать о брате.

Как и Майкл, Райан был пловцом. Не самым лучшим, но и не худшим в команде. Он активно и упорно тренировался пока не стал чувствовать себя как рыба в воде.

Брат увлекся плаванием вскоре после того, как я вступила в оркестр, когда мне было тринадцать. Райан начинал со мной. Он ходил на все репетиции с футляром с трубой, а дома ставил его рядом с моим в моей комнате (и никогда в своей). Но все это так и не захватило его так, как меня. Я могла потеряться в звуках и инстинктивно слышала, малейшую фальш. Он мог извлечь из трубы множество звуков, но для него они все были одинаковыми.

Тем не менее, он продолжал заниматься, потому что эти уроки мы могли проводить вместе. Однажды, после репетиции, он задержался возле моего места, перекидывая свой футляр из одной руки в другую. Я сразу же начала нервничать.

— Сегодня после школы будет собрание. Для тех, кто интересуется плаванием, — сказал он.

Я моргнула.

— И?

Оно мне было также интересно, как и ритуальное самоубийство сэппуку²⁶.

Райан переступил с одной ноги на другую, а его труба опасно взметнулась вверх и вниз.

— Мне очень хочется заняться плаванием. Ты будешь ходить со мной?

Несмотря на то, что я не хотела, моим первым позывом было сказать «да». Мы всё делали вместе.

Но потом в голове вспыхнули слова Лив.

Говорят, о тебе. Смеются над тобой. Странные. Как будто ты влюблена.

— Да я лучше утону, — сказала я. — Но тебе стоит им заняться.

Райан опустил футляр на землю.

— Правда? Ты так думаешь?

— Конечно, — ответила я.

Тело потянулось, чтобы обнять его, но мозг снова восстал против этого.

— Это было бы замечательно. Я могла бы приходить на твои соревнования.

— Ты правда будешь приходить на соревнования?

— Конечно! — сказала я. — И буду кричать громче всех на трибунах.

Он пошел на ту встречу и вступил в команду. А потом Райан купил себе красно-черные плавки и такую же шапочку — цвета нашей школы — и очки, которые делали его похожим на инопланетянина. Он побрил ноги и грудь розовой бритвой, чтобы уменьшить сопротивление воды и стал застенчиво улыбаться, когда девушки — другие девушки, которые не были мной — аплодировали ему с трибун и шепотом восхищались его задницей и прессом. Мне хотелось схватить полотенце и замотать его в нем сразу же, как он выходил из бассейна.

— Так Алейн поет в хоре? — спросил Майкл.

Я подпрыгнула, чувствуя себя так, как будто перешагнула через портал в будущее. Но это, конечно же, было не так. Я просто подошла к репетиционному залу.

— Да, — ответила я. — Алейн — ведущее сопрано. И она крута.

— Понятно, — сказал Майкл, баюкая футляр с кларнетом, как ребенка. — Вы двое довольно музыкальная парочка.

Я уже собиралась закатить глаза, когда, наконец, появилась запыхавшаяся Алейн. К этому времени большинство ребят уже собрали вещи и ушли.

— Прости Люси, — выдохнула она. — Там был... о, привет, Майкл.

— Привет, Алейн.

— Меня сегодня не нужно подвозить, — сказала я. — Я поеду домой с Майклом.

Эта фраза приостановила поток её речи, но не на долго.

— Хорошо. Ах да, Люси, к нам на репетицию заходил парень и задавал о тебе вопросы. Это было странно. В конце концов, я пригрозила вызвать полицию, и он ушел.

— Мой отец полицейский, — сказал Майкл, доставая свой телефон. Я автоматически положила руку на футляр с кларнетом, чтобы он не упал. — Хочешь, я позвоню...

— Как он выглядел? — поинтересовалась я.

У меня сжался желудок при мысли о том, что она ответит. Модные очки. Помятый костюм.

— Высокий и худой. И взрослый. Лет тридцати, наверное. А еще у него были эти квадратные очки. Вообще, он выглядел довольно мило для зануды.

— Он задавал вопросы? Спрашивал обо мне по имени?

Он, наверное, надеялся застать меня одну.

— Ага, — сказала Алейн. — По твоему второму имени, Джулия. Люси Джулия Блэк. Не помню, чтобы ты говорила мне...

Её слова утонули в моем крике. Сердце билось так сильно, что я думала оно просто-

напросто выскочит из груди, и я упаду и буду биться на полу как умирающая рыбка пока она что-то трещит по поводу моего второго имени.

Я схватила её за плечи, вонзаясь ногтями в мягкую плоть. Судя по тому, как она вздрогнула, я причинила ей боль, но мне было все равно.

— Куда он пошел?

Я потрясла её, и Майкл схватил меня за руку.

— Эй, успокойся, — сказал он.

Я разжала пальцы и только тогда поняла, что Алейн часто дышит и её глаза блестят от слез.

— Прости, — произнесла я и отпустила её. — Ты видела куда он пошел? Это важно.

Она потерла плечо. Я видела отметины, которые оставила на её рубашке. Поглаживания не смогли разгладить их.

— На парковку, — сказала она. — Люси, с тобой все хорошо?

— Мне нужно найти его, — крикнула я, рванувшись с места.

Позади меня звучали шаги Майкла, а дыхание Алейн становилось все отдаление и отдаление, пока я совсем не перестала слышать его.

Выбежав на улицу, я, прикрыв глаза от солнца, с безумным видом осмотрела стоянку. Нельзя позволить ему уйти и в этот раз. Я наклонялась и вставала на цыпочки, пытаюсь найти его в рядах машинах, среди толпы детей пока, наконец, не увидела черный костюм, забирающийся в машину в дальнем углу парковки. Я бы не успела добежать до него, поэтому приняла поспешное и заведомом тупое решение.

— Майкл, нам нужно поехать вон за том машиной.

Он открыл рот, намереваясь спросить «зачем».

— Потом объясню, — сказала я, дрожа от нетерпения. — Нам срочно нужно ехать.

Больше так продолжаться не могло. Если Спенс хочет пообщаться со мной наедине, то так оно и будет. Майкл подождет в машине и прогонит его, если он станет угрожать. Судя по всему, у Майкла это хорошо получается.

Спенс сделал крутой поворот направо. Следующее две машины за ним поехали прямо, но Майкл повернул куда следовало.

— Это он? Твой экс?

— Да, — ответила я.

— Взрослый, — сказал Майкл.

Его голос был натянут как гитарная струна.

— Мне следовало бы позвонить отцу. Запомни его номерной знак.

Отличная идея. Я записала его номер в телефоне: 3RTR779.

Машина Спенса повернула налево. Теперь мы были прямо за ним. Я даже видела, как его голова покачивается над сиденьем.

— Серьезно, я считаю, что нам следует остановиться и позвонить отцу, — сказал Майкл. — Если он преследует тебя, то ехать за ним может быть опасно.

— Мы должны следовать за ним. Мне нужно знать куда он едет. Где остановился. Так не может больше продолжаться.

— Мы можем попросить объявить машину в розыск.

С этими словами Майкл начал съезжать на обочину.

Нет. Нет. Я не могу упустить его из виду. Не могу позволить ему уйти.

Как только мы остановились, я распахнула дверь и выпрыгнула из машины, готовая

преследовать Спенса куда бы он ни направлялся. Мне даже не пришло в голову насколько медленнее я буду двигаться по сравнению с ним. Может, у меня на лодыжках отрастут крылышки? В конце концов, я на стороне добра. А герои всегда побеждают.

Сделав около двадцати шагов, я почувствовала, как чьи-то пальцы схватили меня за руку. Спенс. Я дернулась еще до того, как мозг успел напомнить мне что «Привет, Люси, ты только что смотрела вслед удаляющейся машины Спенса, он просто не может стоять сейчас позади тебя».

Это был Майкл. Ну конечно же.

— Люси, ты в порядке? — спросил он и снова дотронулся до моей руки.

В этот раз он не хватал её, его пальцы были нежными, а голос низким.

— Мы его упустили, — уныло сказала я.

Не могу поверить, что позволила Спенсу ускользнуть. Снова. Это просто какая-то комедия ошибок.

— Конечно же, я не в порядке. Потому что он вернется и, возможно, убьет меня.

Или того хуже. Я лучше буду мертвой, чем снова стану Джулией Ванн со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Все будет хорошо. Мы поговорим с отцом. Я попрошу его пробить номера, а потом он наведи твоего бывшего.

— Нет! — вырвалось у меня до того, как я успела остановить себя.

От нервов у меня начала болеть голова. А может, это опухоль мозга.

— Не нужно посылать к нему отца. Мой бывший — очень опасный человек.

— Но ты же послала за ним меня, — не могу сказать, была ли в его словах гордость или обида. — В любом случае, нам нужно поговорить с отцом. Пошли ко мне.

Я последовала за ним. Другого выбора у меня все равно не было.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 10 лет.

После того, как закончился прием, я поговорил с родителями Райана. Как только он увидел в приемной всю свою семью, то сразу же бросился занимать место рядом с сестрой. Они склонили друг к другу головы и о чем-то зашептались. Как только я приблизился и пригласил родителей пройти в свой кабинет, близнецы посмотрели на меня и захихикали.

— Мистер и миссис Ванн, — сказала я, когда мы уселись. — Райан считает, что мультисистемная терапия никак ему не помогла. Вы знаете, как важно, чтобы семья и школа стали частью этого лечения. Я, как психолог, не смогу преуспеть в своей работе, если семья не будет активно вовлечена в процесс терапии. Я хотел бы проверить как вы с этим справлялись.

Оба родителя чувствовали себя неловко.

— Мы просто были так заняты, — начала мать.

— Я всю неделю разъезжал по командировкам, — продолжил отец.

— А я выставляла оценки и была так занята, что успевала только прибраться и накормить детей.

— Мы пытаемся, доктор. Клянемся. Просто это всё займет немного больше времени.

— А школа? — спросил я, пытаясь взять себя в руки и не разозлиться. — Вы поинтересовались как дела в школе?

Им стало еще более неловко, если это вообще возможно.

— Нам несколько раз звонил школьный терапевт, — сказала мать. — Судя по всему,

Райан пропускал свои приемы. Я поговорила с ним об этом, но...

Я не смог сдержать вспышки гнева.

— Такое ощущение, что вы уже отказались от него, — скорее выплюнул, чем произнес я. — Возможно, он сам со всем этим справится, а, возможно, и нет.

— А как насчет лекарств? — спросил отец. — Может, вы что-нибудь ему выпишите?

Лекарства. Я не смог сдержать усмешку. Любой врач может прописать их. Но программа по изучению и анализу поведения не постучится в дверь человека, который отказался от лечения социопатии и вместо этого просто выдал рецепт на лекарства. К тому же, как психолог, я не могу их прописывать, но это и не важно.

— Скажу вам как специалист, в данном случае таблетки — не лучшее решение.

На мой взгляд фраза «скажу вам как специалист» вызывает у людей доверие.

— Они лишь притупляют болезнь и могут быть опасными. Они могут превратить его в совершенно другого человека. Мы же просто хотим, чтобы он сдерживал свои вспышки. Скажу вам как специалист, терапия — лучший выбор, но её нужно проводить регулярно.

— Я знаю, — сказала мать. — Я знаю. Я знаю, мы знаем. Мы будем стараться. Обещаем.

* * *

Я не ожидал большого прогресса, когда через две недели Райан пришел ко мне на следующий прием.

— Как дела, Райан? — спросил я.

— Хорошо, — ответил он.

— Как прошли эти две недели?

— Хорошо.

— Как общением с родителями и школьным терапевтом?

— Хорошо.

В этот раз он мельком взглянул на меня. Клянусь, в его глазах была такая мука, что мне и самому стало больно.

— Родители сказали, что вы не разрешили давать мне лекарства.

— Это правда.

Он моргнул.

— Спасибо. Я не хотел их принимать.

— Всегда пожалуйста, — ответил я и его взгляд немного смягчился. Я перешел к вопросу о терапии. — Ты разговаривал с родителями и школьным врачом?

— Я слышал, как общались родители. Мама сказала, что принимает таблетки и поэтому чувствует себя иногда как зомби. Я не хочу чувствовать себя как зомби.

— Я тоже не хочу этого для тебя. А как твои приемы у терапевта? Ты ведь общался и с родителями, и со школьным терапевтом?

Он уставился на пол, на свои ноги.

— Они попросили, чтобы я сказал «да».

Мое сердце «бухнуло вниз».

— Так ты не общался с ними?

— Нет, — проворчал Райан. — Но за последние несколько недель я никого не убивал.

Он напряженно посмотрел на меня, как будто искал одобрения. Моего одобрения. Это прорыв. Маленький, но прорыв.

Тем не менее, слова замерли у меня в горле. Что я должен на это сказать?

— Ну, — наконец, произнес я. — Я рад это слышать. Ты, вроде как, делаешь успехи.

Его лицо озарила искрящаяся, как молния, улыбка. Но, как и молния, она быстро пропала.

— Но это долго не продлится, — его голос звучал озабоченно. — Даже если я очень этого не хочу.

У меня скрутило живот.

— Любой человек может измениться, — сказал я. — Даже ты. И не важно, что говорят тебе другие.

Он одарил меня еще одной улыбкой, но на этот раз грустной.

— Нет, — ответил Райан.

Его улыбка была терпеливой — вот правильное слово. Райан улыбался как будто он — учитель, а я — ученик.

— Но я благодарен вам за старание. И еще раз спасибо за решение вопроса с таблетками.

Не важно, что я спрашивал и говорил после этого, он не произнес ни слова.

Глава 8

Честно признаться, я ожидала, что Майкл высадит меня на обочине и умчится со скоростью света подальше. Но он оказался слишком хорошим для этого. Это я тоже предполагала. Так что, оба мои ожидания уравновесили друг друга.

Дорога обратно в город была тихой и спокойной, не смотря на пульсацию в моей голове и побелевшие костяшки пальцев у вцепившегося в руль Майкла. Стресс от того, что мы упустили Спенсера проявил себя физически. Такое ощущение, что в голове прыгает рогатый демон, периодически впиваясь когтями в череп. И я не имела бы ничего против, если бы только эта боль смогла заставить меня перестать думать о том, зачем Спенс ищет и преследует меня, если убегает, как только я оказываюсь поблизости.

Первым, кто умер в репетиционном зале, был Эван Вайлд, мой бывший и/или, тепер уже, пожизненный парень. По крайней мере, именно это коронеры²⁷ сказали репортерам, сама я ничего не помню о том дне. Посттравматическая амнезия. Довольно распространенная штука, поведали доктора, у тех, кто пережил столь ужасные события.

Пуля попала ему в голову, прямо между глаз. Он в это время стоял у стены со скрещенными руками. Эван не был участником оркестра. Вы, наверное, спросите, что же он там делал? Я отвечу вам то же, что и полиции, и репортерам — не знаю. Возможно, я попросила его прийти. К сожалению, я не помню. Помню, как выползла из кровати под трезвонящий будильник брата. Помню, как задремала на пассажирском сиденье его машины. Помню, как зашла в класс и шлепнулась за парту рядом с Лив. Помню, как шла в репетиционный зал и вырезала свое имя на пюпитре. Помню, как брат вытащил пистолет из своего-моего рюкзака. И это всё. После выстрела меня накрыла полная темнота.

Кстати, говоря о Лив. Когда-то она была моей лучшей подругой. Лучшие друзья не расстаются так же, как парни и их девушки. Лучшего друга нельзя бросить или изменить ему. Когда-то мы с Лив сделали браслеты дружбы, и обменялись половинками подвески в виде сердца. А потом, в один мрачный и дождливый день, между нами пробежала черная кошка. Но даже после этого, если кто-то спрашивал меня о ней, я автоматически отвечала: «О да, она моя лучшая подруга».

Лив, как сказали коронеры, умерла второй. Когда Эван падал на пол, ударяясь головой о подоконник и заливая ковер кровью, мой брат уже целился в новую жертву. Некоторые дети

кричали, или только начали кричать, но не Лив. Она так и сидела в центре ряда, не пытаясь встать или убежать. Может, она просто оцепенела от страха. Пуля попала ей в сердце, и она упала на спину, а следом за ней, прямо на её рану, свалился пюпитр. Так сказали коронеры.

Мы с Майклом так и не перемолвились ни словом к тому моменту, как подъехали к его дому. Он заглушил машину и несколько секунд просто сидел. Я не возражала. У меня было такое чувство, как будто вся энергия просто вытекла из меня через подошвы ног, образовав на полу теплую лужицу, и это не считая пульсации во лбу.

— Ну так что, — сказал Майкл. — Мы будем говорить о том, что произошло?

— У меня болит голова, — ответила я, прислонив щеку к ремню безопасности.

Майкл продолжал стучать пальцами по рулю, а возле его глаза вздувалась вена.

— Люси, — произнес он. — Мы могли погибнуть. Ты пыталась встретиться лицом к лицу с человеком, который, по твоим же словам, слишком опасен даже для моего отца. А у него есть пистолет.

— Думаю, ты немного все преувеличиваешь.

Дом Майкла, небольшое очаровательное двухуровневое строение с ярко-красными жалюзи, поплыл передо мной. Я закрыла глаза и отключилась.

— Люси. Люси, ты в порядке?

Я снова открыла глаза. Его дом послушно вернул свои прежние позиции, правда с немного смутными очертаниями углов.

— Нет. Я имела в виду «да». Просто очень болит голова. Мне нужно немного посидеть.

Он благородно решил не напоминать мне о том, что я и так сижу. А потом помог мне дойти до крыльца и провел в кухню, в которой преобладали красные, белые и голубые цвета.

«Его родители, наверное, очень патриотичные», — подумала я, усаживаясь за стол.

— Вот. Попей воды, — сказал Майкл, вручая мне стакан.

— Спасибо.

Он тяжело бухнулся рядом. Не желая смотреть на него, я наклонила голову и прижала щеку к прохладной поверхности стола. Я ожидала, что он снова станет задавать вопросы и была готова, к тому, чтобы начать биться головой о столешницу до тех пор, пока она не треснет, но он не промолвил ни слова. Было слышно лишь как он с тихим бульканьем потягивает воду.

Наконец, Майкл заговорил.

— Ты помнишь номер? Записала его в телефон? Я попрошу отца пробить его. Может, это как-то поможет.

Я вытщила трубку и прочитала его вслух. Он прошел в другую комнату, чтобы позвонить. Я опустила подбородок на руки и внимательно прислушалась. С прихожей до меня доносились следующие слова: *«Какой-то подонок преследует мою подругу; она видит, его позади своей машины вот уже около недели; она просто хочет убедиться, что он не представляет угрозы. Нет папа, я не собираюсь навещать его с бейсбольной битой, это было только один раз»*. Я заинтересованно подняла голову. Так значит, он не просто привлекательный парень с милой улыбкой и красивым загаром. Он тоже может лгать, как и я. У него тоже есть вспыльчивая сторона. Может, нам и будет хорошо вместе.

Майкл вошел в кухню, засовывая в карман телефон.

— Отец собирается пробить для нас номер, — сказал он. — Не переживай. Тебе нужно что-нибудь поесть. Я собирался научить тебя резать овощи, но, наверное, тебе стоит просто посидеть. Мы можем сделать это в следующий раз.

Я улыбнулась, когда он встал возле плиты.

— Не стоит даже и пытаться. Результат, в любом случае, будет ужасный. Я плохо лажу с ножами. Мне бы не хотелось накормить тебя салатом с кусочками пальцев Люси.

— Всё получится, тебе просто нужно понять принцип.

Он взял лук и грибы и в мгновение ока порезал их на кусочки.

— А сейчас ты просто понтуешься.

Он сверкнул своей самоуверенной улыбкой через плечо.

— Что если и так?

Майкл выложил овощи и чеснок в сковороду. Их насыщенный запах наполнил кухню и мой рот наполнился слюной.

— Что ты готовишь?

— Лазанью.

— О, я люблю лазанью.

Он помешал содержимое сковороды, отчего аромат стал как будто еще насыщеннее, и добавил в него консервированные измельченные помидоры.

— Консервированные помидоры? Ты, определенно, издеваешься.

— А ты хочешь, чтобы я начал готовить соус? — вопросительно подняв брови, спросил Майкл. — Не думаю.

Я снова положила голову на стол. Кажется, боль стала уходить.

— Так значит у тебя есть сестры? — поинтересовалась я, чтобы не заснуть.

— Три. Я самый младший в семье, — ответил он, еще раз мешая содержимое сковороды. Оно пахло почти как пицца. Мне пришлось поднять голову, чтобы не залить стол слюной. — Алисия, Алианна, Ария, Майкл. Я единственный, у которого имя начинается не с «А». Одна из многих вещей, которые делают меня особенным.

Я закатила глаза.

— А дома есть кто-нибудь из них?

Меня интересовало, не появятся ли лишние рты на лазанью. Потому что я была уверена, что могу сама съесть целую сковороду.

— Нет. Алианна и Ария в колледже, в Беркли. Алисия живет на Манхэттене и занимается рекламой. Или модой. Что-то типа этого.

— Как ты можешь не знать, чем занимается твоя сестра?

Я всегда знала, что делает брат. Всегда. Я знала, когда он спит; какой у него урок; как долго продлится тренировка по плаванию; в какой кинотеатр он ходил, во время своего единственного свидания. Неохотно, но я заставила его сходить куда-нибудь с Лив, чтобы она прекратила ныть о том, какой Райан очаровашка, и что он никогда даже не обратит внимание на такую, как она.

Майкл пожал плечами, попробовал соус, а потом убавил температуру и закрыл сковороду крышкой.

— Ей тридцать два. К тому времени, как я научился ходить на горшок, она уже переехала. Сестра училась в колледже в Нью-Йорке и приезжала домой только на Рождество и летом на несколько недель. Честно сказать, я воспринимаю ее больше как тётю, чем сестру.

Мои глаза наполнились слезами.

— Это так печально.

Я не плакала, когда полицейские выводили меня из школы. Я не плакала и

поддерживала мать, когда она рыдала над неподвижным телом моего брата. Я не плакала, когда оставила свой дом. Но у меня такое чувство, что я сделаю это сейчас. Может, головная боль повредила мой мозг. А может, это вообще опухоль.

Я решила поменять тему разговора и спросить о плавании.

— А как давно ты...

Майкл дернулся и вытащил из кармана телефон, а потом придавил его ухом к плечу, одновременно наливая воду в большую кастрюлю и добавляя соль.

— Привет, пап.

Я наострила уши. Зубы начали болеть так, как будто я наелась сахара.

— Угу, угу. Хорошо. Нет, не сейчас. Подожди секунду.

Он схватил ручку и лист бумаги со столешницы и что-то нацарапал.

— Я дам ей знать. Спасибо. Пока.

Майкл отключился, а потом с серьезным выражением лица, развернулся ко мне.

— Эти номера принадлежат автомобилю Джозефа Гудмена, адрес Гейтс Авеню 477, номер телефона 707-555-1299. Тебе знакомо что-нибудь из этого?

— Нет, — ответила я в смятении.

Это может быть помощник Спенса. Если он преследует меня, то, скорее всего, делает это не под своим именем. Он умен. Он же доктор. Или мог украсть машину. Джозеф Гудмен может быть каким-нибудь выжившим из ума полуслепым старичком, даже и не подозревающим о пропавшей машине, которую он уже давно не водил.

Был только один способ всё выяснить.

— Спасибо за то, что поговорил с отцом, — искренне сказала я.

— Рад был стараться, — ответил Майкл. — Хочешь, я позвоню Гудмену и пригрожу ему?

Я кивнула в сторону плиты.

— У тебя вода кипит.

Он забросил в кастрюлю листы пасты и повернулся ко мне.

— Так хочешь?

— Нет, — ответила я, тронутая его предложением.

Может, он когда-то и появился у кого-то с битой, но в этом деле она не поможет. Бейсбольная бита может вдребезги разбить и так рискованное существование Люси Блэк.

— Слушай, это может быть просто случайность. Может, это была даже не он и я просто беспричинно наложила в штаны.

Майкл сжал губы и покачал головы.

— Мне так не показалось, Люси.

— Мы можем поговорить о чем-нибудь другом? — мои слова прозвучали сдавленно, как будто я выталкивала их из себя. — Я просто хочу провести несколько часов не думая о нём.

Я не стала уточнять что «он» — это Спенс или мой брат.

— Хорошо?

Майкл посмотрел на кипящую воду, потом на меня, потом на сковороду с булькающими помидорами и снова на меня. А затем он сделал то, чего я абсолютно не ожидала: Майкл шагнул ко мне, опустился на колени как рыцарь, ожидающий посвящения, и обнял так, что его лицо уперлось мне в плечо. Не в грудь, я это заметила. Тем не менее, я не удивилась. Он хороший человек. И заслуживает кого-то лучше, чем я.

Я наклонила голову, зарылась носом в его волосы и фыркнув, вздрогнула, когда завитки защекотали мой нос. От него пахло хлором с примесью чеснока и лука.

Ни я, ни он не сказали ни слова — если мы будем молчать, то не сможем загубить такой момент. Эта роль досталась его отцу, который громко хлопнул входной дверью и объявил о своем присутствии, парой очень выразительных откашливаний. Мы с Майклом отскочили друг от друга. Я, чуть было, не перевернулась на стуле, а Майкл едва избежал удара столешницы по голове. От шока у меня прошла головная боль.

— Добрый вечер, — хрипло сказал его отец.

На нём была полицейская униформа с фуражкой, крепко сидящей на голове и многочисленными сверкающими значками на груди.

— Ты Люси? Та, которую преследуют?

— Это я, — мне пришлось улыбнуться. — Но все в порядке. Я буду в порядке.

Он посмотрел на меня так, как будто может видеть сквозь кожу всё, начиная от внутренностей и заканчивая пульсом и кровью, начинающей приливать к моему лицу. Я почувствовала себя даже хуже, чем просто обнаженной.

— Дай мне знать, если кто-то станет беспокоить тебя, — сказал он. — Я позабочусь о нём.

Думаю, его понятия о заботе очень отличается от моего.

— Спасибо, сэр.

Он бросил на Майкла оценивающий взгляд.

— Ну что ж, — произнес он. Майкл уставился в свой соус так, как будто в нем были спрятаны пиратские сокровища. — Что у нас тут?

* * *

Когда отец Майкла уселся за стол, а вскоре к нам присоединилась и его мать, полная, розовощекая женщина с темными волосами, сквозь которые была видна седина, я сразу же начала придумывать оправдания, чтобы уйти: я плохо себя чувствую. Я только что вспомнила, что у меня аллергия на помидоры. Мою собаку сбил автобус и мне нужно мчаться к ветеринарную клинику, в которой уже находятся родители.

Тем не менее, я продолжала откладывать свою речь и вскоре, даже не заметив, как, уже активно наяривала лазанью. Я решила поесть и понаблюдать за их отношениями, как будто я в зоопарке или провожу медицинское исследование. Я заметила, как мать крепко, но не до боли сжала руку Майкла, когда из его рта случайно вылетело непристойное слово. Проследила за тем, как отец посмеялся над шуткой своей жены, отчего кусочки помидоров разлетелись по чистой столешнице. Обратила внимание на то, как заблестели глаза сына, когда он посмотрел на исследовательницу, и как эта самая исследовательница неожиданно очень сильно заинтересовалась своей пастой. То, как его семья общалась, дотрагивалась, смотрела друг на друга, то как они шутили — все было наполнено любовью. Я решила, что любовь — это очень захватывающе.

После лазаньи, мы полакомились мороженым, а после этого раздалось удивленное восклицание мамы:

— Посмотрите, как поздно. Тебе пора домой, Люси. Уверена, твои родители очень беспокоятся.

Я подумала, но не сказала: *«Конечно, если вы под беспокойством имеете в виду то, что они даже не в курсе, что меня нет дома».*

— Да, — вместо этого произнесла я.

— Ты сможешь доехать до дому? — поинтересовалась мама.

— Я не вожу машину.

— Почему?

Я встала.

— Просто не вожу. Я могу позвонить отцу.

— Не звони, — сказал Майкл, бросив раздраженный взгляд на мать, и я мгновенно успокоилась. Значит, в этом доме не все время витает любовь. — Я довезу тебя.

— Спасибо.

Его родители поцеловали меня — правда, самым настоящим образом поцеловали — на прощанье и дали мне с собой пластиковый контейнер с лазаньей. Он уютно устроился на моей ноге, тяжелый и теплый. Я знала, что как только доберусь до дома, то сразу же наброшусь на нее. Хотя в моей кухне, она уже не будет такой вкусной.

— Ну что ж, — сказал Майкл, когда мы припарковались возле дома.

Поезда опять прошла в тишине, но в этот раз, она была какой-то... уютной. Как тишина после шторма, когда воздух свежий и пахнет дождем.

— Увидимся завтра.

— Увидимся. Спасибо за то, что довёз.

Мы молча уставились друг на друга; от его нежного взгляда у меня все сжалось в желудке.

— Что ты думаешь об имени Джулия? — выпалила я, даже не подумав.

Майкл склонил голову.

— Хорошее имя, — сказал он. — Но даже близко не такое красивое, как Люси.

Он смотрел на меня, а я на него. А потом я наклонилась и поцеловала Майкла в щеку. Он замер. Я чувствовала, как под гладкой кожей бьется его сердце. Он тяжело сглотнул и этот звук эхом прокатился по его костям, мышцам и гладкой нежной коже прямо в мою голову.

— Люси...

Это фальшивое имя развеяло все чары. Я отстранилась, чувствуя себя как идиотка, и выпрыгнула из машины, боясь, что мой предатель-рот скажет или сделает что-нибудь ещё.

— Спокойной ночи! — прокричала я и поспешила в дом.

Я не оглянулась. Ни разу, но слышала, что он не отъехал пока я не зашла во внутрь.

Завтра. Я увижу его завтра. В животе начали порхать бабочки, но я быстро пресекла это. У меня есть куда более серьезные вещи, о которых нужно подумать. Завтра, опасно это или нет, я должна сходить по адресу Гейтс Авеню 477 и навестить мистера Джозефа Гудмена.

Глава 9

Остаток вечера я провела на «горячем» свидании, со своим другом Гуглом. Удивительно, и немного страшно, сколько всего можно нарыть, зная лишь имя, адрес и телефонный номер. Одного имени в этом деле недостаточно. Оказывается, в мире куча Джозефов Гудменов. Когда я ввела его фамилию и имя в поисковую строку, то на экране появился профиль и отзывы на звездного стоматолога. Копнула поглубже —ковылазили и другие, как грибы после дождя: баскетболист из младшей лиги, учитель средней школы, получивший несколько наград за заслуги перед обществом, полицейский, прикрывший собой от пули бывшего мэра, пуля попала ему в голень, в результате чего он стал обладателем протеза и нескольких благодарностей за храбрость, и местная театральная звезда с собственным сайтом и явно раздутым эго. Мой Джозеф Гудмен мог быть любым из них. Или

никем.

С адресом мне повезло больше. Google Earth²⁸ показал мне маленькую, скромную ферму с коричневыми потеками на сайдинге и сухим газоном. Несмотря на то, что машина Google Street View²⁹ делала съёмку в дневное время, все окна были плотно закрыты, а на крыльце лежала стопка газет. Значит, в доме никого не было, по крайней мере неделю. Или никто просто не выходил на улицу. Согласно очень удобным и полезным данным Google Maps³⁰, ферма находилась приблизительно в двадцати восьми минутах езды на машине.

— Люси?

Я подпрыгнула, резко повернулась и посмотрела на мать. Она стояла в дверях и нервно стучала ногтями по дереву. Наверное, собиралась накрасить их.

— Ты ещё не спишь?

— Нет, очевидно же, что я сплю, — сказала я.

— Не нужно грубить, — мягко произнесла мать. — Уже за полночь, а тебе завтра идти в школу.

До событий в репетиционном зале, мама говорила мне тащить свою задницу в постель. Сейчас она просто стучит ногтями. Я же хотела, чтобы она сказала про постель.

— И что? — с вызовом воскликнула я. — Буду не выспавшейся. Имею право ложиться спать, когда захочу.

Тук. Тук. Тук.

— Тебе только семнадцать, — сказала она.

— И?

Стук стал громче, как будто она пытается проделать в дереве дыры.

— Люси... — мама умолкла.

— Да?

Позади неё раздались шаги и, когда в коридоре появился отец, я мгновенно встала.

— Люси Блэк, — сказал он. — Ты слышала, что сказала мама.

— Она говорила, но ничего не сказала, — ответила я.

Глаза наполнились слезами, отчего фигуры родителей расплылись в какую-то абстрактную картинку.

Отец некоторое время просто смотрел на меня, а потом обнял мать за плечи.

— Иди спать, Люси. Мы поговорим об этом завтра.

Я знала, что этого не произойдет.

* * *

С трудом, но я всё же проснулась на час раньше, чтобы стащить папин пистолет. После того, как я выползла из кровати, почистила зубы и протёрла глаза, то вспомнила, что у нас его больше нет. Он находится в комнате с уликами в полицейском участке Элктона. Его запечатали в пластиковый пакет, пронумеровали и положили в коробку, которую в свою очередь, поставили среди сотен других таких же коробок. Может, это к лучшему. Мне не придется врываться с оружием в руках. Если учесть то, что Спенс знает о моем брате, то он вряд ли нормально это воспримет. Он, возможно, и опасен, но я помню его высоким, тощим мужчиной с худыми руками и ногами. Я смогу с ним справиться. Я определенно смогу убежать от него. Все, что мне нужно — пригвоздить его к месту своим холодным взглядом и спросить, почему он меня преследует. Если бы он хотел навредить или убить меня, то у него было для этого куча возможностей. Определенно, он хочет чего-то другого.

Я поступлю так, как Эдди Мейер. Он погиб третьим согласно захватывающему,

номинированному на Пулитцеровскую премию³¹ изложению событий, по кусочкам восстановленному первоклассным репортером Дженнифер Розенталь, или Дженни, из отчетов полицейских и коронеров, интервью с учениками и невероятно бесполезного разговора с сестрой стрелка. После того, как тела Эвана и Лив прошли пули, а все остальные оказались слишком шокированы, чтобы бежать к выходу, Эдди схватил свою баскетбольную битую (как и Эван, он не был участником оркестра; если бы только я могла вспомнить, что он там делал, то у меня в руках оказался бы недостающий кусочек для пазла Дженни) и бросился на моего брата, который пять раз выстрелил ему в грудь. Бедный Эдди — он был храбр, но не очень умен.

Когда я сказала, что поступлю как Эдди, то не имела в виду, что умру. Я, как и он, встречусь с угрозой лицом к лицу. Ну и прихвачу перцовый баллончик. На всякий случай.

Алейн, как и всегда, подобрала меня ровно в семь тридцать пять. Она настолько пунктуальная, что иногда мне кажется, что она специально катается по району, выжидая идеальный момент для того, чтобы остановиться возле моего дома.

— Ну? — поприветствовала она меня, как только я залезла в машину. — Как прошло свидание?

— Это было не свидание.

Я пошарила в сумочке, чтобы убедиться, что баллончик лежит на самом дне. Как вы понимаете, подобные вещи нельзя приносить в школу. Но это же не Элктон, где, как я слышала, ученикам теперь приходится проходить через металлоискатели и осмотр сумок только для того, чтобы пройти в класс. Как будто это остановило бы моего брата.

— Мне просто кое-что нужно было от него.

— Ой, да ладно, — сказала Алейн. — Это было свидание. Он приготовил тебе ужин у себя дома. Что же это ещё, если не свидание?

— Ладно. Это было свидание. Оно прошло хорошо. Его родители тоже на нём присутствовали, так что всё получилось немного странно.

У неё отвисла челюсть, и она заморгала так часто, что я начала переживать, что ей не видно дорогу.

— Ты уже познакомилась с его родителями? Люси, как ты могла не сказать мне об этом?

Я неловко поёрзала на своём месте.

— Ну, это было не так, что он сказал: «Эй, Люси, познакомься с моими родителями. Мы сегодня ужинаем с ними». Они, скорее, просто вошли и уселись за стол.

— Все равно, — она вздохнула и взволнованно прижала руку к сердцу. — Это хороший знак. Если только ты им понравилась.

Я всегда нравилась людям.

— Думаю, что да, — сказала я.

— Как хорошо.

Её ресницы затрепетали, как будто она о чём-то мечтает. Серьезно, она вообще смотрит на дорогу?

— Очень важно нравится родителям своего парня.

— Он не мой парень, — автоматически ответила я.

Пора менять тему разговора.

— Алееееейн, я буду любить тебя всю жизнь, если после школы ты кое-куда отвезешь меня.

— Ты уже это обещала, — сказала она. — Собираешься отказаться от своих слов?

— Наверное, мне всё-таки придется завести детишек от Майкла, — подняв брови и вытянув губы произнесла я.

— Никогда! — возмущенно воскликнула она. — Но сегодня после школы мне нужно к зубному, детка. Мы можем перенести нашу поездку на завтра?

Я опустила плечи и склонила голову так, что волосы, как занавеска, укрыли моё лицо.

— Это очень важно, — приглушенно сказала я. — И я должна поехать сегодня. Может мне стоит попросить Эллу? Или Майкла?

— Каким бы я была личным шофером, если бы позволила тебе это сделать? — нахмурившись произнесла она. — Думаю, я смогу убедить маму отменить прием. Я в любом случае, ненавижу зубных врачей. А куда мы поедем?

Интересно, она случайно не собиралась посетить самопровозглашенного звездного стоматолога Джозефа Гудмена? Может, она попадет к нему после нашей поездки. Это был бы очень неприятный сюрприз.

— Скажу попозже.

— Сюрприз! — воскликнула она, оживляясь. — Как захватывающе!

Вот почему я люблю Алейн. Эта любовь не похожа на ту, что я наблюдала вчера — с пылкими взглядами и предупреждающими касаниями плеч. Это — любовь, не обращающая внимание ни на что. Так думаю я.

* * *

Уроки пронеслись, как метеор. Не успела я загадать желание, как они уже закончились, и я ожидала Алейн возле зала, где репетирует хор. С сияющим лицом, она выпрыгнула в коридор.

— Так куда мы едем? — спросила она, следуя за мной на парковку.

— На Гейтс-авеню, — сказала я. — Это за Саннивейл, на границе с Мэдисон.

— Аж туда? Зачем?

Возможно, мне стоит придерживаться той же истории, что я рассказала Майклу. Чтобы всё согласовывалось. Это одно из правил хорошего лжеца: не запутывай себя, если на то нет необходимости.

— Я когда-нибудь тебе рассказывала о своем бывшем? — спросила я, одновременно придумывая имя. — Эндрю.

— Не думаю, — сказала она, забираясь в пикап. Я сделала тоже самое, а потом, как обычно, изучила асфальт через дырку в днище машины. Ничего. Жаль. Мне бы совсем не помешал «счастливый» пенни. — А я его видела?

Алейн завела машину.

— Нет. Он из того места, где мы жили раньше.

— Эндрю, Эндрю, Эндрю, — сказала она.

Мимо нас прошла толпа весело болтающих учеников.

— Нет, не думаю, что ты о нём упоминала. Но, возможно, это не так. Ты же знаешь какая у меня плохая память.

— Как решето, — согласилась я. — В одно ухо влетает, в другое вылетает.

— Вот только давай без шуточек.

Она положила руку на спинку моего сиденья и отвернулась. Толпа детей разделилась и направилась в разные стороны.

— Так что насчет Эндрю?

— Он был... — стратегическая пауза. Опущенные глаза. Пауза должна длиться достаточно долго, чтобы она обернулась и заметила положение глаз. — Не очень хорошим человеком. На самом деле, даже его полной противоположностью. Он... — я замолчала.

Еще одна тактика хорошего лжеца: иногда молчание может сказать больше, чем слова.

— Понимаю, — мягко сказала она. — Тебе не нужно ничего больше говорить. Прости.

Я пожалала плечами и дотронулась рукой до воображаемого синяка, в этот раз на щеке.

— Это закалило мой характер, — сказала я. — Сделало меня той, кто я есть.

— Хорошо, что ты воспринимаешь это так.

— Спасибо, — произнесла я. — Но... — я подождала пока она снова посмотрит на меня. Хотела убедиться, что Алейн увидит, как я дотрагиваюсь до щеки. Это один из моих лучших приемов. — Я думаю, что он здесь. Думаю, что она нашел и теперь преследует меня.

Она замерла, чуть не врезавшись в машину впереди нас.

— Тот парень... после репетиции... взрослый.

— Это был он, — сказала я. — И он не такой уж и взрослый. Я практически уверена, что это был он. Так же, как и в «Крейзи Эллиот». Вот почему я тогда испугалась.

— О Боже, — воскликнула Алейн, а потом её губы начали двигаться, не издавая при этом ни звука. Как будто она молилась. — Так...

— Мне нужно поговорить с ним. Я не хочу звонить в полицию. Это все может и яйца выеденного не стоить.

— Мы едем к нему домой?

Она резко затормозила. Я открыла рот, чтобы возмутиться, и только тогда поняла, что мы просто стоим на красном свете.

— Люси, это может быть очень опасно. Если он преследует тебя...

— Ты останешься в машине и будешь за всем наблюдать, — сказала я. — Я не стану входить в дом. Просто хочу встретиться с ним лицом к лицу и попросить оставить меня в покое. Пусть знает, что я уже не беспомощная маленькая девочка.

— Но Люси...

— Разрешаю тебе набрать 911, если он попытается что-то сделать. Но он не попытается. Я знаю, он ... не причинит мне вред, — выражение лица Алейн было явно скептическим. — По крайней мере не при людях.

— Я не одобряю этого, но ты ведь все равно сделаешь по-своему? — нахмурившись, вздохнула она.

Я кивнула. Она снова вздохнула.

— Будет безопаснее, если я буду поблизости.

— Вот именно, — сказала я.

— Серьезно, хотя...

— Мне нужно это сделать, — перебила я её.

Алейн больше не произнесла ни звука.

Я сразу поняла, когда закончился Саннивейл и начался Мэдисон, — и не только потому, что увидела большую вывеску, сообщающую об этом; просто очаровательные домики с идеальными газонами и оживленные торговые комплексы сменились грунтом и деревьями. Я едва смогла разглядеть маленькие убогие строения вдалеке от дороги. Да и сама дорога была ухабистой. Хотя в пикапе Алейн даже идеальная трасса была таковой.

Наконец, мы свернули на Гейтс-авеню, которая оказалась в таких колдобинах и ямах, как будто мы ехали по земле, а не по асфальту. Улица была застроена домами, которые

стояли на приличном расстоянии друг от друга, так что их жители едва могли видеть своих соседей. Если вам захочется одолжить чашку сахара, то для этого придется хорошо прогуляться. Примерно через милю мы остановились перед домом с номером 477.

— Ещё не поздно повернуть обратно и позвонить в полицию, — с тревогой в голосе произнесла Алейн.

Я хлопнула её по плечу.

— Жди здесь. Хорошо? С телефоном наготове, — попросила я.

Она кивнула и так крепко сжала губы, что они даже побелели по краям.

— Я буду разговаривать с ним на крыльце. Если зайду во внутрь, звони полицейским.

— Хорошо, — костяшки ее пальцев, державших телефон, тоже были белыми. — Надеюсь... это поможет тебе.

— Я тоже на это надеюсь, — ответила я, сжав руки в кулаки.

Выбравшись из машины, я почувствовала, как бешено стучит мое сердце и трясутся руки. Несмотря на это, я расправила плечи и подняла подбородок повыше. «Спенс не причинит мне вред. Если бы хотел, то уже давно бы это сделал». Повторяла я про себя эту мантру, которая звучала как рэп на фоне стука в ушах.

Я три раза постучалась в дверь, покрытую пятнами коричнево-зеленой плесени; жалюзи были плотно закрыты, а со сточного желоба, свисающего над крыльцом, на цемент капала ржавая вода.

Дверь немного приоткрылась, и я напряглась.

— Джулия Ванн, наконец-то. Я тебя ждал.

Это был не Джозеф Гудмен, а Спенс. Стёкла именно его очков блестели в проёме. Я вытянула шею, чтобы заглянуть во внутрь и заметила, что на двери висит цепочка. Как будто из нас двоих боится именно он.

Меня.

Эта мысль придала мне уверенности.

— Вы преследовали меня, — сказала я. — Я пришла, чтобы вы прекратили это делать. Оставили меня в покое. Или я позвоню в полицию.

Спенс сухо усмехнулся, так и не сняв цепочку.

— Тебя удивительно непросто застать одну, Джулия...

— Мое имя больше не Джулия, — перебила я его. — Я — Люси. Если вы собираетесь говорить со мной или приходить в школу и вторгаться на мою территорию, то запомните, что моё имя Люси Блэк.

Сердце билось как сумасшедшее и я подумала, что могу потерять сознание и упасть прямо на крыльцо.

— К тому же, мне не показалось, что вы вообще меня ждали, учитывая то, что каждый раз, когда я оказывалась поблизости, вы сбегали как трус. Даже сейчас вы прячетесь за дверью. Чего вы боитесь? — Мой голос звенел от сарказма. — Я подросток, а вы взрослый мужчина. Переживаете, что я выдеру вам волосы? Исцарапаю?

— Нет, — задумчиво сказал Спенс. — Это не то, чего я боюсь.

— Чтобы это ни было, мне всё равно. Просто держитесь от меня подальше, или вы об этом пожалеете.

Я развернулась, чтобы уйти.

— Ты говоришь совсем как твой брат.

Я замерла и очень, очень осторожно развернулась обратно.

— Простите?

— Я пытался застать тебя одну по причине, которую ты и сама знаешь, — сказал Спенс. Могу с уверенностью сказать, что он был тоже очень, очень осторожен. — Ты не поинтересуешься, зачем?

Мне всё равно. Мне всё равно. Спенс, как и Райан были частью жизни Джулии Ванн, а теперь Люси Блэк. Люси Блэк не должна ничем интересоваться.

— Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое, — прошипела я.

Алейн сидела в машине на порядочном расстоянии от нас. Она не могла слышать то, что сказал Спенс. Я не могла позволить ей этого сделать. Может, было ошибкой просить её отвезти меня.

— Я не хочу больше иметь ничего общего ни с вами, ни с Элктоном.

Я снова повернулась, чтобы уйти.

— Он просил передать, что любит тебя.

Я остановилась и развернулась.

— Зачем вы это делаете? — запинаясь, поинтересовалась я. А потом услышала, как в отдалении хлопнула дверь машины. Этот звук дрожью отозвался в моем теле. — Я достаточно пережила. Просто оставьте меня в покое.

Лицо Спенса превратилось в зловещую гримасу

— Он сказал мне об этом на прошлой неделе.

— Что?

— Ты слышала меня, Джулия Ванн.

— Люси?

Через газон ко мне бежала раскрасневшаяся Алейн, как щит вытянув перед собой телефон. Что она слышала?

— Что он делает? Мне звонить в 911?

Спенс захлопнул дверь. Ну конечно же. Я больше не была одна.

— Нет, — ответила я. — Возвращайся в машину.

Алана остановилась.

— Ты в порядке?

Это невозможно. Я бы об этом знала. Чёрт, да весь мир бы знал. Об этом сообщили бы в каждой газете и в срочных выпусках новостей, и упомянули бы во всех социальных сетях. Если бы Райан Ванн вышел из комы, даже Люси Блэк узнала бы об этом через несколько минут.

А если бы не Люси... то Джулия. Джулия почувствовала бы это, потому, что она знает о своем брате всё. Она бы почувствовала его пробуждение, как свое собственное.

Я подошла к закрытой двери и начала стучать в неё кулаками.

— Открой дверь! — кричала я. — Выходи, трус!

— Люси, Люси, остановись.

Алейн схватила меня за одежду, но не смогла оттянуть от двери. Я была одержима, как большой серый волк тщетно дующий, и дующий, и дующий на кирпичный дом поросенка.

Я пришла в себя из-за пронзительного крика Алейн. Тяжело дыша, я развернулась и увидела, что умудрилась столкнуть её прямо с крыльца. Она пыталась подняться, но, судя по тому, как морщилось её лицо, когда она опиралась на левую ногу, это было нелегко. Я мгновенно успокоилась.

— О Боже, — воскликнула я и прыгнула к ней. — Мне так жаль. Ты в порядке?

— Моя лодыжка, — ответила она сквозь сжатые зубы.

— Мне так жаль, — снова сказала я, начиная паниковать. Она должна простить меня. — Нужно ехать в больницу. Я отвезу тебя в больницу.

Я мельком посмотрела на дверь Спенса. Мы с ним ещё не закончили, но на сегодня пока всё. Больше я не буду играть по его правилам; только посмотрите, что он сделал со мной с помощью нескольких тщательно подобранных предложений. Он все равно, скорее всего, лгал. Мой брат никогда не придет в себя.

— Ты собираешься везти меня в больницу? — фыркнула Алейн.

Я наклонилась так, чтобы она могла обхватить меня за плечи и использовать в качестве костыля. Она не может злиться на того, кто ей это позволил.

— Мне так жаль.

— У меня болит левая лодыжка, — сказала она. Снова ни слова о прощении. — Я могу вести машину.

Поездка до больницы в Саннивейл была короткой и молчаливой. Алейн пыталась позвонить своей маме, но нарвалась на голосовую почту. Я всю дорогу смотрела в окно, снова и снова прокручивая в голове слова Спенса. *«Он лжет»*, говорила я самой себе. *«Он, должно быть, играет со мной. Мой брат не мог выйти из комы»*.

Вместе с Алейн мы сидели и ждали своей очереди в приемном покое; я решила, что это меньше, что я могу для неё сделать. Я старалась поддерживать беседу, рассуждая о ногах Майкла и новой стрижке Эллы, но Алейн лишь качала головой, кивала или же отвечала, но односложно. Тем не менее, она позволила мне сопровождать её в смотровую и держать за руку пока доктор тыкал и щупал её лодыжку, от чего у неё перехватывало дыхание.

— Судя по всему, растяжение связок, — наконец сказал он. — Я забинтую лодыжку. Вы должны постараться как можно реже наступать на неё в ближайшие пару недель. Костыли вам не понадобятся. Как это произошло?

Алейн открыла рот, чтобы сказать, но я её опередила.

— Она упала. Споткнулась. О корень.

Я не могла позволить ей сказать то, что может пролить свет на наши действия.

Она разрешила мне объяснить все за неё, но как только за доктором закрылась дверь, сразу же скинула мою руку.

— Что, черт возьми, это было, Люси? — спросила он. — Или мне называть тебя Джулия?

— Я не имею понятия, о чём ты говоришь, — медленно ответила я, чувствуя, как подступает тошнота.

— Твой бывший назвал тебя Джулией Ванн, — сказала она. — Ты поменяла имя, когда переехала сюда?

У меня перехватило дыхание. Я могла бы так сильно треснуть её по голове штативом от капельницы, что она потеряла бы память. Мне стоило бы это сделать. Потому, что достаточно вбить в Гугле «Джулия Ванн» и «Калифорния», и она всё узнает. Моё имя упоминалось практически во всех результатах поиска, и лишь в некоторых местах кратко упоминалось о Джулии Ванн из Сан-Франциско, которая умерла от рака в возрасте одиннадцати лет, и Джулии Ванн, ученице средней школы, которая раздумывала поступать ли ей в Стэнфорд, где не платят ничего, или играть в волейбол за команду Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе и получать полную стипендию.

— Нет, — ответила я.

— Да, — сказала она. — Я слышала, что он сказал. Почему ты поменяла имя?

Я открыла рот и сразу же закрыла его. Мне хотелось рассказать ей всё, но я слишком многим рискую. Я не хотела видеть, как тускнеет выражение её лица при взгляде на меня. Никто в Элктоне не хотел иметь с нами ничего общего. Я не смогу пережить, если то же самое произойдет и здесь. Но я также не могла продолжать скрывать это. Она уже знает правду, или узнает, как только наберет моё имя в Гугле.

— Мне нужно идти, — сквозь слёзы выдавила я. А потом развернулась и вышла.

Я буду очень, очень, очень сильно скучать по ней.

В голове продолжали крутиться слова Спенса. И слава Богу, потому что это отвлекало меня от мысли о том, что я, возможно, только что потеряла свою самую лучшую подругу. Я должна позвонить родителям и сказать им, что нам нужно уезжать. Снова. Я знала, что мама не сможет справиться с этим: со взглядами, с репортерами. Она ещё больше уйдет в уборку и, в конце концов, протрется себе путь сквозь ковер, напрямиком в могилу.

Но я не могу позвонить им прямо сейчас. Только не когда меня трясет. Поэтому я набрала Майкла.

— Привет, — сказала я. Мой голос тоже дрожал. — У тебя закончились тренировки? Ты не мог бы меня подвезти.

Он не стал задавать вопросов. Когда его машина повернула на парковку для посетителей, я почувствовала, что готова расплакаться во второй раз всего за несколько дней. Второй раз за всю жизнь.

— Спасибо, — произнесла я, забираясь в салон. — У Алейн растяжение связок на лодыжке. И... — Если я в любом случае собираюсь уезжать из города, то зачем заморачиваться правдой? — Её мама сказала мне идти домой, а сама осталась с ней. У меня куча домашней работы.

— Надеюсь, с ней все в порядке, — сказала он. — Домой?

— Да, домой, — ответила я.

Пока это место всё ещё мой дом.

Всю дорогу мы болтали ни о чем. («Как прошли тренировки?», «Как оркестр?») Все эти вопросы были очень далеки от «Как ты себя чувствуешь, когда рушится твоя жизнь?». Но наша беседа мгновенно замерла, когда мы подъехали к дому и увидели, что нас ожидает на подъездной дорожке.

Обе машины родителей. И черный блестящий автомобиль с номерным знаком 3RTR779.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 10 лет.

С последнего приёма прошло всего две недели, но его родители позвонили сегодня утром, чтобы договориться о срочной встрече. К счастью, у меня было окно после обеда. Они практически втащили Райана в приемную. С ними была его сестра, Джулия. Вдоль линии роста его волос были какие-то черные пятна, как будто он измазался в смоле или чёрной краске, и кто-то пытался их отмыть.

— Что случилось?

Я не мог удержаться и не спросить об этом прямо в приёмной. Но мне следовало бы знать их лучше. Они не сказали ничего, пока мы не оказались в моем кабинете. Я сел за стол, родители — на стулья напротив меня, а близнецы, с опущенными головами, устроились на диване. Девочка тряслась, как осиновый лист, но Райан, как и обычно, был невозмутим и неподвижен, как скала. Он смотрел в пол, а сестра что-то шептала ему в ухо, держа свою

руку на его, как будто пытаюсь успокоить.

— Ей стоило бы успокоиться самой, — подумал я перед тем, как развернуться к родителям.

— Райан поджёт домик на дереве, принадлежащий маленькой девочке, — стиснув зубы, сказал отец. — Девочка в это время была внутри. Она едва спаслась.

Щеки Райана бессознательно двигались так, как будто он скрежетал зубами. Он нервничал. Я был удивлен этому. До этого Райан ни разу ни о чем не беспокоился. Его сестра, кажется, тоже это заметила; теперь она гладила его по руке и, судя по движениям губ, говорила ему, что всё будет хорошо.

— Родители девочки не будут выдвигать обвинения, — трясущимся голосом сказала мать. — Бедная малышка и так натерпелась. Нам нужно, чтобы... вы должны прекратить это, доктор. Приведите его в порядок.

Мне пришлось самым натуральным образом прикусить язык, что не сказать: «Я пытаюсь это сделать, но вы сводите все мои усилия на нет!»

— Во-первых, Райана не нужно приводить в порядок, потому что он не сломан.

Я лгал. Даже тогда я знал, что лгу.

— Во-вторых, мы все должны участвовать в этом. Вы. Школьный терапевт. И Райан. Мы не сможем ему помочь, если он сам этого не хочет.

Отец с силой хлопнул Райана по плечу.

— Он хочет, чтобы ему помогли, — сказал он. — Он хочет измениться. Разве не так, Райан?

Райан отвел глаза, судя по всему, не желая встречаться ни с кем взглядом. Если только на носках его туфель неожиданно не выросла новая пара.

— Да, — прошептал он.

— Вот и хорошо.

Отец встал, мать последовала его примеру. Она повернулась и махнула рукой сестре, которая неохотно поднялась, так и не оторвав глаз от брата.

— Мы оставляем его в ваших умелых руках, доктор.

В этом-то и вся проблема.

— Подождите, — сказал я. — Могу я переговорить с Джулией? Наедине?

Отец кивнул и мать опять последовала его примеру. Они даже не спросили хочет ли этого девочка.

— Увидимся через минуту, — произнес отец. — Пошли, Райан.

Райан поплелся за родителями к двери, напоследок оглянувшись на сестру. Она продолжала смотреть на него, пока он не скрылся за дверью, а потом повернулась и перевела взгляд на меня.

— Райан сказал, что вы пообещали не накачивать его лекарствами, — произнесла она тоном учительницы, объявляющей о том, что я успешно сдал тест. Теперь, когда её брат вышел, она перестала трястись. — Он был очень рад этому. Спасибо.

Значит он рассказывал ей о предыдущих приемах. Девочка села обратно на диван. Я тоже, чтобы мы могли общаться на одном уровне.

— Джулия, твоему брату нужна помощь, — сказал я. — Уверен, ты и сама знаешь об этом.

Она качала ногами — левой, правой, левой, правой — и пристально смотрела на носки туфель.

— Иногда Райан кого-нибудь убивает, — вымолвила она. — Но он сказал, что никогда не навредит мне. Никогда.

— Он поджег домик на дереве, — произнес я.левой, правой, левой, правой. — И мог очень сильно травмировать маленькую девочку. Джулия, ты можешь присмотреть за ним?

Она встретилась со мной взглядом, так и не перестав качать ногами.

— Он делает плохие вещи, — сказала она.

— Я знаю. Но помогая мне, ты поможешь и ему. Могу я попросить тебя об одолжении, Джулия?

Она моргнула.

— О каком?

— Если Райан хочет, чтобы ему стало лучше, то он должен пройти терапию, — ответил я. — Я думаю, что если ты его попросишь, то он согласится на это. Ты сделаешь это для меня?

Она пожала костлявыми плечами.

— Думаю да. Я очень хочу, чтобы ему стало лучше.

Я мог бы обнять её, но не сделал этого, потому что профессионалы так себя не ведут.

— Обещаю, я не откажусь от твоего брата, — сказал я. — Я буду терпелив, буду разговаривать с ним и помогу...

Что-то ударило меня по голени, и я вздрогнул. Она пнула меня. Эта девочка пнула меня. А теперь с удивлением изучала мою ногу.

— Ой. Я не хотела вас пинать. Простите.

Я успокаивающе улыбнулся ей.

— Все нормально. И спасибо за помощь, Джулия.

Она встала на ноги и её лицо озарила маленькая улыбка.

— Рада была помочь. Мы закончили? Мне нужно в туалет.

— Закончили. Пожалуйста, попроси зайти Райана.

Даже, не оглянувшись, она бросилась к двери. Через несколько секунд шаркающей походкой вошел Райан. Его голова была низко опущена.

— Посмотри на меня, пожалуйста, — сказал я.

Когда я произносил первую часть предложения, то он стиснул челюсть и сжал кулаки, и мгновенно расслабился, когда я сказал волшебное слово «пожалуйста». Он поднял подбородок и сделал то, о чем я его просил. Для своего возраста Райан был маленький и худенький. И в данный момент выглядел как нищий трубочист. Если бы только это было его проблемой. Я бы запросто кинул ему пару долларов, если бы где-нибудь встретил.

— Послушай меня, Райан Уильям Ванн, — сказал я, стараясь чтобы мой голос звучал твердо и властно. — Я обещаю... я клянусь, что помогу тебе, или меня зовут не доктор Атлас Спенс.

— Вы не откажитесь от меня? — его голос был тихим и испуганным. — Никогда? Вы не откажетесь от меня?

— Никогда, — заверил я его. — Мы будем разговаривать, работать и, в конце концов, поможем тебе.

Он снова склонил голову и что-то проворчал. Не уверен, но это прозвучало как «именно этого я и боялся».

Глава 10

При виде черного автомобиля на подъездной дорожке, у меня внутри все заледенело.

— Это он, — произнесла я онемевшими губами. — Он здесь.

Майкл полез в карман.

— Не выходи из машины. Я позвоню отцу.

Этого нельзя допустить. Я прикоснулась к руке Майкла, пытаюсь остановить его от этого шага.

— Нет. У него могут быть мои родители. Я должна сама с этим разобраться.

— Ни за что, — ответил Майкл. Его рука напряглась под моей ладонью. — Он опасен.

— Я смогу с ним договориться. Если я не вернусь через пятнадцать минут, то звони своему отцу.

— Люси...

У меня не было времени его уговаривать, поэтому я выскочила из машины и постаралась как можно более ободряюще улыбнуться.

— Я скоро, — с этими словами, я быстро, не оглядываясь, направилась к входной двери, одновременно роюсь на дне сумки в поисках баллончика с перцем.

Внутри было темно. Каждая тень смотрелась угрожающе: кресло вполне могло быть мужчиной, лежащим на полу с пистолетом под мышкой, а настенная вешалка — убийцей, ожидающим за дверью чулана подходящего момента для того, чтобы напасть. Сердце громко отбивало о ребра ритм: «Спенс здесь Спенс здесь Спенс здесь».

— Эй! — крикнула я, поднимая баллончик с перцем. — Покажись, или я вызову копов.

За углом в гостиной горел свет.

— Люси, — позвала мама дрожащим голосом. — Зайди, пожалуйста.

Это определенно мамин голос, но, возможно, не её слова. Спенс мог держать пистолет возле её головы.

— Что происходит? — выкрикнула я в ответ, всё ещё сжимая баллончик.

— Просто иди сюда.

Это был отец. Захотелось выбежать из дома и броситься в объятия к Майклу. Мне даже показалось, что я услышала, как за спиной заскрипела дверь, как будто я открыла её силой мысли.

— Что происходит? — ещё раз спросила я.

— Нам нужно с тобой поговорить.

Снова голос отца. Обычно он звучит зло и требовательно, независимо от настроения. Сейчас же, его голос был ошеломленным.

— Иди сюда. Пожалуйста.

Я безвольно опустила руку с баллончиком. Мой отец никогда не говорил «пожалуйста».

Войдя в ярко-освещенную гостиную, я моргнула, пытаюсь привыкнуть к свету. Родители, не касаясь друг друга, сидели рядышком на диване, а напротив кофейного столика, в креслах, расположились двое мужчин в синей униформе полицейских. Один был лысый, а другой — с густыми белыми волосами.

— Ты, должно быть, Джулия Ванн, — коп с белыми волосами встал и протянул свою руку. — Рад познакомиться с тобой, Джулия. Я — офицер Вест из полицейского департамента Саннивейл.

— Теперь меня зовут Люси, — холодно ответила я, игнорируя его жест. В конце концов его улыбка померкла, и он медленно опустил руку.

— Ну, тогда Люси, если тебе так больше нравится, — сказал он. — Это мой напарник, — офицер Гудмен.

Что-то щёлкнуло в моей голове. Офицер Гудмен. Джозеф Гудмен. Это не могло быть просто совпадением. Но почему Спенс водит полицейскую машину? Может, остановился у копа?

Одно я знаю точно: нельзя доверять ничему из того, что скажет офицер Гудмен.

— Добрый вечер, Люси, — сказал Гудмен. Он очень старательно отводил от меня взгляд. — Мистер и миссис Ванн, вы хотите поговорить с дочерью наедине?

— Мистер и миссис Блэк, — поправил его мой отец абсолютно безжизненным голосом. — Думаю будет лучше, если она услышит об этом не от нас.

У меня в животе все сжалось.

— Услышит, о чем?

Райан пришел в себя. Я ждала этих слов. Я должна была слышать их сейчас, стоя перед родителями. Тогда они будут реальными, настоящими, тогда я смогу за них ухватиться.

— Мисс Блэк, — начал Вест. — Мне не легко об этом говорить, но Райан пропал.

Это было неожиданно.

— Простите?

Мать протянула руку и дотронулась до колена отца. Я даже не могу вспомнить, когда они прикасались друг к другу в последний раз.

— Вчера вечером ночная смена проверила... комнату Райана и обнаружила, что он исчез, — сказала она дрожащим голосом. — Они не знают, где он и кто его забрал.

— Подождите, — произнесла я.

Сердце билось как сумасшедшее и мне казалось, что оно вот-вот взорвется.

— Но ведь он все ещё должен быть в коме.

— Я говорил, что нам следует всё ей рассказать, — вздохнул отец.

Сначала я подумала, что он говорит со мной, но потом поняла, что отец смотрит на мать, которая, в свою очередь, не поднимала взгляда от пола.

— Мы всё сделали правильно, — сказала она.

Отец вздохнул снова.

— Да, но сейчас...

— Мы все сделали правильно, — громко повторила мать.

— О чём вы говорите?

Отец тоже опустил взгляд. Я посмотрела на пол, но ничего там не обнаружила. Может, они надеются, что он разверзнется и поглотит их?

— Райан находился в коме всего лишь неделю.

— Вы лжете.

Отец никак не отреагировал на мое обвинение, продолжая говорить, как будто заранее отрепетировал свою речь.

— Райан вышел из комы сразу же после того, как полиция перевезла его в другую больницу. Они вызвали нас и сказали, что будет лучше, если процесс реабилитации пройдет без внимания средств массовой информации. Нам также сообщили, что он предстанет перед судом только тогда, когда снова сможет говорить.

— Ты не понимаешь, Джулия, — добавила мать. Я была настолько ошарашена, что даже не удосужилась сделать ей замечание за то, что она назвала меня настоящим именем. — Он был в очень плохом состоянии и едва мог дышать. Мы думали, что будет лучше, если ты продолжишь думать, что он... ушёл. Тогда ты могла бы начать жизнь с чистого листа.

У меня сжалось сердце. Как я могла этого не знать? Как могла Джулия этого не знать?

— И что вы собирались делать, когда об этом пронюхала бы пресса? — спросила я. У меня тряслись руки. — Когда он бы выздоровел и предстал перед судом?

Отец снова посмотрел на мать, которая все также пялилась на пол.

— Мы собирались сказать тебе об этом, — как-то беспомощно произнес он.

Я знала, что это ложь. Они либо не загадывали так далеко, либо, что вероятнее всего, даже не думали о том, как это повлияет на меня.

Сейчас это в любом случае, не имеет значения.

— Мне нужно его увидеть, — сказала я. — Отвезите меня к нему.

— Мы не можем, — ответил отец и, наконец-то, посмотрел на меня. Я ожидала, что его взгляд будет устремлен вдаль, как и всегда, но, к моему удивлению, в его глазах блеснули слезы. — Ты же слышала, что сказали офицеры. Он пропал.

— Не переживайте, — уверенным голосом произнес Вест. — Мы делаем все возможное, чтобы отследить его. Это только вопрос времени.

— Как вы могли допустить это? — высоким голосом пропищала я. — Он настолько хорошо себя чувствовал, что смог исчезнуть? Сбежать? Это вы хотите сказать? Вы позволили ему это сделать?

Пластиковая улыбка Веста увяла.

— Мы делаем всё, что можем, — повторил он.

— Вы должны найти его, — сказала я. Мой голос снова поднялся, в этот раз до крика. — Разве вы не знаете насколько он опасен? Разве вы не знаете, что он сделал?

— Люси, — пробормотала мама.

— Насколько хорошо он себя чувствовал? Он мог говорить? Он кого-нибудь убил во время побега? — спросила я. Или прокричала. Наверное, всё же прокричала. — Вы ведь сюда приехали, чтобы убедиться, что мы не прячем его? Посмотреть, не к нам ли он сбежал? Каким образом он исчез? Вы знаете? А может, ему помог один из ваших людей? Может, это был... — Спенс. Здесь явно замешан Спенс.

Я упала на диван и склонила голову.

— Вы можете уходить, — сказала я. — Его здесь нет.

— Конечно его здесь нет, — произнес мой отец. Слишком громко, на мой взгляд. — Если бы это было так, мы бы сразу же вам позвонили. И если он когда-нибудь покажется здесь, мы немедленно свяжемся с вами. Джентльмены...

Вест и Гудмен поднялись с кресел.

— Если у вас возникнут вопросы, то не стесняйтесь, звоните, — сказал Вест. — У вас есть моя визитка.

— Спасибо, — тихо, едва слышно, произнесла мама.

— Я провожу их, — воскликнула я, вскакивая с дивана.

— Не стоит... — начал Вест.

— Пустяки, — сказала я, обнажая зубы в улыбке, которая, как я надеялась, была очень похожа на оскал. — Мы же не хотим, чтобы вы потерялись? Это всего лишь вежливость.

Родители отпустили меня. Хотя им не стоило этого делать.

Я довела полицейских до входной двери и заблокировала её. Не в прямом смысле этого слова, конечно же. Если бы они и в самом деле хотели сдвинуть меня в сторону, то с легкостью бы сделали это.

— У вас есть последняя возможность, чтобы сказать мне, что происходит на самом деле.

Последняя возможность? До чего? Я не знала. Просто надеялась, что это прозвучало достаточно угрожающе.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — наклонившись и дыхнув на меня луком, мягко сказал Гумен.

А потом они ушли, оставив меня одну, дрожащую. Я слышала, как поднимаются по лестнице родители, направляясь в свою спальню. Полагаю, чтобы спрятаться там от меня. Кажется, они постоянно это делают. Когда я была маленькой это выражалось в том, что мама принимала таблетки, а отец постоянно был на работе; он до сих пор там прячется, а мама теперь укрывается за своей уборкой.

— Люси?

Я подпрыгнула от удивления.

— Майкл? — Он стоял в дверях, ведущих на кухню. Я даже не увидела его в темноте. — Что ты тут делаешь?

Такое ощущение, что с того момента, как у меня все заledenело, и я оставила его на улице, прошли миллионы лет. Сейчас весь тот лед уже растаял.

— Я переживал.

В темноте казалось, что на впятинах его щек и под глазами поселились тени. Он выглядел таким ранимым.

— Почему они назвали тебя Джулией?

— Я...

У меня треснул голос, как тот упавший на пол стакан, который я бросила в брата, когда он сказал мне, что влюбился в девочку из класса по обществузнанию. Мы тогда учились в четвертом классе, но я никогда не забуду ярость, которая разрывала меня в тот момент на части.

— Я — единственная девочка, которая тебе нужна, — сказала я ему и была права.

— Я...

Я упала на колени и разбитый голос произнес слова, которые я так долго держала в своей голове.

— Мое настоящее имя Джулия Ванн, — безжизненно выдохнула я до того, как Майкл что-нибудь спросит.

Я знала, что он спросит. И лучше ему узнать об этом от меня. Все равно Алейн уже всё знала. Я встала, опираясь о стену, чтобы не упасть.

— Моего брата зовут Райан Ванн. Ты слышал о нем. И, скорее всего, обо мне тоже.

— Райан Ванн, — медленно произнес Майкл. Я вздрогнула, услышав имя брата. Уже больше года единственное место, где я слышала его, было в моей голове, где ему одиноко вторило эхо. — Оно ничего мне не говорит.

— Ты знаешь его, — сказала я. — Райан Ванн. Элктон. 11 убитых.

Я не упустила тот момент, когда до него дошло о ком я говорю; его глаза расширились, и он с шумом втянул воздух, а потом медленно выдохнул, от чего мне показалось, что его может вырвать.

— Ты — сестра, — произнес он. — Единственная, кто вышел оттуда живым.

Он продолжал смотреть на меня с таким видом, как будто хочет получить этому подтверждение. Я не знала, что ему сказать.

— Да, это я! — слишком далеким от веселого голосом, ответила я.

— Боже мой.

Я напряглась. Если он собирается броситься на меня, то нужно поскорее убежать.

— Прости.

Я немного расслабилась.

— Ты не станешь меня бить?

— Господи, Люси! Прости, Джулия, Люси или как тебя там. Зачем мне тебя бить?

Теперь он сжал руки в кулаки и выглядел злым. Я прижалась к стене. Наконец, он понял какой это оказывает на меня эффект и отпрыгнул назад, одновременно разжимая кулаки.

— Боже, нет, Люси! Джулия! Я никогда не ударю тебя. Почему ты вообще об этом подумала? Это абсурдно.

— Это не абсурдно, — холодно ответила я. — После того, как мой брат... сделал то, что сделал, никто не хотел разговаривать с нами. На улице двадцать четыре часа в сутки дежурили репортеры. Нам пришлось отключить телефоны, потому что люди звонили и кричали на нас, говорили, чтобы мы убирались из города. Они обвиняли во всём нас.

Майкл опустил плечи и, неожиданно, стал выглядеть короче на шесть дюймов. Нет, это его несколько не портило, просто он стал как будто ближе ко мне.

— Это какой-то бред, — сказал он, а потом добавил. — Нет, не с твоей стороны. С их. Как они могли обвинять тебя? Ты ведь ничего не сделала.

Сначала я фыркнула, потом засмеялась и вот я уже снова лежала на полу, дрожа всем телом и, задыхаясь, издавала какие-то истеричные, лающие звуки.

— Спасибо, — произнесла я, наконец, успокоившись. — Я ценю это.

Именно в этот момент я поняла, что и образно, и буквально, влюблена в Майкла Силвермэна. А значит, он должен уйти.

— Тебе нужно уходить, Майкл, — сказала я. — Настало время уходить.

Мой брат был не тем человеком, который причинил бы мне вред. Но я чувствовала, что Майкл защищает меня. Райан же посмотрит на это в другом свете. Он посчитает, что Майкл держит меня вдали от него, от своей собственной крови, поэтому что-нибудь сделает с ним. Ради моего же блага.

Однажды, меня обидела маленькая девочка. Габриэлла. У её мамы был французский акцент, что делало её самым крутым человеком на всем белом свете. Большинство детей, когда оказывались рядом с ней, смущались, но она всегда улыбалась нам и говорила *bonjour*³². Каким-то образом, это делало крутой и Габриэлла. Эта её крутость усугублялась наличием крутого домика на дереве, который стал крутым местом сбора всех крутых соседских детей.

Естественно, мы все хотели дружить с ней. Даже я и Лив. На каникулах мы постоянно ходили за Габриэлкой и толпились под ней, когда она занимала своё место (или трон, как мы его называли) на вершине горки. А потом, мы говорили какая она красивая, несмотря на то, что на самом деле она была похожа на крысу.

Однажды Габриэлла свысока улыбнулась мне и сказала исчезнуть. Когда я непонимающе моргнула, она уточнила:

— Ты и твой брат — странные. Я не хочу вас здесь видеть.

У меня не было выбора, поэтому я ушла. Лив помахала мне, а потом с виноватым видом отвернулась. Она не хотела подвергать себя изоляции рядом со мной.

Я не хотела ничего рассказывать брату. Правда. Это произошло как раз после того, что случилось с Флаффи, поэтому я знала, на что он способен. Но он застал меня плачущей возле детской площадки. Райан свел брови и начал часто и резко дышать. Я подумала, что

если сейчас же не объясню ему всё, то он ударит рукой о стену и повредит её. Поэтому мне пришлось рассказать.

Он молча выслушал меня, а потом сел рядом и прижал мою голову к своему плечу. Мне казалось, что я была в безопасности. Мне казалось, что Габриэлла была в безопасности.

Вечером я услышала рев сирен.

Отец Габриэллы, который был также крут, как и её мать, построил для своей принцессы домик на дереве. Как я поняла, Райан пробрался в него, дождался, когда Габриэлла заберется на дерево, а потом поджёг его. Ей пришлось спрыгивать, чтобы спастись, в результате чего она сломала руку. Её истеричная мамаша видела, как Райан наблюдал за этим из-за деревьев. Он не смог сопротивляться желанию посмотреть на дело своих рук. Мой отец, юрист, убедил её не звонить в полицию, сказав, что суд и допросы только еще больше травмируют маленькую девочку.

Я не могла позволить Майклу стать Габриэлкой. Я должна покончить с этим раз и навсегда. А для этого мне нужно найти Спенса.

— Ты должен уходить, прямо сейчас, — сказала я, решительно качнув головой.

Он присел на корточки рядом со мной. С того места, где я лежала, его обеспокоенная улыбка была больше похожа на гримасу.

— Я не могу оставить тебя в таком состоянии.

Я быстро села, чуть не сломав ему челюсть своей головой.

— Не переживай. Я здесь не останусь, — сказала я. — Как только ты уедешь, я вызову такси. Мне нужно съездить в дом на границе Саннивейл и Мэдисона.

Он потер подбородок. Неужели до него, наконец, начало доходить во что он в себя втянул, когда улыбнулся мне в первый раз.

— Зачем? — поинтересовался Майкл.

— Мне нужны ответы, — сказала я.

Спенс — единственный, кто может их дать. Скорее всего, он знает, где находится брат и что с ним произошло. Я хотела узнать, что ему нужно от меня. А он ясно дал понять, что расскажет об этом только если я буду одна.

— Это опасно. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Я перебирала в уме все вещи, которые прятала в чулане, решая, что с собой взять.

— Мой брат либо сбежал, либо его похитили из больницы, а человек, который знает правду живет в том доме.

Майкл моргнул, — один, два, три раза.

— Здесь только что были полицейские.

— Да.

— Тогда почему бы не дать им разобраться с этим?

— Нет, — сказала я. Понадобится слишком много времени, чтобы объяснить почему. — Пожалуйста, уходи.

— Подожди, — произнес он. Я практически видела, как крутятся шестеренки в его голове, превращая всё, что он знал обо мне в пыль. — Твой сумасшедший бывший парень.

— Его не существует, — вяло ответила я. — Мужчина, которого ты видел, и который преследовал меня, был психологом моего брата. Это человек, которого я должна сейчас найти. Прости за ложь.

— Ты не должна извиняться. Я всё понимаю. Учитывая всё то, что произошло с тобой, я понимаю, почему ты не хотела, чтобы я знал, кто он и кто ты на самом деле.

Майкл замолк на несколько секунд, а потом снова открыл свой рот. Я сразу же поняла, что он собирается сказать.

— Не стоит вызывать такси. Я отвезу тебя.

Я сложила руки на груди. У меня нет времени стоять и спорить с ним. Я могла бы треснуть его по голове вазой, стоящей на столике в коридоре, а потом связать проводом от телевизора. К тому моменту, как он освободится, я буду уже далеко.

Тем не менее, я не сдвинулась с места.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому, что ты мне нравишься, и я хочу помочь тебе, — сказал он.

Моё сердце даже пошло трещинами от его наивности. Теперь мне хотелось завернуть его в пленку с пупырышками и аккуратно засунуть в сундук на чердаке, где ему не навредят и не поцарапают.

— Я тебе не нравлюсь, — сказала я. — Мне известен такой тип парней. Вы очень высокого о себе мнения и думаете, что можете со всем справиться. Когда вы видите, что человек попал в беду, то слетаетесь к нему, как бабочки на огонь. — Он непонимающе смотрел на меня, поэтому я добавила. — Ты — бабочка. Я — пламя.

— Это не правда, — произнес Майкл.

— Но ты не сможешь мне помочь. Слишком поздно. Поверь мне, — сказала я и сразу же поняла, что этого не стоило говорить. Я только что разожгла пламя, призвала бабочку и теперь он никогда не оставит меня.

— Никогда не бывает слишком поздно, — искренне ответил он.

Я мрачно усмехнулась. До сегодняшнего дня, я даже не знала, что у меня есть столько разных усмешек.

— Ну что ж, мне не мешает лишняя пара рук. Подожди секундочку. Мне нужно кое-что взять.

Интересно посмотреть, как он будет пытаться мне помочь. Это не сработает, потому что я — пазл, кусочек которого затерялся где-то под диваном. На голубой картинке всегда будет пустое место, которое могло бы быть птичкой, самолетом или бомбой.

Он кивнул и трещины на моем сердце стали еще сильнее. Майкл — как золотистый ретривер, облаченный в человеческую форму: большой, милый, искренний и немножко глупый.

Поднявшись наверх, я быстро нацарапала записку родителям на случай, если они станут искать меня:

Уехала с другом. Не беспокойтесь. Скоро вернусь. Люблю, Джулия.

В этом месте я, засунув ручку в рот, задумалась: стоит ли вычеркивать «Джулия» и писать «Люси», которой я была уже больше года.

Я решила оставить всё как есть. Люси никогда на самом деле и не существовало, и уж тем более не существует теперь.

Схватив сумку, — не рюкзак, больше никаких рюкзаков, — я побросала в неё некоторые вещи, предварительно повертев их в руках, и оставив достаточно места для нескольких пар нижнего белья на случай, если все пойдет не так и мне придется бежать. Роясь в комод в поисках самого кружевного (Майкл может и золотистый ретривер, но ноги у него как у греческого бога), я коснулась той последней фотографии. Её острые края порезали подушечку пальца, вызвав тоненькую струйку крови и поток ругательств. Инстинктивно, я отодвинула снимок подальше, но с минуту пососав палец, чтобы остановить кровь, вытащила

его и задумалась.

Это щека моего брата, прижимающаяся ко мне. Это его волос, лезущий мне в глаза. Это его немного кривой зуб, который обнажается при улыбке. Это мой брат, такой, каким он был раньше.

Я засунула фотографию в карман сумки и перекинула её через плечо.

— Майкл, — крикнула я, решительно спускаясь по лестнице. — Я готова ехать.

Глава 11

Следом за Эваном, Лив и Эдди, погибло еще пятеро подростков. Тогда я не была с ними особо знакома, но с тех пор их имена отпечатались в коре моего головного мозга. Элизабет Вуд. Ирэн Пападакис. Нина Смит. Дэнни Стейнберг. Эрик Торсон.

Согласно отчётам, эти пятеро бросились в рассыпную к дверям. В репетиционном зале было три выхода: один вел к спортивной площадке за школой, другой — в коридор, где находились шкафчики для хранения музыкальных инструментов и хоровая комната, а последний, — к главному учебному корпусу. Райан, размахивая пистолетом, стоял возле третьего выхода. Элизабет Вуд, Нина Смит и Эрик Торсон в панике рванули к первому. Ирэн Пападакис и Дэнни Стейнберг, — судя по всему, парочка, — рука об руку помчались ко второму. Все пятеро обнаружили, что двери не открываются. Клей в замочных скважинах, как потом выяснила полиция.

Мой брат застрелил их всех в спину. Элизабет Вуд, Дэнни Стейнберг и Эрик Торсон медленно истекли кровью. Последней умерла Нина Смит; она едва, но дышала, когда её забрали парамедики. Нина умерла по дороге в больницу, так и не сказав ни слова.

* * *

Наша поездка в машине проходила в молчании, в отличие от моих воспоминаний о криках в репетиционном зале. Я даже и не думала, что уже так поздно. Но прокрутив этот бесконечный день в голове, не смогла поверить насколько медленно он тянулся. Уже почти полночь. Надеюсь, Гудмен работает в ночную смену, — скорее всего, так оно и есть, если он только что покинул мой дом.

Когда мы повернули на улицу Спенса, я сделала глубокий вдох.

— Тормози вон там.

Майкл припарковался на обочине и я, перекинув сумку через плечо, выпрыгнула из машины, даже не дождавшись полной остановки.

— Мы войдём через чёрный вход, — сказала я, скосив глаза на подъездную дорожку.

Черной машины там не было. Хорошо.

— Ты думаешь, он не заперт? — спросил Майкл.

Мы прокрались через чей-то задний двор, и остановились возле двери Спенса. Или Гудмена. Наплевать чей это дом, если в нём находится Спенс.

— У тебя есть ключ?

— Нет. Кое-что получше.

Я достала из переднего кармана сумки отмычку и помахала ей, как мечом. Она была размером с невидимку, поэтому не произвела должного впечатления.

— Невидимка? — закатив глаза, поинтересовался он.

Она была острой. И вполне могла выколоть ему глаза, если бы я захотела.

— Это отмычка. Я собираюсь вскрыть замок.

Вскрытие замков — не то, чему учат в школе. Мне пришлось изучить это искусство самой. Хотелось бы, чтобы причиной для этого было что-нибудь волнующее, дерзкое или

романтичное, как например то, что мои родители запирали меня в тёмном, сыром подвале и заставляли самой находить способ выбираться из него; или что я была ученицей знаменитого фокусника, который натаскивал меня как отпирать замки с помощью зубов и пальцев ног, находясь при этом в шести футах под водой. На самом деле, это то, чем я всегда восхищалась; мне нравилось думать, что я могу получить доступ к любой вещи, которую кто-то попытается спрятать от меня.

К тому же, я всегда переживала, что однажды мой брат попытается спрятать меня.

Было слишком темно, чтобы видеть, но я представила себе, как бледнеет лицо Майкла.

— Это незаконно.

— Ты не будешь в этом участвовать, — сказала я. — Останешься на часах, пока я буду внутри.

— Нет! А что, если он поймает тебя?

— Я с этим справлюсь. Мне и правда нужно, чтобы ты ждал снаружи. Свистнешь, если кто-то ещё вернётся в дом.

— Нет. Ты не можешь идти одна.

— Поверь мне. Я справлюсь. Он не собирается причинять мне вред. Я просто должна поговорить с ним, но знаю, что если постучусь в дверь, то Спенс не откроет.

Скорее всего, он бы ответил, но тогда я не смогу привнести в нашу встречу элемент неожиданности. А я, по возможности, стараюсь не отказываться от него.

— Мне это не нравится.

— Если ты хочешь помочь мне, то должен сделать так, как я говорю, — раздраженно ответила я. — Свистни, если появится кто-то ещё. И не входи в дом ни при каких обстоятельствах. Пообещай.

— Я не могу пообещать этого. Если услышу, что ты кричишь или что-то в этом роде, я побегу спасать тебя.

— Хорошо.

Не я буду той, кто кричит.

Договорившись об этом, Майкл засунул руки в карманы и начал прогуливаться возле дома. Я быстро открыла замок задней двери отмычкой, — на нём даже не было защелки, — и проскользнула во внутрь.

В помещении было также убого, как и на улице. Мебель, скорее всего, была куплена на Крейгслист³³: диван с какими-то коричневыми пятнами вокруг прорехи в подушке; покосившийся кофейный столик. Раздающийся из комнаты храп, сразу же подсказал мне где находится Спенс, но я решила осмотреться на случай, если Гудмен поставил машину в гараже, или у него ночует какая-нибудь подружка. В доме всё провонялось запахом пива и старых носков, а кухня была завалена посудой и коробками из-под пиццы.

Но Спенс находился именно там, где и нужно. Один.

Найдя в сумке то, что хотела, я аккуратно поставила её за креслом. Возможно, мне нужно будет действовать быстро, а она может замедлить мои движения.

Я на цыпочках вышла из гостиной в коридор, и через несколько секунд увидела спящего Спенса. Он растянулся поперёк кровати, слегка прикрывшись простыней и одеялом. В комнате воняло потом и немывтым телом. Пришлось сморщить нос, потому что зажать его было нечем. Наклонившись, я прижала к голове Спенса то, что держала в руке.

Он открыл глаза.

— С добрым утром, солнышко, — сказала я. У него задергался кадык. — Я приставила к

твоей голове пистолет. Ты ведь чувствуешь его?

— Ты не посмеешь убить меня, — как-то неуверенно ответил он.

Я холодно рассмеялась.

— Спорим?

Спенс замер, лишь его горло дергалось так, как будто он пытается выbleвать бильярдный шар.

— У меня с собой хомутики, — я покачала ими свободной рукой. — Ты возьмешь их, стянешь свои щиколотки, а потом пристегнешь запястье к кровати. Никаких резких движений.

Подойдя к изголовью, я вытянула руку и позволила ему схватить их. А потом замерла, готовая в любой момент отреагировать, если Спенс попытается сделать что-нибудь лишнее. Но он выполнил всё в точности, как я сказала.

Сделав шаг назад, я убрала в сторону то, что держала: бутылку из-под содовой, которую я немного модифицировала: утяжелила и согнула вокруг горлышка металлическую пластину. Приставленная к голове, она ощущалась совсем как пистолет. По крайней мере для тех, кто никогда не испытывал этого с настоящим оружием.

— Ну, теперь можно и расслабиться, — сказала я, прислонившись к стене и сложив на груди руки.

Без очков, ему приходилось косить глаза, чтобы разглядеть меня, отчего его лицо становилось уродливым. На Спенсе была старая белая футболка и боксеры в клеточку.

— Как интересно. Я думала, что вы и спите в одном из своих костюмов. Это бы объяснило почему они всегда мятые.

— Я не скажу тебе, где Райан, — быстро произнес он.

— А я об этом и не спрашивала. И почему это вы вдруг так решили?

Спенс промолчал, пристально глядя на меня сверкающими от злости глазами.

Я вздохнула.

— Ваш дружок, Джозеф Гудмен, навестил сегодня моих родителей. Ну, я полагаю, что он ваш друг, учитывая то, что вы были за рулем его машины и спите в его доме. Он коп, так что вы, скорее всего, использовали его, чтобы вытащить моего брата из государственной больницы. Как вы это сделали? Заплатили ему?

Молчание Спенса могло означать и «да», и «нет». Честно признаться, мне было всё равно. Я просто хотела довести его так, чтобы он раскололся.

— Значит, вы платите ему, — решила я. — Вы ведь не способны взять и убедить кого-то.

Он продолжал молча смотреть на меня. Это ни к чему меня не приведет. Поэтому, я сменила тактику.

— Ваш дружок, — подручный, сказал, что мой брат пропал. Судя по всему, он уже давно вышел из комы. И о чем-то рассказал. Что вы знаете об этом?

Спенс так сильно сжал челюсти, что на скулах заходили желваки.

— Я был психологом твоего брата. Я помогал ему.

— Ага. Понятно. Они привели вас, чтобы вы поговорил с ним, когда он очнулся? Вы похитили его? Что он вам сказал? Он убедил вас, что не делал этого, или что был не в своем уме? Он умеет очаровывать, мой брат. Как и все социопаты.

Желваки на его лице заходили еще сильнее.

— Вы преследовали меня несколько дней, — сказала я. — Вы пытались застать меня

одну. Поговорить. Ну вот, теперь я одна. Давайте. Говорите.

Спенс молчал. Преследуя меня, он пытался добиться элемента неожиданности. Может сейчас, когда преимущество на моей стороне, он не знает, что ему сказать.

— Вы в курсе, где мой брат? — спросила я. — Вы помогли ему сбежать? Вы с дружкой похитили его? Вы его где-то держите?

Никакого ответа. Он только прищурился, прожигая меня своим взглядом.

— У меня нет времени на уговоры. Вы просто пытаетесь потянуть время, пока ваш дружок не вернется домой. Простите, Док.

Я оттолкнулась от стены, внимательно осмотрела Спенса, чтобы убедиться, что он крепко связан и вышла из комнаты. Я слышала, как он сразу же зашевелился, но любое движение только сильнее затягивало хомутики, и, если только у него нет под кроватью ножа, — а я была в этом уверена, иначе он бы давно уже его вытащил, — то никуда он не денется.

Как я и ожидала, человек, который не может помыть посуду и собрать свою одежду, не будет убирать оружие в безопасное место. Два пистолета Гудмена лежали прямо на столе. Я практически разочаровалась. Так долго тренироваться, вскрывая сейфы и замки, и не получить ни шанса, чтобы применить свои умения в деле. Ещё больше я была разочарована тем, как ощущался пистолет в моих руках. Раньше я ни разу не держала его. Я думала, что почувствую себя всемогущей, но это оказалось не так. Он было просто холодным. И тяжёлым.

Интересно, у моего брата были такие же ощущения?

Вернувшись я, как и ожидала, обнаружила Спенса на том же месте. В его глазах полыхала ярость.

— Развяжи меня сейчас же, — сказал он. — Мы делаем это ради его блага.

— Тогда к чему все эти секреты? Что он сказал? — я замолчала ненадолго, а потом продолжила. — Что вы с ним сделали?

Спенс облизал сухие шелушащиеся губы.

— Он в безопасности, — прохрипел он. — Теперь он в безопасности. Пусть там и останется.

— Если он в безопасности, то зачем вы преследовали меня? — Каждая мышца в моем теле напряглась. — Скажите мне, где он. Скажите, чего вы хотите от меня.

Он что-то прошептал. Я склонилась над ним.

— Я не расслышала.

— Твой брат говорил со мной, — удивительно ровным голосом произнес Спенс. — Он сказал мне найти тебя. Я здесь из-за него.

Я замерла.

— Вы врете. Райан никогда не стал бы разговаривать с вами.

— Но он стал.

Теперь его голос был спокоен, нереально спокоен для человека, привязанного к кровати. Как будто он просто говорит о том, что на его сэндвиче слишком много майонеза, или что в конце недели пойдет дождь.

— Теперь ты знаешь, почему я так хотел встретиться с тобой наедине. Поговори со мной, Джулия. Я смогу тебе помочь.

Он лгал. Он определенно лгал, иначе высказался бы конкретнее. Но я и в прошлый раз думала, что он лжет. Мне нужно поговорить с братом.

— Что вы с ним сделали?

— Он в безопасности. Это всё, что тебе нужно знать. И ты тоже можешь быть в безопасности. Поговори со мной, Джулия.

Я проигнорировала его слова и склонилась ниже, так, чтобы он мог почувствовать моё дыхание. Я надеялась, что от него пахнет гневом.

— У вас есть последний шанс, — прошипела я. — Чтобы сказать мне, что вы с ним сделали.

Спенс промолчал. Я крепко сжала пистолет. Он делает это специально. Он специально пытается причинить мне боль. Он заслуживает того, чтобы мучаться в неведении, сдохнет ли он сейчас или нет, также как мчалась я, не зная, умру ли я за пюпитром или нет. Потому что Спенс не выполнил своего обещания, он не вылечил моего брата.

Я вынуждена угрожать Спенсу пистолетом. Другого выбора нет, несмотря на то, что при мысли об этом у меня возникает ощущение, что желудок забили кладбищенской землёй, в которой копошатся черви. Я не могу просто уйти и позволить ему продолжать преследовать меня. То, что он молчит, делает его ещё большей угрозой. Спенс будет говорить со мной только тогда, когда сила на его стороне.

И он что-то сделал с моим братом.

В конце концов, я добилась от него так необходимой мне информации: улица Хармони Лейн, дом 5464. Перерезав хомутики, я засунула их в сумку и молча ушла.

* * *

Выйдя на улицу через заднюю дверь, я обошла дом и увидела Майкла, который стоял перед фасадом, сложив на груди руки. Его челюсть ходила ходуном.

— Слава Богу, Люси — Джулия, — чуть не бросившись мне навстречу, произнёс он. — Я уже собирался идти в дом. Тебя не было так долго, что я начал паниковать.

Мой пульс, наконец, стал приходить в норму.

— Я закончила. Он сказал то, что мне было нужно. Спасибо, что постоял на часах. Все в порядке. — Я вздохнула. — Теперь нам нужно разойтись.

— Что ты имеешь в виду? — ошарашенно спросил Майкл.

— Я должна съездить в Элктон. Мой брат что-то рассказал по поводу стрельбы. Полиция вызвала Спенса, чтобы он поговорил с ним. Спенс был его психологом. Мой брат убедил своего бывшего доктора помочь ему сбежать, и сейчас его держат в доме одного из дружков Спенса в Элктоне, в ожидании дальнейших инструкций.

Майкл как-то невесело рассмеялся.

— Бред какой-то, — сказал он. — Это просто... бред.

— Однако именно так оно и есть. И если ты думаешь, что это бред, то пусть так оно и будет.

— А что ты планируешь делать в Элктоне?

Он схватил меня за запястье. Не сильно. Если бы я попыталась вырвать руку, то с легкостью освободила бы её. Но я не стала этого делать.

— Давай позвоним отцу и позволим полиции позаботиться обо всём этом.

Слова застряли у меня в горле.

— Никакой полиции. Нет. Я просто хочу поговорить с ним, — воскликнула я. — Потому, что он очнулся, он жив, и он...

Я даже не знала, что сказать. Раньше, я бы произнесла «моя вторая половинка». Но сейчас у меня не было в этом уверенности.

— Ты и твоя сестра, которая живет в Нью-Йорке и которую ты редко видишь, никогда этого не поймете.

Майкл покачал головой.

— Не думаю, что смогу это сделать. Твой брат... — Известный. Печально известный. Опасный. — ...убийца. И скорее всего, его охраняют. Почему ты думаешь, что сможешь просто зайти и поговорить с ним? Говорю тебе, давай позвоним моему отцу. Он хороший полицейский и сможет со всем справиться.

— Никаких копов, — твердо сказала я. — Именно коп помог похитить моего брата. Если ты им позвонишь, то клянусь Богом, — я убью тебя. — Я больше никогда не заговорю с тобой снова.

Мне было больно произносить эти слова, но... никаких слабостей.

Он покачал головой.

— Тогда тебе придётся ехать одной. Для меня это слишком. Я отправляюсь домой. Прости, Люси... Джулия.

Он отпустил моё запястье, и рука свободно повисла вдоль тела.

— Если хочешь, я и тебя отвезу домой.

Майкл наклонился и обнял меня.

В том, чтобы стоять здесь, прижавшись щекой к его груди, чувствовалась какая-то правильность. Неожиданно, мысль о том, что придется пройти через всё это одной, заставила меня замереть. Я отодвинулась, встала на носочки и быстро прижалась своими губами к его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Судя по тому, что Майкл опустил руки на талию и прижал меня к себе, он не собирался противиться этому. От него пахло чем-то соленым и немного чесночным (давайте будем откровенными: запах чеснока изумителен). Щетина на его лице немного царапала мой подбородок. Я раздвинула губы, позволяя его языку проскользнуть в мой рот, от чего по телу пробежали мурашки.

Я оторвалась первой, а потом посмотрела на него. Он изумленно моргнул несколько раз, всё ещё держа меня за талию, как будто я — единственное, что не дает ему упасть.

— Ты нужен мне. Пожалуйста, поехали со мной, — сказала я и моргнула, пытаюсь сдержать блеск в глазах. Уверена, это не сработало. — Пожалуйста, не оставляй меня. Все всегда оставляют меня.

Майкл вздохнул, откашлялся и провел рукой по волосам, от чего они стали торчать во все стороны. Потом ещё раз вздохнул и притянул меня к себе.

— Я здесь, с тобой, Джулия, — ответил он. — Я здесь.

Рука об руку мы пошли к машине.

Я тайком улыбалась.

* * *

Девятым был убит руководитель оркестра, мистер Ватсон. На тот момент в живых оставались только он, ещё двое детей, — Пенелопа Вонг и Софи Грант, — я и мой брат.

За спиной, мы называли мистера Ватсона «мистером Морж», — у него был огромный живот, в который могла бы поместиться целая комната, постоянно красные щёки и усы, свисающие с уголков губ. А ещё у моржей есть бивни.

Эти бивни он и пытался показать в день инцидента. Когда стало понятно, что выйти не удастся, мистер Морж решил взять безопасность оставшихся двух учеников в свои руки; они

затаились на полу, позади одной из ступенек, как будто это спасло бы их. Мистер Морж лежал сверху, прикрывая детей своей массой. Может, он умолял пощадить их, а может, принял смерть стойко и решительно. Я знаю лишь то, что мой брат встал над ним и выстрелил ему прямо в затылок. Он умер быстро, также, как и два подростка под его телом.

Мой брат никогда и никого не заставлял страдать, по крайней мере, не специально. Он был очень практичным. Выносил пауков на улицу. Ловил мышей в клетки, а потом выпускал их в лесу или, как это было один раз, в спальне Лив. Даже когда в школе потравили тараканов, и они бегали по коридору, ударяясь об стены, потому что яд пожирал их нервную систему, Райан ходил и давил их ботинками, даруя им быструю, безболезненную смерть. Да и животных, Флаффи и других, он всегда убивал перед тем, как изучить их внутренности.

Его милосердие показало себя во всей красе, в тот день в репетиционном зале. Да, погибло много детей. По каким-то известным только ему причинам, они должны были умереть. Но все, за исключением бедной Нины Смит (и это получилось не специально) умерли в течение нескольких минут. Возможно, они должны были умереть, но никому из них не пришлось страдать. Никому, за исключением меня.

* * *

Я взяла пистолет с собой, засунув его в сумку к хомутикам, баллончиком с перцем и фотографией брата. Не знаю, что из всего этого было наиболее опасным.

Забравшись в машину, я запихнула сумку под ноги и бросила взгляд на Майкла. Он всё ещё колебался. Я пододвинулась так, чтобы наши тела касались друг друга и дотронулась до его руки.

— Спасибо тебе.

— За то, что повезу тебя?

Я слегка улыбнулась. Ха-ха.

— Не только. За всё.

Я провела ладонью по его руке, а потом погладила большой палец так, чтобы ногти слегка оцарапали кожу. Мышцы на его запястье вздрогнули от этой ласки.

— За то, что едешь со мной в Элктон. Не знаю, хватило ли бы у меня сил сделать это... одной.

— Конечно, — улыбнулся он. — Я рад находиться рядом с тобой. Я хочу быть рядом с тобой.

Я улыбнулась ему в ответ. Мои щеки были холодны как лёд.

— Какой адрес? — спросил он, держа палец над навигатором. Я сказала ему, и мы тронулись в путь. Периодически я косилась на него, боясь, что он придет в себя, и развернет машину в обратную сторону, но он продолжал пристально смотреть вперед, сжимая пальцами руль. Единственным признаком того, что он всё ещё нервничал, была его дергающаяся челюсть.

Я собиралась подумать о том, как пробраться в дом так, чтобы не потревожить парней, которые, определенно, сторожили моего брата, но, вместо этого заснула.

— Джулия, просыпайся. Думаю, мы в Элктоне.

Я мгновенно открыла глаза. У меня перехватило дыхание при виде знакомого пейзажа. Юг штата был прекрасен, но слишком уж белый, слишком чистый, слишком новый.

Элктон был другим. Элктон был домом.

Здесь были зимы, когда я носила тёплые пальто и лето, когда мы ходили на пляж. Здесь, туман был таким густым и низким, что поход сквозь него напоминал прогулку в облаках

или... сон.

Здесь были бесконечные виноградники, простирающиеся до скалистых гор, в которых мы с братом любили гулять, когда были детьми.

— Думаю, мы почти приехали, — сказал Майкл.

Он снова стал стучать пальцами по рулю. Наверное, нервничает, размышляя о том, что я собираюсь сделать. Как бы мне хотелось, чтобы он просто перестал думать.

— Осталось двадцать минут.

Я поёрзала на сиденье, тоже начиная нервничать. Хорошо, что у меня есть пистолет. Я надеялась, что он мне не понадобится, но с ним я чувствовала себя в безопасности.

— Ты в порядке? — поинтересовался Майкл. Он протянул руку и сжал мою коленку. Я схватила его ладонь до того, как убрал её, и крепко сжала.

— Нет, — ответила я. Как хорошо хоть раз быть с кем-то честной. — Но я буду.

Глава 12

По пути к убежищу, в котором томился мой брат, мы должны были проехать мимо моего старого дома. Я пыталась решить, то ли поднять глаза и посмотреть на него, то ли продолжать изучать свои невероятно «увлекательные» туфли. На мыске одной из них было какое-то пятно цвета ржавчины; я вздохнула и вытерла его о коврик в машине.

К тому времени, когда мы, наконец, доехали до дома, выбор стал очевиден. Мне было слишком любопытно. Интересно, журналисты так и продолжают толпиться на улице? Высохли ли следы от яиц на обшивке стен? Покрасили ли новые владельцы окно, в которое какие-то «доброжелатели» бросили кирпич? А есть ли вообще эти новые владельцы? А может, городские власти просто сравняли его с землей, погребая под ней всё моё детство? Как будто мы с братом никогда не стояли напротив кухонной двери, на которой мама отмечала наш рост. Как будто мы никогда не существовали.

Но нет, наш дом всё ещё стоял на месте, такой же маленький, белый и безупречно ухоженный. Красные потёки на гаражной двери (очередные «доброжелатели») были замазаны, а ставни выкрашены в темно-зеленый цвет. На подъездной дорожке была припаркована незнакомая машина. Хорошо, что я не вожу, иначе бы просто впечатала эту «самозванку» в гаражную дверь.

Миллион лет назад я уже въезжала в неё. Повторюсь ещё раз, я могу водить, просто не хочу. Однажды мама забрала меня после репетиции и разрешила мне отвезти нас домой. Это был мой третий раз за рулем. Я благополучно миновала все светофоры и перекрёстки, гордо заехала на нашу подъездную дорожку и... нажала вместо тормоза газ. Упс. На ремонт ушли все деньги, полученные мною на совершеннолетие³⁴.

— Всё в порядке? — спросил Майкл, возвращая меня в настоящее.

Я испуганно вздрогнула.

— Мы проехали мой старый дом, — сказала я, отчаянно моргая. — Мне было тяжело его видеть.

— Представляю себе, — ответил Майкл, а потом облизнул губы. — Ты не возражаешь, если я спрошу... почему...

— Почему он это сделал?

— А ты знаешь? — спросил он, закусив внутреннюю сторону щеки. — Конечно, если ты не хочешь об этом говорить, то я полностью...

— Нет. Всё в порядке, — я вздохнула и пожала плечами. — Он не оставил записки, и никто не знает, почему. Кроме меня. Это была моя вина.

В воздухе повисло напряжение.

— Что? Ты же этого...

— Понятное дело, что я этого не делала, — ответила я и сгорбилась, как улитка, свернувшаяся в своей раковине. — Но это была моя вина. Я не оправдала его ожиданий. Я должна была помочь ему и, совершенно очевидно, что не справилась с этим.

— Джулия, ты не можешь винить в этом себя, — теплая и тяжелая рука Майкла опустилась на мое плечо. — В этом ни в коем случае...

— Он какое-то время ходил к психологу. Из-за того, что делал. Нам следовало знать. — Я сжала лежащие на коленях руки в кулаки. — Мне следовало знать.

— Всё в порядке. Всё будет в порядке. — Он потер мое плечо, скользя пальцами по напряженным мышцам. — Ты сможешь поговорить с ним. Ведь именно для этого мы и здесь. Чтобы найти его.

Я позволила мышцам немного расслабиться, чтобы он почувствовал, что мне полегчало.

— Да, для этого.

— В этом не было твоей вины.

— Скажи ещё раз.

— В этом не было твоей вины.

Я полностью расслабилась, и Майкл убрал руку с моего плеча, будучи, судя по всему, уверенным, что снова спас положение.

— Мы приедем через десять минут, — сказал он. — У нас есть план?

— У меня есть план. Тебе просто нужно будет следовать за мной. Попытайся не делать резких движений и говорить, как можно тише.

Я засунула пистолет, который забрала из дома Спенса, за пояс. Позже, на спине появятся синяки, похожие на какую-нибудь абстрактную картинку. И тогда меня можно будет повесить в музее рядышком с Пикассо.

— Мне всё это не нравится.

— Я знаю.

Но мне всё равно. В данный момент я не могу позволить себе никаких переживаний.

Моя мертвая лучшая подруга жила на Хармони Лайн. К счастью, её дом находится практически в конце улицы, поэтому нам не придется проезжать мимо него. На сегодня довольно и моего. Не знаю, смогла бы я вынести встречу с её домом. Ведь даже при мысли о Лив мне было больно.

Отличительной чертой Лив была любезность. Если бы она попала в Хогвартс³⁵, то определенно училась бы в Пуффендуге³⁶. Как-то раз я ей сказала об этом, но она разозлилась. По-настоящему, без притворства. И не разговаривала со мной три часа, пока я, наконец, не закатила глаза и не сказала, что была не права и что она училась бы вместе со мной в Слизерине³⁷.

Если подумать, то вполне возможно, что Лив не была такой уж хорошей. Тем не менее, я ни разу не видела, чтобы она прошла мимо каких-нибудь сборов на благотворительность, или не внесла своё имя в список волонтеров на дежурство в начальной школе. А ещё, не смотря на аллергию, она кормила и ухаживала за бездомными котами, которые жили на её заднем дворе. Я собиралась сказать об этом на её похоронах, но мне, конечно же, не разрешили на них пойти.

— Вот мы и на месте.

Майкл притормозил перед домом, но я махнула, чтобы он продолжал ехать, а сама

вытянула шею, чтобы рассмотреть его. Это был обычный, ничем не примечательный дом: чёрные ставни, два этажа и газон с кое-где пожухлой травой, на которой лежал трехколесный велосипед. Я испугалась, что Спенс дал мне неправильный адрес. Но теперь уже слишком поздно переживать об этом.

Майкл припарковался через несколько домов от места нашего назначения.

— Спасибо, — сказала я, выпрыгивая из машины. — Ты можешь опять постоять на шухере.

Он покачал головой.

— Нет. С тобой может случиться что угодно. Я тоже иду.

У меня не было времени спорить. Там находится мой брат. Пока мы тут разговариваем, ему могут причинять боль. Или, что ещё хуже, мой брат может причинять кому-нибудь боль.

— Хорошо, — ответила я, крепко сжав в руке отмычки, а потом сняла балетки, чтобы не споткнуться во время бега, и помолилась, чтобы не наступить на гвоздь.

Влажная трава царапала мои ступни. Я надеялась, что Майкл достаточно разумен и не станет звать меня — ну, хотя бы, не настоящим именем — и не была разочарована. Я слышала, как он ворчит и пытается закрыть машину, но к тому времени я уже была на заднем дворе. У него не было ни шанса.

Трясущимися руками я открыла замок. Ситуация была гораздо опаснее, чем в доме Спенса — я надеялась, что внутри находятся только два парня, о которых говорил доктор, и Райан. Но, вполне возможно, что в гостиной я столкнусь со всем полицейским управлением Элктона.

Открыв дверь, я проскользнула в дом. Странно, почему она не была закрыта на засов? Воздух в помещении был пропитан затхлостью, как в музее. Стояла мертвая тишина. Такое ощущение, что сюда уже давно никто не заходил. Я задержала дыхание и прислушалась.

Ничего. Может, Спенс дал мне неправильный адрес?

Подождите. Я ничего не слышу, но чувствую запах. Что-то знакомое. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Я знала этот запах: его присутствие вновь напомнило мне о событиях в репетиционном зале. Мне пришлось сжать кулаки и сильно прикусить губу, чтобы не закричать.

Это была кровь. Дом насквозь пропитался запахом крови.

Неожиданно, меня толкнула в спину открывающаяся дверь. Не раздумывая, я схватилась за пистолет, но увидев, что это всего лишь Майкл, облегченно выдохнула.

Он был очень раздражен, а когда почувствовал запах, то отшатнулся.

— Это кровь? — прошептал Майкл.

Его взгляд скользнул по пистолету в моей руке, а потом он снова посмотрел на меня. Он доверял мне. Он доверял мне, не смотря на пистолет.

Я кивнула. Моё сердце стучало, как сумасшедшее. Я едва могла дышать.

— Подожди здесь, — прошептала я в ответ, чуть не выронив пистолет из вспотевшей ладони.

Майкл покачал головой и схватил меня за руку. Я не стала спорить. Я знала, что в этот раз мне не удастся обыграть его.

Вместе, мы прокрались по коридору в комнату, оказавшуюся гостиной. В доме была открытая планировка. Никаких дверей и перегородок. Всё современное, хромированное или белое.

За исключением дивана. Когда-то он был белым, но сейчас его обивка была покрыта

красными, коричневыми и фиолетовыми пятнами незнакомого мне оттенка. Он бы запросто мог висеть в музее прямо рядом с моей спиной.

Задержав дыхание, я сделала несколько шагов вперед. Кто-то — или что-то, что когда-то было кем-то, валялся на диванных подушках, его голова притулилась на подлокотнике, как будто он просто спал. Я прищурилась.

Ему выстрелили прямо в рот. Пол и то, что осталось от его лица, было усыпано мелкими осколками зубов. Даже Джозеф Гудмен, звёздный стоматолог, не смог бы уже ему помочь.

— Его зубы, — прошептал Майкл.

А потом его вырвало на ноги мертвого парня.

Я старалась сохранить чувство собственного достоинства. Меня не вырвет. Я не сделала этого даже в репетиционном зале.

— Должен быть ещё один. Где он? — прошептала я, игнорируя запахи.

Майкл покачал головой и обтер губы тыльной стороной ладони. Я осмотрела комнату. Всё, за исключением дивана, было чистым.

Кроме...

Капельки крови тянулись в сторону лестницы. Не думаю, что они принадлежат мертвому парню. После такого выстрела он не мог двигаться. Я указала на них подбородком. Майкл нехотя кивнул, мельком посмотрев на пистолет в моей руке. Я знала, что ему это не нравится, но других вариантов у него не было.

И он доверял мне.

Мы пошли по следам крови. Двигаться пришлось медленно. Он, возможно, и ранен, но не обязательно смертельно.

Я была рада тёплой, крепко держащей меня за руку, ладони Майкла.

Наверху было также чисто, как и внизу. На первый взгляд, помещение выглядело современным, но теперь это бесконечное пространство начало раздражать меня. Следы крови продолжали тянуться по полу. Я чувствовала себя, как Гензель и Гретель³⁸, следуя за «готическим» вариантом хлебных крошек, которые, в конце концов, привели нас к закрытой двери в конце коридора.

Должно быть, это спальня. Я стиснула руку Майкла, а он — мою. Это придало мне сил. Расправив плечи, я сжала пистолет крепче и пнула дверь ногой.

За ней нас дождался второй парень. Я опустила пистолет. В его теперешнем состоянии, он нам не угроза. Он лежал поперек кровати, раскинув руки на одеяле и свесив ноги на пол. В его груди зияла дыра. Думаю, когда он был внизу, его ранили в плечо, — вероятно, целились в грудь, но промазали, — а позже прострелили колено. Ну а закончил стрелок аккуратным выстрелом в грудь. Майкл отпустил мою руку, его опять стало рвать. Моей ладони сразу же стало холодно. Я прислушалась, но не услышала ничего, что говорило бы о присутствии стрелка.

Стрелка. Да кого я обманываю? Моего брата. Ничто не говорило о том, что мой брат всё ещё здесь.

Я вошла в комнату, надеясь что-нибудь найти. Не уверена что, но оно должно было быть где-то здесь.

Я обнаружила её с другой стороны кровати. Фотография. Такая же, что лежит в моей сумке.

Интересно, как он её получил. Хотя, найти её не так уж и сложно. Когда-то это была фотография профиля Джулии Ванн. Я на ней хорошо получилась.

Почему он её здесь оставил? Мой рот наполнился слюной. Я свернула снимок в несколько раз и запихала в свой карман.

Позади меня раздались шаги. Майкл.

— Что это было? — хрипло спросил он.

— Ничего, — сглотнув, ответила я. — Думала, что там что-то есть, но мне просто показалось.

***

Путь к машине прошел как в тумане. Каким-то образом, нам с Майклом удалось выйти из той комнаты, спуститься по лестнице, пересечь гостиную и выйти на улицу. Входную дверь мы оставили открытой.

К тому моменту, как мы подошли к машине, Майкл уже достал свой мобильный, но был слишком ошеломлен, чтобы говорить. Я положила ладонь на держащую телефон руку.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Не звони в полицию.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую. Ха. Не впервой.

— Конечно же мы должны позвонить в полицию, — медленно произнес он.

Движения его губ ужасно раздражали меня.

— Те люди мертвы. Они были... убиты. И есть опасность, что... — он запнулся, поймав мой взгляд. — Прости.

— Ничего страшного, — ответила я. — Мой брат опасен. Но если мы позвоним в полицию прямо сейчас, они задержат нас для допроса. Они захотят узнать, что мы тут делали. Как мы тут оказались. Откуда мы знаем этих мужчин. И даже, если мы скажем, что не знаем их, ты уверен, что они нам поверят?

— Мой отец один из них, — сказал Майкл. Его кадык дергался вверх-вниз, вверх-вниз. Это оказывало на меня гипнотизирующее воздействие. — В полиции работают хорошие люди. Они не станут...

Я схватила его руку и сжала её, отчего он мгновенно замолчал.

— Как только твои родители узнают кто я и куда я тебя притащила сегодня, думаешь, они позволят нам быть вместе? — тихо спросила я. — Особенно, если твой отец — полицейский.

Вверх-вниз. Вверх-вниз.

— Мой отец никогда... — мне даже не пришлось сжимать его руку, он и сам замолчал.

— Вот именно. Поэтому мы никому ничего не скажет. Кто-нибудь в конце концов, и так поймет, что что-то произошло. — Например, милый доктор или его дружок. Думаю, они каждые день-два выходят на связь с теми парнями. — Если через несколько дней об этом не сообщат в новостях, то мы сделаем анонимный звонок из телефона-автомата.

— Хорошо, — сказал Майкл. — Я доверяю тебе.

Я снова сжала его руку.

— Ни о чем не переживай. Все будет в порядке.

Наверное, именно так и думали двое подростков, придавленные телом мистера Моржа. Они не могли двигаться. Они не могли бежать. Они были вынуждены лежать и мучиться — три минуты по словам журналистов, — пока кровь мистера Моржа просачивалась сквозь их одежду, а мой брат ворчал, пытаясь его перевернуть. В конце концов, ему это удалось. Их звали Софи Грант и Пенелопа Вонг. Они были первокурсницами и до того момента я общалась с ними всего лишь один раз.

А потом, пока кто-то умирал, а кто-то уже был мертв, мы с братом провели двенадцать минут наедине.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 10 лет.

Райан Ванн больше не является моим пациентом. Это моя последняя запись.

После пожара мы, родители Райана и я, увеличили количество встреч до одного раза в неделю. Я встречался с ним дважды. И в оба раза я обратил внимание на то, что он заметно регрессировал. Он едва разговаривал, а когда я всё-таки давил на него, отвечал односложно.

Я был разочарован, если не сказать больше. Но, определенно, не был готов к тому, что произошло сегодня во второй половине дня.

Он просто не пришёл. Вместо него появилась мать.

— Доктор Спенсер, — сказала она. — Простите за то, что сообщаю об этом в последнюю минуту, но я хочу отменить прием.

— Жаль, — сказал он. — На какой день вы хотите его перенести?

— Вообще-то, мы собираемся посетить другого психолога, — скривив губы, сказала она. — Райан сказал, что ему было не по себе во время вашего последнего приёма.

Я прокрутил в голове нашу встречу. Не было ничего необычного: я спросил, как у него дела, об успехах в орфографии, не убивал ли он недавно каких-нибудь маленьких животных. Не отрывая взгляда от пола, Райан ответил: «Прекрасно, прекрасно, прекрасно, нет». Последние пятнадцать минут мы молчали: я ждал, что он заговорит, он же бросал мне вызов.

— Почему? — спросил я.

Она была явно расстроена.

— Послушайте, доктор. Я знаю, что Райан любит приврать и, скорее всего, это неправда, но он всё равно мой ребенок и я не могу...

— Что он вам сказал? — оборвал я её. — Ложь — отличительный признак кондуктивного расстройства³⁹. Если он сказал, что я вёл себя неподобающим образом, то могу заверить вас, что это неправда.

— Я знаю, что, скорее всего, так оно и есть, — печально ответила она. — Но я не могу... Он даже не смог рассказать об этом сам. Райан был слишком смущен. Он сказал сестре, а Джулия пришла ко мне. — Она покачала головой. — Когда твой ребенок говорит такое, вы не можете больше оставлять его наедине с этим человеком. Как мать, я просто не могу этого сделать. — Направляясь к двери, произнесла она.

— Мы можем проводить приемы под чьим-нибудь наблюдением, — предложил я, следуя за ней. — С нами может находиться помощница, если Райан не будет против.

— До свидания, доктор Спенсер, — попрощалась она со мной, даже не остановившись.

Я стоял и смотрел ей вслед. Её поникшая фигура удалялась всё дальше и дальше.

— Миссис Ванн! — выкрикнул я. — Если мы не продолжим эти встречи, то он вырастет и совершит что-нибудь страшное. Такие дети не выздоравливают без квалифицированной помощи.

Но она всё равно не остановилась.

Подшивая эту запись в папку, я надеюсь, что в первый раз в своей жизни я окажусь не прав.

Глава 13

Мой брат разыскивает меня. И, в конце концов, разыщет. Спустя две недели после того, как мы с Майклом в спешке покинули тот дом, я была в этом уверена.

На следующий день, когда мы вернулись в Санни Вейл, в новостях передали о том, что в одном из жилых помещений были обнаружены тела двух мужчин. Первую неделю я провела в состоянии паники, замирая каждый раз, когда «оживал» школьный громкоговоритель или раздавался звонок в дверь. Я боялась, что полицейские обнаружат следы или остатки ДНК, по которым смогут вычислить нас. Но они не обнаружили. Я не забыла протереть дверные ручки и, кажется, никто из соседей не видел нашей машины. Хотя Майкл и оставил после себя содержимое желудка, но у полиции нет таких технологий, как любят показывать по телевизору. Они не смогут отследить его без образца для сравнения. Так что мы в безопасности. Надеюсь.

На второй день после посещения Элктона, я решила отвлечься от постоянного чувства тревоги и пойти извиниться перед Алейн. Она так и не появилась в школе в понедельник, поэтому на следующее утро мама высадила меня у её дома.

— Я — худшая в мире подруга, — вымолвила я сквозь слёзы, когда она распахнула дверь. — Не могу поверить, что оставила тебя возле больницы. Если ты захлопнешь дверь прямо перед моим лицом, я всё пойму.

Я стояла, ожидая, что Алейн так и сделает. Не потому, что она зла на меня, а потому, что теперь она знает «кто я есть» на самом деле.

Но она не закрыла дверь. Вместо этого, Алейн тоже залилась слезами.

— Я погуглила тебя, — сказала она. — Мне не верится, через что ты прошла.

Мы могли бы стоять так весь день, но её соседи начали возвращаться с работы и удивленно смотреть на нас.

— Заходи, — произнесла Алейн, а потом развернулась и, прихрамывая, направилась вглубь дома.

Быть настолько беспечной, чтобы повернуться ко мне спиной? Поверить, что я не воткну в неё нож? Не пристрелю? Не задушу? Или что там ещё думали обо мне в прошлой жизни?

Это значило для меня куда больше, чем открытая дверь.

Я плакала на её плече. Она на моём. Слезы текли ручьём.

— Чувствую себя такой дурой, — сказала я. — Хотя, я и есть дура. Ты была в больнице, а я повела себя как идиотка и просто сбежала, и...

Алейн покачала головой.

— Не могу поверить, что ничего не знала об этом раньше. Тот парень имел какое-то отношение к твоему брату?

Я закрыла глаза. Я знала, что могу сказать ей правду.

— Он пропал, — вымолвила я. — Мой брат. Он очнулся. И мы не знаем, где он.

Она успокаивающе погладила меня по спине, как сделала бы мама. Не моя, конечно же, а какая-нибудь другая мама другому ребенку.

— Всё будет в порядке, — сказала Алейн. — Всё будет в порядке.

Вторая неделя привела за собой полицейских. Я чуть не поперхнулась, когда однажды утром проснулась, открыла окно и увидела черную машину, стоящую перед домом, и две фигуры в костюмах, откинувшиеся на сиденьях. Не Гудмен и не Вест. Два человека, которые могли быть только копами.

Но они пришли не за мной. И не за Майклом. Мы всё ещё были в безопасности.

Они, определенно, искали моего брата. Теперь, куда бы я ни посмотрела — везде были люди в черных костюмах. Должно быть, они думали, что мой брат направится напрямиком ко

мне. Но я не видела его. Так что, удачи.

К счастью, полиция держала исчезновение моего брата в секрете. Ей определённо было известно о том, что он на свободе, но в новостях, газетах и интернете об этом не упоминалось. И я позволила себе расслабиться.

Ранним субботним утром, в конце второй недели, в мою дверь постучалась мама и, не дожидаясь ответа, вошла в комнату. По тому, как она заламывала руки, я могла сказать, что у неё плохие новости.

— Ну, давай, — сказала я. То, что она скажет не будет хуже того, что я думаю.

Мама присела на краешек кровати. Она пристально смотрела на меня, отводя взгляд только для того, чтобы изучить крошки на столе и грязную одежду, разбросанную на полу.

— Люси, у меня для тебя плохие новости. Ты помнишь своего и... и... своего психолога в Элктоне?

У меня внутри всё заледенело.

— Доктора Спенса?

О нет. Он рассказал им. Он приходил из-за меня.

— Да, — мама придвинулась поближе и положила руку на выпуклость на одеяле, которую, она, судя по всему, приняла за моё колено. На самом деле это был пакет с чипсами. Но... довольно близко. — Он был найден мёртвым в своем доме. Здесь, недалеко от Санни Вейл. Должно быть, он переехал. Ты вроде говорила, что видела его как-то раз?

Моя кожа стала холодной, как лёд.

— А они знают, что случилось? — Проигнорировала я её вопрос.

Мама вздохнула, дернув уголком рта.

— Полиция сказала, что судя по всему... судя по всему, — она снова вздохнула и посмотрела на свои ноги. — Судя по всему, это было убийство. Судя по всему... судя по всему...

Она не смогла закончить. Но этого было и не нужно. Мы обе знали, что она пыталась сказать.

— Вот дерьмо, — дрожащим голосом выдавила я. — Полиция считает, что он...

— Они собираются наблюдать за нашим домом. На случай, если Ра... — она резко оборвала себя на полуслове. — Вот дерьмо. Вот дерьмо.

Я подняла голову. Никогда не слышала, чтобы она так выражалась. Выйдя из комнаты, мама, вероятно, направится напрямиком в ванную, чтобы вымыть рот с мылом.

— Спасибо за то, что рассказала, — произнесла я.

Мама встала. Я надеялась, что она снова погладит меня по коленке, даже если на самом деле это лишь пакетик чипсов. Этого было бы достаточно. Но... не судьба.

— Не за что, — ответила она.

Теперь у меня есть две фотографии брата. Я храню их за ящиком с нижним бельем. Я всегда помню о брате. И готова к его приходу.

***

В понедельник, зажав учебники под мышкой, я забралась в машину к Алейн.

— Как Майкл? — спросила она.

— Отлично, — ответила я. — Наверное.

Я не видела его после нашей поездки в Элктон. Нет, я, конечно, сталкивалась с ним в школе. Это было неизбежным. Но каждый раз, когда он пытался заговорить со мной или поцеловать, я разворачивалась и уходила. Несколько дней назад он даже приходил ко мне

домой, держа в руках всё необходимое для куриного супа с лапшой. Я попросила маму сказать, что меня нет, но перед тем, как сесть в машину, он поднял голову и увидел, как я наблюдаю за ним из окна своей спальни.

Алейн с грустью посмотрела на меня.

— Ты ведь ему и правда нравишься.

— Я в курсе. Даже несмотря на то, что он знает кто я есть на самом деле.

Она изумленно вздохнула.

— Правда?

— Да.

И я всё равно ему нравлюсь. Хотя это неправильно. В Элктоне у меня было два парня: Эван, чью кровь, скорее всего, ещё можно обнаружить на полу в репетиционном зале (естественно, они поменяли ковер, но невозможно отмыть кровь с цемента; я знала это по собственному опыту), а до него — Эйден Уильямс. Эйден встретил свой конец в трагической аварии. Неминуемой. Так сказали в полиции.

— Но мой брат где-то рядом. А моим парням приходится не сладко, если поблизости находится мой брат. Я не могу подвергать Майкла такому риску.

— А. Хорошо. — Её лицо исказилось от страха, и я сразу же вспомнила: моим лучшим подругам тоже приходилось не сладко, когда поблизости находился мой брат. — Ты думаешь... как ты думаешь, что будет дальше? — Она так крепко вцепилась в руль, что костяшки её пальцев побелели.

Я знала, что будет дальше. Знала, что планирует мой брат, потому что разбиралась в хитросплетениях его мозга также, как в своих собственных. Если не лучше.

Сейчас он разыскивает меня. Я могла бы поставить на это наши с Алейн жизни. Вероятнее всего, Райан где-то прячется, залег на дно после убийства Спенса, но он обязательно придёт за мной. Не думаю, что он будет настолько глуп, чтобы угнать машину. Райан сделает всё, чтобы не попасться полиции. Он терпелив. Может, он украдет детский велосипед, или купит билет на автобус. Я даже представила, как он идет по обочине дороги. Медленно, но уверенно, он, в конце концов, дойдет до меня.

Если сможет. Гудмен и Вест говорили о том, что его держали в реабилитационной клинике. Я не знаю, что это значит. Может, он уже давно не тот Райан. Это было бы хорошо.

Как только он дойдёт (если предположить, что он смог это сделать), то возможны несколько вариантов. Как я уже сказала, Райан терпелив. Он не станет пьяным врываться в гостиную и размахивать руками. Он будет сидеть и наблюдать, выжидая лучший момент для удара. Под ударом я имею в виду его появление. Возможно, он захочет начать всё сначала, изменит внешность и поселится с нами, представляясь кузеном, другом семьи или жалким сироткой. Нет, не так. Райан никогда не был жалким, или, по крайней мере, никогда не видел себя таким.

Не важно что, но я знала — он хочет меня. Вопрос лишь в том, чего он хочет от меня. Смогу ли я ему это дать? Зол ли он на меня за то, что я уехала и бросила его?

Был и другой вариант, но я не хотела даже думать о нём.

А потом меня осенило: прошло слишком много времени. Он уже не такой предсказуемый. Райан мог сильно измениться за прошедший год, а самое главное, могли измениться его чувства ко мне. Я не могу ждать пока он найдёт меня. Я должна найти его первой. Я должна найти его первой и убедиться, что он не планирует сделать какую-нибудь глупость. Я должна обезопасить Алейн и Майкла. И я должна обезопасить Райана от

полиции. Не важно, что он сделал, он всё ещё мой брат и я должна поговорить с ним. Я люблю его и не могу позволить им убить Райана. Не сейчас, когда он вернулся к жизни.

— Я думаю, что всё будет в порядке, — ответила я. С этого момента, мне придётся добираться домой на чем-то другом.

Она не ответила, просто сосредоточилась на дороге. Лицо Алейн не выражало никаких эмоций. Без привычной улыбки её щеки казались впалыми, а губы большими. Я перевела взгляд на черную машину, следующую за нами и помахала в зеркало заднего вида. «Черные костюмы» не ответили мне тем же.

После классного часа наши пути разошлись. На лицо Алейн вернулась улыбка, слабая, но всё же. В коридоре я увидела Майкла, ожидающего мою персону. По правде сказать, он общался со своими друзьями и намеренно игнорировал меня, но я видела, что он заметил меня по тому, как блеснули его глаза, а тело развернулось в мою сторону. Язык тела. Ему стоит научиться маскировать его.

Как только я подошла ближе, его друзья ушли. Майкл развернулся ко мне спиной и стал копаться в своем шкафчике. Выждав около пяти секунд, он, наконец, обернулся.

— О, привет, — спокойно произнёс он.

Я должна оградить его от опасности. Но в то же время не могу позволить ему думать, что я ненавижу его. Закатив глаза, я схватила его за плечи, развернула и поцеловала. Когда я, наконец, оторвалась от него, он изумленно вздохнул. Краешком глаза я видела, что на нас смотрят. Но мне было всё равно.

— И тебе привет, — сказал он.

— Буду краткой, — ответила я. — Ты нравишься мне. Я нравлюсь тебе. Я ценю то, что ты для меня сделал и то, что сохранил всё в тайне. Но пока нам нужно держаться подальше друг от друга.

Я осмотрелась по сторонам, а потом многозначительно уставилась на него. Да, это немного театрально, но я должна быть уверена, что он понял — действительно понял, о чем я говорю.

— Мой брат может быть где угодно.

— Джулия...

— Зови меня Люси.

— Люси, я не боюсь. Если он...

— Мне нужно идти.

Я развернулась и ушла, чуть не сбив по пути Эллу, которая кружила поблизости. Она сморщилась и, судя по всему, собиралась мне что-то сказать, но я просто продолжила идти.

Остаток дня я избегала всех. Когда Ава, девушка с отвратительными серьгами из перьев, повернулась, чтобы продемонстрировать свое новое творение (ожерелье из семечек и шишек), я натянуто улыбнулась и сосредоточила внимание на синьоре Голфарбе, который рассказывал нам о спряжении глаголов. Когда Майкл бросил мне записку, я позволила ей, шурша, упасть на пол. А увидев Алейн, ожидающую меня после репетиции, чтобы подбросить до дома, я развернулась в обратную сторону и, отправив ей сообщение, что за мной заедет мама, воспользовалась другим выходом. Я жила примерно в сорока пяти минутах ходьбы от школы. Дойти вполне реально. Возможно, меня даже подвезут «черные костюмы».

Когда я наконец добралась до родных стен, родителей дома не оказалось, но наша новая система безопасности ободряюще подмигивала мне зеленым светом. Я не думала, что Райан

причинит мне боль.

Но осторожность никогда не бывает лишней.

Я ни разу не заходила в этот гараж, поэтому мне понадобилось десять минут, чтобы успокоиться. Но даже и тогда я открывала дверь трясущимися руками. В нос моментально ударил затхлый воздух. Когда я включила свет, какие-то пятна, которые, я надеялась, были пауками, быстро расползлись в разные стороны.

Я не водила машину со времен аварии, в которой погиб Эйден. Вообще-то, я и тогда не была за рулем, но после произошедшего мне никогда больше не хотелось опускать ногу на педаль газа. Мне понадобилась куча упражнений на релаксацию даже для того, чтобы просто сесть на пассажирское сиденье автомобиля.

Эйден был первым парнем, который поцеловал меня. Он также был моим первым бойфрендом и первым мальчиком (за исключением брата, конечно же, но это совершенно другой случай), которому я призналась в любви. Мне нравились его карие глаза, становившиеся золотистыми на солнце, и легкая щетина на идеально вылепленной челюсти. Мне нравилось, когда он прижимал меня к себе так, как будто я могу исчезнуть, и то, как подгибались мои колени, когда он дотрагивался до меня. Мне нравилось то, как у меня болело горло после его матчей, и то, как завистливо смотрели на меня другие девушки каждый раз, когда Эйден останавливался на боковой линии, чтобы притянуть меня к себе и поцеловать «на удачу». Но на самом деле, я никогда не любила его.

Мой второй год обучения. Последний у Эйдена. Старая машина, которая постоянно ломалась: плохие тормоза, кондиционер, который заменяли открытые окна, (окна были всегда открыты, потому, что ручки были сломаны) и радио, которое ловило только станцию с «кантри». Это, на мой взгляд, было самым ужасным. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в один прекрасный день тормоза и вовсе отказали и мы, визжа и крича, въехали в местные заросли ивы.

Я выбралась из машины, отделавшись несколькими царапинами, синяками и сломанным запястьем. Эйдену не повезло. Его грудь насквозь пронзила ветка толщиной с мою ногу. Он едва успел издать последний крик перед тем, как его глаза навсегда закрылись.

Дерево тоже не выжило; из него настрогали мульчу⁴⁰, которая сейчас укрывает чей-то сад.

Если бы не брат, я бы, скорее всего, тоже погибла. Каким-то образом он оказался поблизости и вытащил меня из покореженной машины. А потом, укачивал на обочине дороги, после того, как Эйден издал свой последний вздох.

Даже при мысли об этом я начинаю дрожать от страха. Эта машина в гараже, так похожа на ту: четыре колеса, ветровое стекло, руль, за который я не хочу садиться. Я убрала с глаз волосы, прилипшие к вспотевшему лбу. Мне нельзя больше полагаться на брата. Мне нельзя полагаться на Майкла и Алейн. Я должна полагаться только на саму себя. А для этого, мне нужна машина.

Я дотронулась до ручки на двери. Моё сердце моментально застучало как сумасшедшее, к горлу подступила тошнота и я начала тяжело дышать. Но как только я отступила, всё пришло в норму, хотя сердце так и продолжало нервно биться. Может, проблема в том, что у меня аллергия на мою машину?

Что ж, сорок минут — не такой уж длинный путь до школы.

Я пошла в дом, утешая себя тем, что стану исключительно здоровой. У меня подтянутся ноги и, может быть, я даже загорю и...

Что-то скрипнуло. Я замерла.

Родители еще не приехали, они бы поставили машины в гараж. И я бы услышала, как они подъезжают.

— Эй? — крикнула я. — Райан? Это ты?

Звук шагов, приоткрытая дверь. Я замерла. Черный костюм?

— Райан Уильям Ванн, у тебя есть тридцать секунд, чтобы показаться или я закричу.

— Тпру. Тпру, Люси, тпру, — это был голос Майкла; я немного расслабилась, но все же оставалась настороже. Райан мог держать пистолет у его головы.

— Я что, похожа на лошадь? — выкрикнула я. — Как ты попал в мой дом?

— Я переживала за тебя! — Это был голос Алейн.

Я прокралась по коридору и увидела их — Майкла и Алейн, которые с озабоченным видом стояли на пороге и... Эллу. Элла, у которой короткая стрижка, и которая влюблена в Майкла. Меня охватило беспокойство. Слышала ли она, как я звала Райана? Конечно же, слышала. Я практически кричала.

— Твое сообщение показалось мне странным. К тому же, мне сказали, что видели, как ты направлялась к лесу после школы. Я испугалась, что ты разозлилась на меня или произошло что-то ещё. — Она на секунду замолчала. — К тому же, дверь была открыта. Не стоит оставлять её незапертой.

Неужели я не закрыла дверь? Не думаю. Но, возможно, что и так. Надеюсь, что так.

Я украдкой посмотрела на Эллу. Она таинственно улыбалась. Это плохо. Неужели она узнала имя моего брата?

— Элла, а ты что тут делаешь?

Она отвела взгляд от меня и перевела его на Майкла.

— Майкл обещал подвезти меня до дома, — сказала она. — Я зашла просто из любопытства.

Точно. Элла тоже занималась плаванием. Мне сразу стало легче дышать.

— Вам не стоит находиться здесь, — сказала я. — Вы должны уйти.

Алейн и Майкл даже не пошевелились. Элла посмотрела на них, пожала плечами, а потом пронзила меня своим взглядом.

— Я не собираюсь в этом участвовать, — сказала она. — Буду ждать в машине, Майк.

Майк? Да не уж то?

— Почему она называет тебя Майк?

— Потому что меня так зовут, — ответил Майкл. — Послушай. Нам нужно поговорить.

Поцелуй в школьном коридоре явно был ошибкой. Я просто не хотела, чтобы он думал, что не нравится мне. Он же, определенно, слишком туп, чтобы понять все последствия поцелуев с Люси Блэк или Джулией Ванн.

— Нет, это вы послушайте, — сказала я. — Вы знаете все мои секреты. Вы знаете, что произошло с моим парнем и лучшей подругой. Я не могу допустить того, чтобы мой брат пришел за вами. — Алейн открыла рот, но я не дала ей произнести ни слова. — Даже не пытайтесь убедить меня в обратном.

— Я разговаривал с отцом, — произнес Майкл. Я помню тёплую атмосферу, которая царила за обеденным столом в его доме. — Твоего брата разыскивает полиция штата. Департамент отца помогает им. Они все разыскивают его. Твоего брата найдут.

— Он ни перед чем не остановится, чтобы добраться до меня, — спокойно произнесла я.

— Ты сама это сказала, — воскликнула Алейн.

Кажется, в ней что-то изменилось. Словно вся её обычная энергия и радость перепрограммировались в твердую решимость. Да, я права — она не машет руками и не гладит меня по плечу. Она стоит как скала, сверкая глазами и высоко задрав подбородок.

— И именно поэтому мы не можем бросить тебя одну.

— Ты доверила нам свой секрет, — сказал Майкл. — А теперь доверься и в этом.

Я была готова разрыдаться.

— Ребята, вы...

Алейн сделала шаг вперед и обняла меня за плечи.

— Майкл повезет Эллу домой, а мы займемся чем-нибудь девчачьим и несерьезным, — произнесла она. — Я не прочь накрасить ногти. А ты?

Я улыбнулась сквозь пелену слез.

— Да. Да, я тоже.

Она ещё крепче обняла меня за плечи, отчего я чуть не подавилась.

— Будешь красить нам обеим. Я в этом не спец. У меня ещё с прошлого раза оранжевая кутикула.

— Издеваешься? Да у тебя даже пальцы оранжевые. — Я заставила себя улыбнуться и позволила ей крепко сжать меня в объятиях.

Всё будет в порядке. Я должна в это верить, иначе просто погрязну в настоящем.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 17 лет

Я был прав.

Обычно это не вызывает в человеке чувство грусти.

Девять месяцев назад, в репетиционном зале старшей школы, Райан Уильям Ванн расстрелял одиннадцать человек. Его сестра Джулия оказалась единственной, кто вышел оттуда. Трясущаяся, в крови, но живая. Хотя, Райан — пациент, тоже покинул его живым: он пытался застрелиться и в итоге впал в кому на несколько дней. Или доктора ввели его в медицинскую кому. Я так и не понял. Всё же есть причины, по которым медицинский персонал называет нас врачами-шарлатанами.

Через неделю после стрельбы пациент открыл глаза, моргнул и спросил: «Где я?»

Всё это согласно данным полиции штата, которая занимается этим делом. В прессу не просочилось ни слова из этой информации. Они перевезли пациента в одно из секретных мест, якобы для реабилитации перед началом судебного производства.

Но один из полицейских рассказал мне, что когда Райан вышел из комы, то поведал очень интересные вещи, которые стоило тщательно изучить, перед тем как бросать его на съедение публики и системы правосудия.

Али Нур — полицейский, который разыскал меня.

— Вы — доктор Атлас Спенсер? — произнес он, заглянув в свой навороченный телефон.

— Да, — ответил я.

— Замечательно. Райан Ванн был вашим пациентом. Верно?

Я напрягся.

— Я не собираюсь обсуждать это с прессой, — сказал я, скрываясь от него в своём кабинете. — Хорошего вам...

Он вытянул руку и придержал дверь, которую я пытался закрыть. Этот властный жест

заставил меня выслушать его.

— Давайте поговорим внутри, — попросил он.

Он объяснил, что работает в полиции штата, а потом позволил мне изучить удостоверение личности и позвонить двум своим начальникам. Он также объяснил, что девять месяцев назад Райан Ванн вышел из комы.

— Но в газетах ничего об этом не писали, — сказал я.

— Мы держим это в секрете. Хотим, чтобы он закончил процесс реабилитации и научился заново говорить. Мы также хотим пообщаться с ним до того, как начнется суд Линча⁴¹. Хотим выяснить, почему он это сделал. — Полицейский на мгновение прикусил внутреннюю сторону щеки, а потом продолжил. — Находясь в полубессознательном состоянии, Райан кое-что сказал... Но как только он пришел в себя, то прекратил разговаривать. На сегодняшний день он достаточно хорошо себя чувствует, чтобы ему можно было задавать вопросы.

— Интересно, — осторожно произнес я. — И как это связано со мной?

Нур уселся в кресло и сложил руки на коленях.

— Он сказал, что будет разговаривать только с вами, доктор. Так что вы на это скажете?

Что можно ответить на такое предложение? Очевидно же, что я согласился. Это возможность, которая выпадает лишь раз в жизни. Я буду уже не просто психологом, доктором Атласом Спенсом. Я стану криминальным психологом, который консультирует полицию штата. Кто знает, это дело может стать одним из многих.

Я не видел пациента много лет и понимал, что он, конечно же, изменился. Тем не менее, мне не удалось сдержать удивленный возглас, когда Нур и ещё один полицейский привели меня в палату Райана. Я зашел в маленькую белую комнату, больше похожую на тюремную камеру. Кровать, раковина для умывания и туалет — вот и всё что составляло её содержимое. Райан сидел на кровати лицом к стене. А может быть к окну. Почти под потолком находилось маленькое окошко. «Голое», как вы понимаете. Не думаю, что он мог что-то в него видеть. Но, вполне возможно, что ему просто нравилось смотреть на него и представлять, как легкий ветерок ласкает его лицо.

— Добрый день, Райан, — сказал я.

— А сейчас день? — повернувшись, поинтересовался он.

Его речь была какой-то заторможенной. Ему явно было тяжело говорить, потому что шевелилась лишь правая половина губ.

— Иногда за этим сложно уследить.

Он казался нормальным и это удивило меня больше всего. Райан был заросшим и болезненно худым. Правой рукой, он безостановочно отбивал какой-то ритм на колене. Вторая же, левая, свисала вдоль тела. Скорее всего, она была частично или полностью парализована.

— Сейчас три часа дня, — ответил я. — Слышал, ты хотел поговорить со мной.

— Да, — согласился он. Это так не похоже на воинственно настроенного мальчика, которого я помню.

Я придвинулся ближе, как можно ласковее, улыбаясь ему.

— Ну так давай поговорим. Как у тебя дела?

Больше он не сказал ни слова.

Это больше похоже на Райана Ванна, которого я помню.

Алейн осталась у меня ночевать. Ещё раньше она притащила сумку со сменой одежды и зубную щётку, так что её намерение находиться постоянно рядом было довольно серьёзным.

— Завтра очередь Майкла, — сказала она, а потом ткнула пальцем мне в лицо. — И никаких ночевок с ним, юная мисс!

Я закатила глаза. Алейн ещё не целовалась с мальчиками и, насколько я знала, не планировала подобного в ближайшем будущем. Это объяснялось не столько отсутствием возможностей, сколько нежеланием. Да и в хоре, где она проводила большую часть времени помимо школы, не было гетеросексуальных парней. Также как и на уроках вокала. Несколько раз я слышала, как она поет; от её голоса мои руки покрывались мурашками.

Алейн быстро заснула на водяном матрасе, который я вытащила из кладовки. Постепенно её дыхание сменилось храпом и редкими вскриками. Вытянувшись на кровати, я наблюдала за ней: у неё подергивались веки, а уголки рта поднимались то вверх, то вниз, как будто она пыталась улыбнуться, — или закричать.

Когда мне надоело лежать и пялиться на Алейн и на потолок, я выбралась из кровати и на цыпочках пробралась в коридор. Из-за двери родительской спальни доносился приглушенный шум работающего телевизора. Я никогда не стучалась к ним, чтобы спросить об этом, но у меня такое ощущение, что они тоже не слишком много спали за последний год. Да даже если бы постучалась, они навряд ли бы что-то ответили. Потому что им пришлось бы говорить со мной.

Я остановилась в конце коридора, из которого открывался замечательный вид на наш двор. Мне не слишком хорошо было видно в темноте, но раздающееся из него кваканье, щебетанье и пиликанье вполне могло бы заменить собой целый оркестр. Неожиданно, что-то промелькнуло... тень... тень человека... мужчины в черном костюме...

Я прищурилась, но тень уже исчезла.

Иногда мне кажется, что в этом вся история моей жизни: я пытаюсь о чём-то подумать, или что-то понять, но даже если ответ лежит прямо передо мной, я просто смотрю на него, не видя. Особенно это касается двенадцати минут, которые прошли с момента, когда брат выстрелил Пенелопе Вонг в голову и до того, как он выпустил пулю в самого себя.

Интересно, умоляла ли я сохранить мне жизнь? Может, я упала на пол, склонила голову к его ногам и оросила ковёр слезами? А может, повела себя стойко и решительно, встречая смерть с высоко поднятым подбородком? А может, он вообще не собирался убивать меня? Может, он рассказывал мне почему сделал это? Эту информацию моя старинная подружка Дженни не побрезговала бы высосать из меня также, как древние египтяне высасывали мозг через нос, превращая человека в мумию.

Ответ находится где-то здесь, — плавает в моей спинномозговой жидкости⁴², как электрический угорь. Иногда я чувствую толчки, когда он пытается выбраться наружу, но каждый раз, когда я пытаюсь его схватить, он со свистом проносится мимо. Может, будет лучше, если он так и останется не схваченным?

Подождите. Я прищурилась, всматриваясь в темноту. Под одним из деревьев была тень. Угорь начал толкаться.

Как только я проскользнула обратно в комнату, Алейн открыла сонные глаза.

— Я слышала, как ты выходила, — сказала она, потирая их тыльной стороной ладони. — Где ты была?

— В ванной, — ответила я, забираясь в постель.

Несколько травинок упали на простыни, и я смахнула их в щель между кроватью и

стеной.

Она села и зевнула так, что у неё хрустнула челюсть.

— Всё в порядке? Тебя не было ужасно долго.

Я откинулась на подушку и мысленно передала привет моему старому другу потолку.

— Я в порядке. Всё в порядке, — в глазах защипало от слез. — Спи.

Утром Алейн была в своем обычном настроении, — бодрая и весёлая, не смотря на пятичасовой сон. Я такой не была ни разу за всю свою жизнь. А ведь она даже не выпила кофе.

Я, в свою очередь, засыпала на каждом шагу даже после того, как выдула целую кружку чёрного кофе. Такое чувство, как будто меня засасывало под землю. Как бы мне хотелось заполучить себе немного энергии Алейн, разбавить её до состояния жидкости, поместить во флакон для духов и обрызгиваться каждый раз, когда у меня нет сил. Думаю, она была бы розовая. Неоново-розовая.

— Люси, Алейн, с добрым утром! — сказал Майкл, встречая нас у школьных ворот. Его улыбка была слишком широкой и ослепительной. Хотя, моим усталым глазам это могло показаться. — Как прошла ночь?

— Весело! — прошептала Алейн в ответ, выставив перед ним ладонь и раздвинув пальцы. Её ногти были неоново-розовыми. — Нам было так хорошо!

В тот момент я была не против умереть. Перспектива вечного сна была такой заманчивой.

— Твой ногти смотрятся великолепно, — бодро ответил Майкл. — Люси, покажи мне свои.

Мои тоже были розовыми и Майкл точно также поворковал и покудахтал над ними. Майкл и Алейн были такими яркими и весёлыми, что мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что Элла тоже была здесь, нарезая круги на орбите Майкла, как астероид, который вот-вот упадёт.

— Ой, Элла, привет, — произнесла я и посмотрела на Майкла. — Ты опять её подвозил?

— Мы живём недалеко друг от друга, — сказала Элла.

— Правда? — ответила я.

— Люси, нам нужно идти в класс. Я так и не сделала домашнюю работу по истории, — взяв меня под руку воскликнула Алейн.

— Хорошо, — произнесла я, искоса наблюдая за Майклом и Эллой.

Не думаю, что он стал бы мне изменять. Никто мне не изменяет. Но я была уверена, что Элла в него влюблена и мне это не понравилось. Неважно, хочу я его или нет, но Майкл — мой.

Я развернулась, чтобы уйти с Алейн, но неожиданно заметила улыбку на лице Эллы. Она была такой большой, что изуродовала её лицо, сделав щёки огромными, а глаза непропорционально крошечными. Грудь начало распирает от злости и я вырвала свою руку у Алейн, которая обеспокоенно вскрикнула в ответ на мои действия.

— Увидимся на испанском, Майкл, — сказала я и притянула его голову к себе. Он, не раздумывая, начал жадно меня целовать. Я отстранилась и встретилась взглядом с Эллой. Уверена, моё лицо светилось от триумфа. А её явно блестело от кое-чего другого. — Ещё увидимся, Элла.

На первой паре мне нужно было сделать домашнюю работу, — эссе по «Джейн Эйр⁴³».

Я её никогда не читала и не имела на то никакого желания. Поэтому, к началу второго урока я была измотана. Однако, не настолько, чтобы не заметить взволнованный шёпот, которым встретили меня, как только я переступила порог. Он увеличивался с каждым моим шагом, достигнув своего пика в тот момент, когда я села за парту. Я моргнула раз... два. Нет. Этого не может быть.

Ава уже сидела на своем месте передо мной. Её новые сережки, отвратительный букет засохших цветов, которые роняли лепестки каждый раз, когда она дергала головой, доставали до самых плеч. Я постучала ей по плечу. Ава не шевельнулась. Я постучала сильнее. Наконец, она слегка повернула голову.

— Что? — прошептала Ава.

Я не понимала почему она шепчет. Урок ещё даже не начался, и ученики продолжали заходить в класс.

— Мне нравятся твои серёжки, — со всем возможным энтузиазмом выдавила я. — Гораздо больше, чем те, что с перьями. Они такие... ароматные. Как сухие духи. Как ты их сделала?

— Я занята, — сказала она, показывая пальцем на уткнувшегося в телефон синьора Голдфарба. Наверное, изучает сайт «ОцениСвоегоУчителя» и пытается понять, почему он единственный учитель испанского, у которого нет звездочек. — Прости. Не злись. Пожалуйста, только не злись.

Я отворачиваюсь от Авы, изо всех сил пытаюсь сдержать волнение. Мне на неё наплевать. Она может думать всё, что хочет. Но есть люди, которые очень важны для меня.

Кстати говоря, Майкл забежал в класс в последнюю минуту, когда синьор Голдфарб начал проводить переключку. Поэтому не смотря на все мои попытки встретиться с ним взглядом, нам не удалось переговорить до начала урока. Если только он не намеренно избегал этого. Если только... нет. Он уже знал о моем брате. Он видел своими глазами, на что способен мой брат. Мне нужно перестать быть таким параноиком.

— Ну что ж, давайте проверим домашнюю работу, — на испанском произнес синьор Голдфарб. — По цепочке с первого ряда. Ава, почему бы тебе не начать?

Ава начала что-то бормотать. Наверное, правильно, потому что очередь перешла ко мне.

— Э... Люси? — сказал Голдфарб.

Наши взгляды встретились лишь на секунду, потому что он моментально отвел глаза.

— Я не сделала, — на английском выдавила я. Это была ложь. Она лежала прямо передо мной. При желании Голдфарб мог бы прочитать её со своего места.

— Ничего страшного, — сказал он, продолжая смотреть в пол. — Элиза, почему бы тебе не ответить на второй вопрос?

Все присутствующие снова начали шептаться; даже Ава наклонилась и сказала что-то на ухо соседке.

Они знали. Они все знали.

Нужно убираться отсюда.

Я резко встала, натолкнувшись на парту, отчего она накренилась и упала на стул Авы. Ава с криком вскочила и, спотыкаясь, побежала в начало класса, прикрывая голову рукой, как будто я собираюсь её застрелить. Я бы не стала этого делать. Ни за что. Несмотря на то, что её сережки, — это тяжкое преступление против мира моды, за которое она заслуживает смертной казни.

— Мне нужно в туалет, — выдавила я и побежала к двери. Никто не пытался меня

остановить. Но я и не думала, что кто-то решится на это.

Все ученики были на уроках, поэтому коридоры были практически пустыми. Изредка встречались те, кому нужно было в туалет или кто забыл что-нибудь в своем шкафчике. А ещё учителя, вылавливающие прогульщиков. Все они пристально смотрели на меня, а потом отходили в сторону. Некоторые даже прижимались к шкафчикам, что было совсем не безболезненно. Кодовые замки причиняют боль, когда вы пытаетесь вдавить себя в них.

Одна умудрилась впечататься в него с таким грохотом, что я сама чуть не запрыгнула в шкафчик от испуга. Я развернулась и встала перед ней. Она была маленькой, с двумя косичками и глазами, подведенными так сильно, что казалось, будто она пользовалась мелком. Судя по всему, первокурсница. Мне даже стало жалко её.

— Как ты узнала? — требовательным голосом спросила я.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — выпучив глаза, ответила она.

Мне хотелось схватить её за косы и швырнуть через весь коридор. Вместо этого я наклонилась ближе; она съёжилась, как будто хотела отстраниться, но путь ей преграждали металлические стенки шкафчика.

— Я знаю, что ты знаешь. Я знаю, что все знают. Ты чуть не распласталась по шкафчику, пытаясь оказаться подальше от меня. Расскажи мне, что знаешь и я оставлю тебя в покое.

Её лицо начало медленно синеть, как будто она забыла, как дышать.

— Мне рассказала подруга. Она сказала, что какая-то девочка сообщила всем об этом в классной комнате.

Меня охватили ужасные предчувствия.

— Ты её знаешь?

Она отчаянно покачала головой, хлестая меня кончиками своих косичек.

— Нет, не знаю. Какая-то второкурсница, но не уверена.

Какая-то второкурсница. Я могла бы поспорить на её косички, что у какой-то второкурсницы были чёрные волосы, короткая стрижка и влюблённость в Майкла.

— Хорошо, — я отступила, наблюдая за тем, как она улепётывает от меня.

Сделав несколько глубоких вдохов, я на несколько секунд закрыла глаза. Я пойду в туалет, посижу и подумаю в кабинке несколько минут. Мне нужна тишина, чтобы я могла решить, что делать дальше.

Когда я открыла глаза, чтобы направиться в туалет для инвалидов на втором этаже, передо мной стояла моя старинная подруга. На её лице сияла пластиковая улыбка, а локтем она прижимала к себе записную книжку и ручку. Не под мышкой, сразу обратила внимание я. Судя по всему, она кое-что усвоила.

— Дженни, — сказала я. — Вижу, ты ещё не в тюрьме.

— Джули Ванн, — именно так я просила её называть меня когда-то: Джули, а не Джулия. — Как твои дела?

— Вы бы не смогли доехать сюда из Элктона так быстро. Элла рассказала обо всем только утром, два часа назад.

Я моргнула несколько раз, надеясь, что у меня просто опухоль мозга, а она, — результат галлюцинаций. Увы, это было безрезультатно.

Дженни хлопнула в ладоши и улыбнулась ещё шире. На её зубах виднелись отпечатки красной помады, а может быть и крови. Ничуть не удивлюсь, если она только что закончила пожирать младенцев.

— Я больше не работаю в «Сан», — сказала она. — Статья о стрельбе так подняла мой рейтинг, что теперь я тружусь в «Лос-Анджелес Таймс». Когда нам позвонили и сказали, что ты здесь, я вызвалась проверить информацию.

Я попыталась обойти её, но она преградила мне дорогу. Мои руки сами сжались в кулаки. Я не замахнулась и не врезала ей только потому, что знала, — она раздует из этого целую историю.

Сестра стрелка напала в школе на ни в чем не повинного репортера, недавно номинированного на Пулитцеровскую премию⁴⁴.

— Пожалуйста, дайте мне пройти, — холодно промолвила я. — Я должна вернуться в класс.

— Ну, тогда ты идёшь не в ту сторону, — не переставая скалиться, ответила Дженни. Складывалось ощущение, что она пририсовала на лице улыбку губной помадой. — У тебя сейчас урок по испанскому у мистера Голдфарба. Ты посещаешь его со своим парнем, Майклом Силвермэном. Я права?

Я заскрежетала зубами и сделала мысленную пометку отправить сообщение Майклу и Алейн, как только выберусь из этого коридора.

«Не разговаривайте обо мне с незнакомцами. Не разговаривайте обо мне ни с одним человеком».

— Я иду в туалет, — сказала я. — Из-за вас я пропущу повторение пройденного материала.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты злилась на меня, — ответила Дженни. — Ты и так через многое прошла, бедняжка.

Она вытащила из записной книжки визитку, помахала ею и засунула мне в карман.

— Тут мои новые контактные данные, Джули. Звони в любое время.

Я выдернула визитку из кармана и уронила её; она спланировала на пол, как подбитый вертолет.

— Я бы предпочла, чтобы вы совершили длинную прогулку с невысокого утеса.

Я повернулась, чтобы уйти. Улыбка на её лице так и не сдвинулась с места. Я удалялась по коридору, а она все продолжала сиять мне в спину. Позабыв о кабинке на втором этаже, я заскочила в туалет на первом, чтобы какой-нибудь рьяный учитель не потащил меня к директору и можно было спокойно воспользоваться телефоном. Хотя, сегодня я могла бы запросто сидеть посреди коридора и строчить сообщения. Никто бы не посмел приблизиться ко мне.

Я отправила смс Алейн, — попросила её не разговаривать обо мне с репортерами и вообще ни с кем, — и Майклу. А потом, засунув телефон в карман, покинула школу через черный ход.

Я знала, что черные костюмы будут наблюдать за входом в школу, но сомневалась, что кто-то из них будет толкаться позади неё. Там до самого леса тянулись беговые дорожки и крытые стадионы. Я уверенно прошагала мимо бегающих кросс учеников (они, бежали группами, один за другим, а увидев меня, начали наткаться друг на друга).

Репортёров было не видно. Если бы я сейчас их встретила, то скорее всего просто бы убила. Голыми руками. Я смогла бы, если захотела. Разве не этого они добивались, маскируя свои намерения за зондирующими вопросами и лживыми улыбками? Разве не хотели они доказать, что я и Райа — одного поля ягодки?

Позади беговых дорожек, крытых стадионов и футбольного поля, которое, благодаря

учениками, тусующимся под трибунами всегда было в клубах дыма, располагался густой лес. Он не был бесконечным и простирался лишь на несколько миль. За ним находилась трасса и стройка, на которой возводили одинаковые дома с комнатами на разных уровнях. Здесь же пряталась тропинка: она огибала на удивление глубокую и грязную лужу, с застрявшими в ней туфлями неосторожных первокурсников, и выводила к бревну, через которое можно было перебраться через ручей. Таким образом, школьники оказывались прямо позади «Крейзи Эллиота», которое находилось на другой стороне. Кроме них, никто больше не ходил сюда. Были и другие места, чтобы покурить, обдолбаться или потрахаться. А для чего-то другого это был слишком длинный путь.

Всё это делало сие место идеальным для встречи с ним. Я не стала терять время на разговоры и, как только заметила, что он стоит, прислонившись к дереву, сразу же бросилась в его объятия.

— Все знают, — сказала я. — Элла рассказала. Теперь все ненавидят меня. Мне это не нравится. Я хочу, чтобы все меня снова любили. Не хочу, чтобы люди смеялись или шептались за моей спиной.

Его грудь поднялась и опустилась под моей щекой. Одной рукой он погладил меня по спине, а другой прижал голову к груди и, зарывшись пальцами в волосах, успокаивающе её массировал. Я снова могла дышать.

— Мне так жаль, — медленно произнес он. — Это я во всем виноват. Могу я что-нибудь для тебя сделать?

— Да, — ответила я. — Мы можем кое-что сделать.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 17 лет

Я провел четыре консультации с Райаном Ванном. Если их можно так называть. Полицейские, Нур и его напарник, провожали меня в палату Райана и после краткого обмена приветствиями, мы тихо сидели под прицелом видеокамер. Я использовал все методы из своего арсенала, чтобы заставить его говорить: задавал вопросы, рассказывал о себе, делал предположения, молчал.

Сегодня, к своему стыду, я зашел слишком далеко в своих попытках. Сегодня я планировал говорить о Райане и надеялся, что он добавит что-нибудь от себя.

— В репетиционном зале умерло одиннадцать человек, — сказал я. — Ты знал это?

Он даже не моргнул и просто продолжал смотреть в пол.

— Мир хочет знать почему. Твоя сестра хочет знать почему.

— Джулия? — спросил он, резко подняв голову. Несмотря на то, что речь Райана была все ещё медленной и невнятной, я различил в его голосе взрыв чувств. — Как дела у Джулии?

Сестра. Вот она. Я пытался говорить о его родителях, но никогда не упоминал сестру. Нужно было раньше додуматься.

— Джулия переехала на юг и живет под другим именем. Ей пришлось покинуть Элктон, потому что её постоянно гнобили из-за того, что сделал ты.

Теперь он пялился не в пол, а на потолок. Его дыхание было прерывистым и хриплым, как у быка.

— Она счастлива? — спросил он.

— Она хочет знать почему, — ответил я. — Она хочет знать, почему ты это сделал.

Райан резко встал и сжал правую ладонь в кулак, так и не отрывая глаз от стены.

Пальцы на левой дернулись, но не смогли согнуться.

— Она знает, — едва слышно вымолвил он. — Она знает, почему я это сделал.

— Расскажи мне, Райан, — начал уговаривать я его. — Расскажи мне.

Он опустил обратно на стул и сложил руки на коленях, нежно прикрывая левую ладонь правой.

Больше Райан не произнес ни слова.

И тогда я, — мне даже стыдно это говорить, — вышел из себя. Я наклонился, сжал ладони в кулаки и, закричал ему в лицо:

— Зачем ты вообще позвал меня сюда? Зачем было звать, если ты не собираешься говорить?

Когда Нур положил руку мне на плечо, я вздрогнул.

— Доктор, — сказал он. — Давайте передохнем.

Райан даже не посмотрел в мою сторону, когда я уходил.

Глава 15

Я не вернулась на урок испанского. И не пришла на историю. Зато с высоко поднятым подбородком и важным видом заявила на ланч под руку с Майклом. Я совсем не чувствовала себя так, как выглядела, но знала, что сегодня это необходимо. Хотя, наверное, план, который мы придумали в лесу и вселил в меня чуточку уверенности, в большей мере я всё же ощущала себя ничтожеством под всеми теми взглядами, которые, я знала, уставились на меня, когда мы вошли.

Я не была разочарована. Всю дорогу до нашего пустующего столика эти взгляды скользили по мне, как масло по воде. Я села посередине, Майкл рядом со мной, а Алейн напротив. Я была королевой своего собственного королевства.

— Ну, что сказать, — весело. Никто не хочет заползти со мной под стол?

— Всё не так уж плохо, — ответила Алейн, глядя куда-то в сторону.

Её улыбка была такой же пластиковой, как у Дженни. Я проследила за её взглядом, — она смотрела на Эллу, которая сидела в дальнем углу с нашими обычными сотрапезниками. Она тоже пялилась на нас, но быстро склонилась над столом, когда заметила, что мы на неё смотрим. Как будто это поможет ей спрятаться!

— Если хочешь, иди к ним. Я не против, — говорю я.

Алейн отшатнулась так, как будто я ударила её, а потом достала из коробки для завтраков сэндвич и бросила его на стол.

— Как ты вообще могла такое сказать? — произнесла она со злостью, открывая пакет. — Успокойся и ешь свой гребаный ланч, Люси.

— Может теперь меня стоит называть Джулия? Все и так уже это знают.

Она подняла голову и, жуя, обдумала моё предложение.

— А ты хочешь, чтобы мы называли тебя Джулия?

Я, в свою очередь, обдумала её вопрос. У Джулии был брат, который совершил ужасные вещи. Все ненавидели Джулию. Но и Люси не была таким уж милым человеком. Она отталкивала своих друзей, потому что боялась снова с кем-то сблизиться. Боялась, что они тоже окажутся в море крови. И это не было таким уж неразумным для того, кто был когда-то Джулией.

— Да, — сказала я. — Я хочу, чтобы вы называли меня Джулией.

Послеобеденное время прошло так, как я и ожидала: ещё больше взглядов, шепота и людей, отскакивающих от меня, когда я шла по коридору. Я чувствовала себя почти как

Моисей, раздвигающий Красное море. Так что я вздохнула с облегчением, когда на уроке химии заработал интерком и меня вызывали в кабинет директор. Мне даже не пришлось ждать; секретарь сразу же впустила меня. Я подумала, что это как-то касалось Дженни, которая сидела в приёмной и чего-то ожидала. Увидев меня, она сжала губы и скрестила ноги. Наверное, пыталась сдержать рвущиеся из неё вопросы об Элктоне и моем брате, или звуках, которые издавал Майкл, когда я целовала его. Не сказав ей ни слова, я прошла мимо, лелея в глубине души мысли о том, что её когда-нибудь посадят.

— Добрый день, Люси, — произнесла директор, снимая очки и потирая глаза. Она хорошо выглядела для пожилого человека: грива рыжевато-золотистых волос и кожа, настолько нежная, что мне захотелось дотронуться до нее. Гладкое лицо и... складки на шее, — верный признак подтяжки лица. — Или мне называть тебя Джулия Ванн?

— Да, Джулией Ванн, — ответила я. — Документы, которые вам дали мои родители в начале года, были поддельными. Поэтому, если вы хотите исключить меня, то можете сослаться на это. Я не стану вас винить и уж точно не стану в вас стрелять.

Директор вздрогнула, а потом вздохнула.

— Никто не собирается исключать тебя из школы, — сказала она. — И я определенно не думаю, что ты станешь стрелять в меня или кого-нибудь ещё. Ты не виновата в том, что сделал твой брат и я надеюсь, что все, в конце концов, будут достаточно разумными, чтобы понять это. Я вызвала тебя для того, чтобы подготовить к тому, что происходит перед школой.

Мое тело сковал страх.

— Я видела Дженни в вашем офисе.

— Кого? — удивленно спросила она, подняв бровь.

— Дженни. Дженнифер Розенталь. Она работает в «Сан». Вернее, работала, сейчас она трудится в «ЛА Таймс», — показав на дверь, ответила я.

— Репортер? Пробралась сюда? — Директор вздохнула, потерла лоб, а потом взялась за телефон. — Нэнси? В приемной сидит какая-нибудь женщина?

— Да, мэм. Обеспокоенная мать ученика, — донесся до меня еле слышный голос из трубки.

Директор вопросительно посмотрела на меня. Я, как могла энергичнее, покачала головой. Обеспокоенная, как же.

— Красная помада, голубые штаны. Это Дженни.

— Ты слышала, Нэнси? Она репортер. Выпроваживай её отсюда, — после этих слов, она решительно повесила трубку. Страх немного отпустил меня. Ну хоть кто-то на моей стороне. — Люси. Джулия. Как мне тебя звать?

— Джулией, — во второй раз это вышло куда легче. На самом деле, я никогда и не была Люси. Мне отчаянно хотелось, чтобы она была настоящей, но я всегда оставалась только Джулией.

— Джулия, — вздохнув, произнесла директор. — Не могу поверить, что сюда проник репортер. Ирв был бдителен и выставил у дверей охрану.

Значит, дошло до того, что люди попытались проникнуть в школу.

— На улице тоже репортеры? — устало спросила я. — Ненавижу тех, что кричат. Они мои самые нелюбимые.

Директор уставилась на свой стол, как будто не могла смотреть мне в глаза.

— Никаких других репортеров, кроме той, что была в моем офисе, — ответила она. —

Пока никаких.

— Ну, это уже хорошо.

— Но...

— Но? — сказала я. — Это настораживает.

— Ну, — слегка нахмурившись, вновь произнесла она. Из приемной раздался грохот, как будто по пути на выход Дженни пнула стул или ударила по столу секретаря. Или на неё упал потолок и раздавил её. — На улице пока нет репортеров. Но люди уже начали говорить о тебе в интернете и я получила несколько звонков от родителей с требованием исключить тебя. Ко мне также заходили ученики и говорили, что больше не чувствую себя в безопасности.

— Я не мой брат, — поерзав на сиденье, ответила я. — Я не делала этого.

— Я знаю, — неожиданно тепло улыбнулась она. — Именно так я им и сказала. Мы — публичная школа, Джулия, поэтому нам нечего переживать по поводу испуганных спонсоров. Я просто хотела, чтобы ты была готова ко всему и знала, что я за тебя.

Я сделала глубокий вдох, потом ещё один и ещё один.

— Не думаю, что мне стоит беспокоиться. Уверена, люди все поймут. Они увидят, что я — не мой брат. Что я — его полная противоположность.

— Надеюсь на это, Джулия, — слегка ударив по столу ответила директор и, скривив рот, продолжила. — Ты ведь не поедешь на автобусе? Если можешь, позвони родителям и пусть они заедут за тобой.

Я представила, что может ожидать меня в автобусе: ещё больше взглядов, шепота, неожиданный толчок в спину, — и меня выбрасывает через аварийную дверь на трассу. Все, что остается после меня — это длинное розовое пятно на дороге. А потом я представила, что может ожидать меня, если я позвоню маме: она начнет дрожать как только увидит толпящихся на улице людей. Когда же репортеры и обозленные родители кинутся к машине, стуча по капоту и окнам, её начнет трясти. Она сожмётся на своем сиденье, попытается спрятаться, но ей некуда будет деваться от носов, расплющенных о стекла.

— Я в порядке. Меня отвезет домой подруга.

— Твоя подруга. Кажется, её зовут Алейн?

— Алейн. Или Майкл. Силвермэн. Возможно, именно он и отвезет меня сегодня.

Она свела кончики пальцев вместе и сурово посмотрела на меня из-за очков.

— Алейн и Майкл — хорошие ребята. Надеюсь, они могут доверять тебе.

Меня вновь охватил страх. Хоть она и заявила, что доверяет мне, на самом деле это не так. Но чему тут удивляться, не смотря на улыбки и ободряющие слова, которые я слышала от других людей, всё, что они видели — это мой брат.

— Могут, — холодно ответила я, вставая. — Мы закончили?

Её взгляд даже не дрогнул.

— Мы закончили, Джулия. Как я уже сказала, дай мне знать, если тебе что-то понадобится или если у тебя будут неприятности.

Она тоже встала и протянула мне руку. Я пожалала её. Её кожа была прохладной, не смотря на жару в кабинете.

— Пожалуйста, позаботься о себе.

— О, я очень хорошо о себе позабочусь, — с этими словами, я собрала вещи и быстро ушла. Хорошо хоть, что она избавилась от Дженни.

К этому времени химия уже почти закончилась, поэтому я направилась на репетицию. Я

подождала в коридоре пока класс не опустеет, а потом зашла, села на свое место и занялась сборкой кларнета и смазкой его пробкового покрытия. Моя старая трость потрескалась, поэтому я выкинула её, а новую засунула в рот, чтобы увлажнить.

К тому времени, как трость стала достаточно мягкой и я прикрепила её к мундштуку, до меня дошло, что в репетиционном зале больше никого нет. Если я встану и закричу, то мой голос эхом отзовется в помещении. Я аккуратно положила свой кларнет на пюпитр и постучалась в кабинет руководителя оркестра. Дверь неожиданно открылась.

— Можно? — нерешительно произнесла я, заходя во внутрь.

— О, Люси, — пристально глядя на меня, ответила руководитель. Она что-то крутила между пальцев. Я прищурилась. Перцовый баллончик? Серьезно? — Ты разве не слышала объявление? На сегодня занятия отменены.

Я прищурилась ещё сильнее. Слишком уж все это подозрительно.

— Я не слышала никаких объявлений.

— Ну, как так? — возмутилась руководитель. — Я разослала письма утром.

Так объявление или письмо? Я открыла рот, чтобы прояснить это, но неожиданно почувствовала, что сдуваюсь, как воздушный шарик пропускающий воздух.

— Что дальше? Проведете ещё одни пробы и решите, что другой кларнетист походит больше? Дайте угадаю: меня попросят из оркестра.

Руководитель опустив голову сидела и стучала по столу тем, что держала в дрожащих руках. Да, это определенно перцовый баллончик.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь.

Мне хотелось разреветься, но я затолкала это желание обратно. По крайней мере, постаралась.

— Вы всё понимаете. Я знаю.

Она не сказала ни слова, молча продолжая пялиться на свой стол.

Я вернулась на свое место, взяла в руки кларнет и стала дуть в него изо всех сил, издавая звуки, похожие на что-то среднее между автомобильным гудком и пронзительным писком взбешенной мыши. Я практически слышала, как руководитель оркестра съежилась, поэтому дунула снова... и снова. После третьего раза я поняла, что у меня мокрые щёки. Убрав от лица кларнет, я аккуратно разобрала его и упаковала в футляр, а потом пошла в сторону хорового класса, чтобы подождать в коридоре Алейн. Усевшись на полу, я положила голову на колени, чтобы проходящим мимо были видны лишь волосы и чья-то пара ног.

***

Так спустя полтора часа меня и нашел Майкл. Его мускулистая нога задела мои волосы и я подняла голову.

— Привет. Как тренировка? — От него так и несло хлором.

— Нормально. Устал, — он протянул руку и помог мне подняться. Я прижалась к его груди и так и простояла несколько секунд.

— Как оркестр?

— Я больше не участница оркестра, — отойдя от него, произнесла я.

— Что? Не может быть. Не думаю, что это законно. Ты могла бы засудить их.

— Меня больше не желают видеть в оркестре, — пожав плечами, ответила я. Мне стало легче это принимать: острая боль сменилась глухим стуком.

— Мы что-нибудь придумаем, — сжав мою руку, сказал Майкл.

Я закрыла глаза и опустила голову на его плечо.

— Придумаем.

Через несколько минут из класса с красными щеками и горящими глазами вылетела Алейн.

— Я только что переругалась с половиной хора, — воскликнула она. — Люси... Джулия, нам придётся навсегда остаться лучшими подругами, потому что других друзей у меня, судя по всему, не осталось.

— У тебя есть я, — возразил Майкл.

Алейн толкнула его в плечо. Это не был игривый толчок, потому что звук удара разнесся по всему коридору.

— Ты- парень. Парни и девушки априори не могут быть друзьями.

Майкл поморщился и потер руку.

— Ладно, ладно. А теперь мне нужно отвезти Джулию домой. Я задолжал ей чашку куриного супа с лапшой. Это мое коронное блюдо, его вкус заставляет позабыть обо всех проблемах.

— Сомневаюсь, что оно поможет мне забыть о проблемах, если только ты не подсыпаешь в него героин, — сухо промолвила я.

В этот раз Алейн толкнула в плечо меня.

— Даже не шути на эту тему. К тому же, в супе у героина был бы ужасный вкус.

— А ты пробовала героин? — с самым серьезным видом поинтересовался Майкл, и успел отпрыгнуть до того, как Алейн снова ударила его. — Не думаю, что его принято употреблять именно так.

— Как бы то ни было, ты везешь Джулию домой, — сказала, поправляя рюкзак Алейн. — Я же буду избавляться от помех.

— Избавляться от помех? — повторила за ней я. — Что это значит?

— Пойду поговорю с людьми, которые ожидают тебя, и отвлеку, их, чтобы они не увидели, как ты уходишь, — протараторила Алейн. — Это будет весело. Может быть, я даже дам им лживые интервью.

— Пожалуйста, не делай этого. У меня такое чувство, что это может быстро превратиться в крыс, жующих пальцы моих ног. В любом случае, директор сказала, что на улице пока нет репортеров.

Улыбка на лице Алейн дрогнула.

— Я выглядывала из окна после окончания репетиции. Появилась группа родителей. Может, ещё парочка репортеров. Конечно, это не толпа людей...

— Сколько? — сквозь сжатые зубы процедила я.

— Пятнадцать, может быть, двадцать.

— Это такой мизер, — сухо рассмеялась я. — Когда-то их было куда больше.

— Не думаю, что нам нужно избавляться от помех, — сказал Майкл. — Джулия, надень мою толстовку и немного ссутулься. Мы справимся.

Толстовка Майкла была теплой и немного влажной изнутри. От неё пахло как от раздевалки в бассейне, — хлором, плесенью и потом, но я всё равно влезла в неё, натянула на голову капюшон, а потом прижала к груди учебники и опустила голову.

— Я готова. Пошлите.

На улице ревел ветер и в первую секунду я очень испугалась, думая, что это рев голосов. Но иногда ветер, — это просто ветер. Скопление людей, как и сказала Алейн, было небольшим, — пятнадцать, может двадцать человек. Мне не хотелось, чтобы они заметили

меня, поэтому я опустила голову и поспешила к машине.

— Идите, — произнесла Алейн, отступая на несколько шагов назад. — Я останусь здесь и попытаюсь избавиться от помех, если понадобится.

Я решила не спорить. Если завтра в газетах появится информация о крысах, которые в детстве грызли пальцы моих ног, то так тому и быть. Оно того стоить.

— Спасибо, — сказала я, быстро, но в то же время крепко обнимая её.

— От тебя пахнет мужским туалетом, — сморщив нос, воскликнула она.

Каким-то образом, нам удалось добраться до машины незамеченными. Как только я уселась, Майкл рванул вперед, оставляя крыс позади.

Глава 16

Мамина машина была припаркована на подъездной дорожке. У меня внутри всё сжалось.

— Посиди пока здесь, хорошо? — выбираясь из салона, сказала я Майклу.

В доме пахло отбеливателем и дезинфицирующим средством.

— Мама? — позвала её я и мой голос эхом отскочил от высокого потолка в коридоре. — Ты здесь?

Неожиданно, я представила себе, как Райан держит нож у горла мамы, а из-под лезвия стекает тонкая струйка крови. Но я быстро отогнала от себя этот образ. Мой брат никогда не стал бы причинять ей боль, потому что она никогда не причинила бы боль мне. Во всяком случае, физически.

— Мама?

Звук, который издает тряпка, когда ей елозят по и так уже чистому полу, известил меня о том, что она находится наверху в ванной. Стоя на четвереньках, она натирала пол. Мама убрала волосы в пучок, но потные завитки выбились из него и прилипли к её покрасневшему лицу.

— Мама? — с опаской произнесла я, застывая в дверном проходе. Пол превратился в зеркало и смотрясь в него, я могла бы запросто нарисовать себе идеальные стрелки. — Всё в порядке?

Мама встала и бросила мокрую тряпку на пол.

— Все всё знают, — воскликнула она. — Как это могло произойти?

На её лице резче обозначились морщины. Она выглядела так, как будто сделана из стекла, которое при малейшем движении рассыпается на осколки.

— Джулия... Люси... Джулия, я не смогу пройти через это снова. Я не переживу, если нам вновь придётся переехать и начать всё заново. Я не хочу ещё раз менять личность.

Что-то внутри меня тоже дало трещину.

— Мы не собираемся никуда переезжать, — присев на корточки рядом с ней, твердо сказала я. — У меня всё под контролем.

Тем не менее, мысли о людях, которые толпились возле школы, не давали мне покоя. Поможет ли мой план? «Да», ответила я сама себе. Просто обязан. Иначе мне придется наблюдать за тем, как моя хрупкая мама рассыпается по полу на осколки, которых мне не удастся избежать.

— Я приехала со своим другом Майклом, и он собирается приготовить нам суп. Ты ведь любишь суп.

— Майкл? Это тот мальчик? Твой парень? — широко распахнув глаза, воскликнула она.

— Суп, мама. Вспомни о супе, — ответила я. — Ты любишь суп. Разве суп не твоя

любимая еда?

На её лице расплылась робкая улыбка.

— Я рада, что вы вместе и что есть человек, который любит тебя.

— Любовь? Мне об этом ничего не известно, — фыркнув, сказала я.

Но произнеся эти слова, мгновенно поняла, что это не так. Майкл верил и поддерживал меня, не смотря на то, что произошло в Элктоне. И он был рядом даже после того, как все его друзья стали держаться подальше от меня. Во взгляде Майкла я видела ту же самую теплоту, которой светились лица его семьи, когда они сидели за столом и ели лазанью. Я уверена, что это была любовь. Любовь. Он любит меня. На вкус эти слова столь же восхитительны, как и куриный суп.

Мама наблюдала за мной с неуверенной, но радостной улыбкой.

— Я вижу ее первые ростки на твоём лице, милая, — произнесла она. — Оно восхитительно!

— Мое лицо? — переспросила я.

— Нет, — ответила она. — Вернее да, твоё лицо восхитительно, но я имела в виду чувство осознания того, что кто-то любит тебя. Оно тоже восхитительно.

Я наклонилась и подобрала с полу тряпку. По моим пальцам потекла мыльная вода, пахнувшая чем-то терпким.

— Спускайся вниз. Майкл собирается приготовить нам суп.

— Вот это да! Майкл готовит для тебя? Судя по всему, он хозяйственный. — Мама выхватила её у меня из рук и выжала, отчего мыльная вода расплескалась по чистому полу. — Нет, я позволю вам остаться в кухне наедине. Если решите подняться в твою спальню, то не закрывайте за собой дверь.

— Ну же, мам, — мне невыносима была мысль о том, что она останется здесь и будет на коленях натирать и так уже чистый пол. — Я хочу, чтобы ты поела с нами.

Несколько секунд она смотрела на меня повлажневшими глазами, а потом сказала:

— Я рада, что у тебя есть он. Иди и ешь свой суп.

— Пожалуйста...

— Иди и ешь свой суп, — повторила она, уставившись в пол. — А то он остынет.

Я ушла, оставив маму на полу в ванной комнате. По крайней мере, она на несколько минут отложила свою тряпку и поговорила со мной. Это уже прогресс.

Майкл ждал меня возле лестницы.

— Прости. Я испугался, что случилось что-нибудь ужасное, когда ты не вышла через пять минут.

— И решил, что спасешь меня с помощью пачки бульона и пакета овощей? — подняв бровь, поинтересовалась я.

— Мой суп убийственно восхитителен, — поиграв бровями мне в ответ, сказал Майкл.

На этот раз он разрешил мне помочь ему. Когда я была маленькой, отец научил меня резать лук. (сначала разрезаешь его на две половинки, а потом кладешь их плоской стороной вниз, чтобы они не скользили по столу. Так ты, вероятнее всего, не лишишься пальцев). Тем не менее, я позволила ему проинструктировать меня. Дождавшись, когда мы нарезали три идеальные кучки моркови, лука и сельдерея, чтобы забросить их в кастрюлю вместе с несколькими каплями оливкового масла и чесноком, я положила начало обсуждению того, о чем думала весь сегодняшний день.

— Так значит Элла, — произнесла я.

— Элла, — он аккуратно собрал овощи в ладонь и, прижимая их ножом, чтобы не рассыпались, забросил в кастрюлю, где они начали шипеть, издавая приятный аромат. — Мне жаль, что она всем всё рассказала. Я уже сказал ей, что очень на неё зол.

Закусив изнутри щеку, я склонилась над кастрюлей и сделала глубокий вдох только для того, чтобы он не увидел боль в моих глазах.

— Пахнет изумительно. Сколько еще ждать? — спросила его я.

— Около пяти минут. Этого как раз достаточно для того, чтобы насладиться вкусными запахами.

— Вкусные запахи? Звучит не слишком-то заманчиво, — говорю я. — Слушай, мне нужно поговорить с Эллой, но не думаю, что она или её друзья попадутся мне на пути. Все боятся меня. Ты сможешь мне помочь?

Я отхожу в сторону, чтобы Майкл мог помешать нашу мирпуа⁴⁵.

— Но ведь у неё нет причин, чтобы бояться тебя? Я прав?

Меня снова охватила тупая пульсирующая боль, но я напоминаю себе, что он любит меня. Доверяет. И не имеет в виду того, что говорит.

— Конечно, у неё нет причин бояться меня. — Наверное, мой голос прозвучал обиженно, потому что он бросил ложку на стол и наклонился, чтобы обнять меня. — Я понимаю, почему она боится, но мне нужно просто поговорить с ней.

— То, что она сделала — это ужасно, — сказал он и его дыхание пошевелило волосы на моей макушке. — У тебя есть полное право злиться на неё.

— Я не собираюсь убивать Эллу. Господи, почему я вообще должна это говорить. Я просто хочу пообщаться с ней и доказать, что я — не мой брат.

Он отстранился от меня, а потом прислонил свой лоб к моему. Я закрыла глаза и почувствовала его горячее дыхание напротив своих губ.

— Это разумно. Думаю, я смогу это сделать.

— Она может привести с собой друзей. Пусть и они все увидят. И ты тоже приходи. Только не говори, что я буду ждать её.

— Это также можно устроить.

— А еще я не хочу, чтобы рядом оказались чёрные костюмы.

— Чёрные костюмы?

— Полицейские под прикрытием, которые меня пасут. Один из них сейчас стоит на улице. Разве ты не видел его, когда мы подъезжали?

Его молчание было мне ответом.

— Тебе следует быть более наблюдательным, — сказала я. — Иначе тебя могут убить.

Он отрывисто засмеялся, но как только понял, что я говорю абсолютно серьезно, то замолчал.

— Может это и хорошо, что они следят за тобой, — произнес Майкл. — По крайней мере, благодаря им, ты в безопасности. Если бы твой брат появился здесь, то не за тобой ли бы он пришел в первую очередь?

Мое тело натянулось как струна: суставы будто бы замкнуло, а мышцы окаменели. Я медленно и осторожно сделала шаг назад, боясь, что оступлюсь и разобьюсь вдребезги на миллион маленьких кусочков.

— Мой брат ни за что не причинил бы мне вреда, — сказала я. Мои слова прозвучали немного странно и искаженно, как будто я прислушивалась к ним, стоя на другом конце длинного тоннеля. — Ни за что и никогда.

— Хорошо, я понял, — смущенно ответил Майкл. — Прости меня. Ой! — К аромату, исходящему от содержимой кастрюли, добавился резкий неприятный запах. — Мирпуа подгорает.

Он быстро несколько раз перемешал овощную смесь, а потом добавил бульон из пачки.

— Домашний, — зачем-то произнес Майкл. Наверное, просто для того, чтобы заполнить тишину, потому что меньше всего меня волновало был ли приготовлен бульон из костей куриц, которым он собственноручно отрубил головы в домашних условиях или его взяли с магазинной полки в «Сэйфвэе».

Воздух наполнил пикантный острый аромат жареной курицы.

— А ты будешь класть в суп курицу? — спросила я.

— Э...не помешало бы, но я совсем забыл о ней. Но и без неё должно быть вкусно. Если хочешь, я могу съездить и купить курицу-гриль и добавить её в суп.

— Ты меня любишь?

Я моргнула. Он моргнул в ответ. Мой вопрос ошеломил нас обоих.

— А ты не думаешь, что для этого прошло слишком мало времени? — помешивая суп, наконец произнес он.

— Думаю. Но мне просто было интересно.

Майкл ещё раз помешал суп, а потом добавил немного соли, черного перца и каких-то сморщенных зелёных листьев.

— Я не знаю, — ответил он.

— По крайней мере, честно.

— Да.

— Что?

Он отвернулся обратно к кастрюле; от исходящего от супа пара у него покраснели щеки и взмокли волосы.

— Я люблю тебя, — произнес Майкл. Эти слова вылетели из него также быстро, как скорость, с которой булькали пузырьки в супе. — Да. Я люблю тебя, Джулия.

Чувство теплоты зародилось у меня в груди и распространилось по всему телу, а внутри всё вспыхнуло, засверкало, засияло и заурчало. Но...

— Откуда ты это знаешь? — спросила я.

— Что?

— Откуда ты знаешь, что любишь меня? — Я сосредоточенно наблюдала за ним: за его нежным взглядом, за тем, как он сильно наморщил лоб, отчего в уголках глаз появились морщинки.

— Вообще-то, предполагается, что ты ответишь «я тоже люблю тебя».

— Но откуда мне знать, люблю ли я тебя?

— Ты просто знаешь.

— Но как? Откуда ты знаешь, что любишь меня?

Майкл постучал пальцем по уголку рта.

— Потому, что я хочу всё время находиться рядом с тобой. Потому, что я солгал отцу ради тебя, — сказал он и продолжил охрипшим голосом. — Потому, что чувствую небывалое спокойствие, когда обнимаю тебя и знаю, что ты в безопасности.

А потом, до того, как всё стало бы слишком серьезным, он, поиграв бровями, добавил:

— К тому же, ты чертовски сексуальная.

Я засмеялась и позволила ему снова обнять меня. Было так приятно ощущать его тепло

и силу. А ещё я почувствовала себя в безопасности, — защищенной от пистолетов, ножей и всего того, что может причинить мне боль. Его тело прикроет меня от любой опасности, или, по крайней мере, замедлит её. Хотя, я так ничего и не поняла. Откуда он знает, что ему хочется проводить со мной всё свое время? И почему думает, что я стою того, чтобы за меня умереть?

Я отстранилась от него и натянула на лицо улыбку.

— Я тоже люблю тебя.

Надеюсь, это правда.

***

Пока мы кормили друг друга с ложечки супом (довольно неряшливый процесс, скажу я вам), то решили, что встреча с Эллой и её друзьями пройдет завтра. Вернее, решила это я, а Майкл просто кивнул, соглашаясь со мной. Он попросит Эллу и её ближайших товарищей встретится с ним в лесу, в конце дня. Элла, конечно же, скажет да, потому что она влюблена в Майкла и знает, что он зол на неё за то, что она сделала. Я неожиданно появлюсь из-за деревьев и приведу доводы в свою защиту. Они упадут на колени и попросят у меня прощения. Я не буду против, если им захочется поцеловать мои ноги. И я перестану быть изгоем. С этим будет покончено.

Но у моего брата были на меня другие планы.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 17 лет

Мне дали ещё один шанс.

— Он опять просит привести вас, — сказал Нур, заходя в мой кабинет и хлопая дверью. — Я не знаю, игра это или нет, но если вы хотите и обещаете не кричать на него снова...

Конечно же я пообещал. Что ещё мне оставалось делать? В конце концов, это была отличная возможность построить карьеру.

В этот раз он не стоял, и не пялился в пол.

— Добрый день, доктор, — сказал Райан.

— Ещё не день. Сейчас только десять часов утра, — ответил я.

Он пожал плечом и по-мальчишески улыбнулся. Даже не смотря на кривоватую улыбку, Райан, если хотел, мог быть невероятно обаятельным. В его очаровании не было ничего естественного, потому что он мог включать и выключать его, как лампу.

— Не угадал, — произнес он. — Вы вернулись. Я рад, что вы вернулись.

— Ты просил, чтобы я пришёл. И я кое-что тебе принёс.

С этими словами, я вытащил из кармана его фотографию с сестрой, которую нашел в социальной сети Джулии. Это был хороший снимок. Я надеялся, что он заставит его проявить хоть какие-то эмоции и тогда Райан начнет говорить. Он взял его, поднес к лицу, пытаясь что-то разглядеть, а потом опустил. Что бы он ни искал, этого там не было.

— Вы сказали, что никогда не сдадитесь, — сказал он. — И вы не сдались. Вы вернулись.

Я понял, что это, наверное, была какая-то проверка. Хотя, могла быть и игра, как и предупреждал Нур.

— Ты готов разговаривать?

— Подойдите сюда, — попросил Райан, бросая взгляд на фотографию, как будто она сможет как-то укрепить его решимость.

Я сделал шаг вперед, а потом остановился и оглянулся на Нура. Тот, стоя в дверном проеме со сложенными на груди руками, пожал плечами, как будто говоря мне: «Решай сам».

Я тоже пожал плечами, только мысленно. Везде были установлены камеры, да и Нур, если что поможет. Райан убил одиннадцать человек, но интуиция подсказывала мне, что он не станет трогать меня.

Я подошел и встал перед ним.

— Ближе, — сказал он. — Я хочу кое-что сказать вам на ухо.

С гулко бьющимся сердцем, я склонился над Райаном. Он мог бы протянуть руку и придушить меня. Или у него могла бы оказаться в рукаве финка, которую он засадил бы мне в живот ещё до того, как я бы успел моргнуть.

Но тем не менее, я всё равно склонился.

— Я не хочу, чтобы нас слышали камеры, — прошептал он. — Мне нужно кое-что вам рассказать о произошедшем в репетиционном зале. Но вы, возможно, не поверите мне.

— Рассказывай, — тоже прошептал я в ответ.

И он рассказал. Я не был уверен, что расслышал всё правильно, потому что Райан до сих пор говорил невнятно. А когда я наклонился снова, он, прочистив горло, произнес:

— Пожалуйста, сделайте шаг назад.

Я повиновался, потому что не мог поступить иначе. Сделав это, я посмотрел на Райана и он кивнул.

Мне нужно провести небольшое расследование.

Перед уходом я пообещал Райану, что зайду к нему завтра, а потом перевел взгляд на Нура.

— Мы ведь теперь вроде как друзья?

Он с сомнением посмотрел на меня, но после небольшой паузы все же ответил:

— Типа того.

— Тогда мне нужно, чтобы ты помог мне кое в чём. Я хочу посмотреть полицейские отчеты по поводу стрельбы.

Он внимательно осмотрел меня с головы до ног. Это глупо, но я почувствовал себя девчонкой, которую изучает понравившийся ей парень.

— Думаю, я смогу это сделать, — наконец, произнес Нур.

Глава 17

— Ты — что? — воскликнула Алейн, вытаращив на меня глаза и удивленно округлив рот. — И ты не собиралась мне рассказывать об этом?

— Ну конечно собиралась. И рассказываю прямо сейчас, — я встретила с Алейн как обычно после репетиции хора и поведала ей о своих планах по поводу Эллы. И я даже не переживала, что нас кто-нибудь подслушает, потому что все ученики, которым нужно было пройти по коридору, чтобы попасть на парковку, самым что ни на есть волшебным образом обнаружили для этого другой маршрут. Кажется, они и правда думали, что я ношу под мышкой пистолет. — Хочешь поприсутствовать?

— Хм, думаю, что так будет лучше всего. А ты считаешь, что они не разбегутся, когда увидят твое лицо?

— Они не смогут убежать, потому что у них на пути буду стоять я.

— Кажется, кто-то нацелен на то, чтобы они свалились с сердечным приступом ещё до того, как ты объяснишь им, почему находишься там, — обняв меня, как-то слишком уж

спокойно, сказала она. Складывалось ощущение, что Алейн умудренная опытом старушка, которая пытается что-то объяснить несмышлёному дитятке.

Её тон немного разозлил меня.

— Если кто-нибудь из них каким-то чудом свалится с сердечным приступом, то не могу сказать, что я буду очень расстроена.

— Тогда решено. Я иду, потому что нужна тебе, — хлопнув меня по спине, сказала она.

Мы направились в другой конец школы и по пути я взяла Алейн за руку. Она в ответ крепко сжала её. Интересно, это любовь?

— Ты меня любишь? — поинтересовалась я.

Она удивленно рассмеялась.

— Люблю ли я тебя? Ты и правда только что спросила меня об этом?

— Я серьезно, — ответила я и смех замер на её губах.

— Прости. Я думала, что ты шутишь. Конечно, я люблю тебя. Ты моя лучшая подруга. Ты спасла меня от жизни, в которой я бы так и продолжала в одиночестве сидеть за столиком в углу в столовой.

— А ты бы смогла что-нибудь украсть ради меня? — поинтересовалась я.

— Не знаю. Всё, наверное, зависит от обстоятельств, — сморщившись, произнесла она.

— А ты бы согласилась умереть за меня?

— А теперь ты меня пугаешь, — воскликнула Алейн.

— Я пошутила. Это же очевидно, — выдавив из себя улыбку сказала я. В это время мы как раз заходили в лес.

— Ты такая чудачка, — закатив глаза, промолвила Алейн. — Давай же, поторапливайся. Нам ещё нужно спасти чью-то репутацию.

Она так и не ответила на мой вопрос.

Мы нашли удобное местечко между двумя деревьями и уселись на небольшом мшистом пяточке. Если не обращать внимание на жуков, которые ползали по мне, то можно было бы представить, что сидишь на невероятно мягком ковре.

— Так когда они должны появиться? — прошептала Алейн.

— В любую минуту. Майкл сказал, что они придут сразу после тренировки по плаванию.

— А ты уже придумала, что сказать?

У меня были мысли по этому поводу.

— Типа того, — ответила я ей. — Я отрепетировала пару фраз... о, кажется, они идут.

Честно признаться, я ничего не слышала, тем не менее Алейн с энтузиазмом закивала головой и ткнула куда-то пальцем. Прислушавшись, я различила хруст и шум раздвигаемых веток.

Может, я экстрасенс?

Но неожиданно снова стала тихо, как будто этих звуков никогда и не было, а Майкл, Элла и её приспешники так и не появились. Алейн посмотрела на меня и пожала плечами. Не успела она ничего сказать, как с другой стороны раздался тот же самый шум. Он приближался, и вскоре легкий ветерок стал доносить до нас слова и чьи-то вопли.

— О боже, Майкл. Мне в глаз только что залетела букашка.

— Осталось совсем немного, клянусь.

Наконец, они остановились на небольшом пяточке рядом с тропинкой. Сквозь ветки и листья мне было видно, что их шестеро: Майкл, Элла и четыре ее подруги, у двух из которых,

если я правильно помню, имена, заканчиваются на «исса».

— Ну и где? — спросила Элла.

Интересно, что Майкл пообещал им показать здесь.

Но это все равно не важно. Настала пора появиться. Я снова схватила Алейн за руку, и мы вместе вышли из своего укрытия.

— Привет, — сказала я.

Моё приветствие можно было бы сравнить с выстрелом: Майкл напрягся, а Элла начала дрожать и пятиться назад, но он успел схватить её за плечо, отчего во мне вспыхнула ревность. Исааки заблеяли как жертвенные агнцы⁴⁶.

— Не убегайте, — подняв руки с раскрытыми ладонями вверх, произнесла я. — Клянусь, я только хочу поговорить.

Элла вырвала свою руку из захвата Майкла и бросила на него испепеляющий взгляд.

— Так вот что ты хотел мне рассказать?

— Мне пришлось солгать, чтобы привести вас сюда. Прости, но послушай, что она скажет.

Элла сделала ещё один шаг назад и, продолжая трястись и дрожать, прислонилась к дереву.

— Она собирается убить меня. Также, как и её брат убил её друзей.

— Я не мой брат, — слегка дрогнувшим голосом ответила я, изо всех сил стараясь говорить ровно.

— Ты тоже имеешь к этому отношение! — выкрикнула она со злобным выражением на раскрасневшемся круглом лице. — Ты была в той комнате и могла остановить его. Ты такая же плохая, как и он.

Одна из «исааков» погладила Эллу по волосам. Та сначала дернулась, а потом замерла, позволяя своей подруге успокаивать себя.

— Я ухожу отсюда, — не отводя от меня взгляда, сказала она.

— Подожди! — всё выходит из-под контроля. Нужно что-то делать. — Я не мой брат! — громко выкрикнула я.

Неожиданно хрустнули сухие листья и раздался коллективный вздох. Семь человек, затаив дыхание, ждали что последует за этим.

И, наконец, появился он.

Мой брат.

Первое, на что я как обычно обратила внимание — это то, насколько привлекательно он выглядел: легкая щетина на лице, темные завитки волос, свисающие на лоб и силуэт, отчетливо вырисовывающийся в свете солнца за его спиной. Даже не смотря на изменения, которые произошли с ним в результате ранения, левый глаз был немного опущен, а правая рука свисала вдоль тела, он всё также был моим братом.

Второе, на что я обратила внимание — это на пистолет в его руках. На секунду меня как будто перенесло в репетиционный зал, и я снова съежившись, как умирающий цветок, лежала на полу, не в силах выносить тяжелый металлический запах крови.

«Все закончилось, Джулия» — эхом раздалось в ушах слова из прошлого. *«Теперь мы в безопасности. Они не смогут ничего рассказать».*

Я села и дрожа, начала раскачиваться взад и вперед, а потом схватила его протянутую руку и позволила поднять меня на ноги.

Моргнув, я потрясла головой. Не время для воспоминаний.

— Райан, — твердо сказала я. — Опустит пистолет.

Губы Эллы зашевелились, но она так и не смогла ничего произнести. Широко открыв глаза, она тряслась так, что я слышала, как трепетало её тело, словно крылья у парящей в воздухе колибри. Исааки снова заблеяли как жертвенные агнцы. Алейн, стоящая позади меня, словно окаменела. А Майкл...

А где Майкл?

— Не двигайся или я выстрелю, — сказал Райан. При звуке его голоса меня охватила дрожь. Я уже почти забыла, какой у него красивый низкий голос. Он плавился вокруг меня как темный шоколад. А слова, которые он только что невнятно произнес сделали его еще более опасным. — Кто из вас та сука, которая разрушила жизнь моей сестры?

Раздался звук льющейся на землю воды. Это описалась Элла.

— Положи пистолет, — сказала я и, поймав его взгляд, слегка нахмурилась, и покачала головой.

Его кривая, но тем не менее ослепительная улыбка на неповрежденной половине рта померкла, оставив после себя на щеках глубокие морщины. — Элла в этом не виновата. Не нужно больше никому причинять вред.

— Элла, — прогрохотал его голос. — Элла! Кто из вас Элла?!

— Она! Это она! Это все Элла! Она одна во всем виновата! — завизжала одна из подружек.

Я мельком посмотрела на Эллу. Она побледнела как труп, отчего все веснушки на её лице обозначились так отчетливо, как будто кто-то понатыкал в нем дырок.

— Я не хотела, чтобы так получилось, — ловя воздух ртом, воскликнула она. Её слова наскакивали друг на друга, как будто тоже торопились куда-то убежать. — Мне жаль. Мне очень жаль. Я всё исправлю. Только, пожалуйста, не убивай меня.

Я потихоньку пробралась к ней с поднятыми вверх руками. Элла так напряженно наблюдала за моим братом, что когда я встала между ними, она подпрыгнула от неожиданности и ударилась о дерево, растущее позади неё.

— Это не должно произойти снова, — сказала я. — Если ты захочешь кого-нибудь убить, то сначала тебе придется убить меня.

Брат, прищурившись, посмотрел на меня, а я же на секунду словно потерялась в бесконечной темноте огнестрельного «глаза».

— Правда? — нахмурившись, спросил он. — После всего, что она тебе сделала, ты...

— Пожертвую своей жизнью, — одними губами прошептала я.

Его брови взметнулись вверх.

— Пожертвуешь своей жизнью. После всего, что она тебе сделала, ты готова пожертвовать своей жизнью ради неё?

— Да, потому что я — не ты. Я лучше тебя. И не позволю убить кого-нибудь снова.

После этого я немного расслабилась. Он сказал то, что и требовалось. Теперь всё, что ему нужно сделать — это развернуться и исчезнуть среди деревьев, до того, как здесь появятся черные костюмы.

— Ты победила, — склонив в поклоне голову, произнес Райан. Я снова незаметно покачала головой.

Это слишком театрально.

Он подмигнул мне, а потом, опустив пистолет, попятился назад и... неожиданно, с глухим стуком упал на землю.

— Брось пистолет! — прогремел голос Майкла. — Полиция уже едет!

Пыль рассеялась, и я увидела, что Майкл сидит верхом на спине Райана. Щека брата была прижата к земле, а глаза полузакрыты, как будто он решил вздремнуть. Пистолет упал в нескольких шагах от него и одна из осмелевших «исааков» подбежала и пнула его так, что он укатился в лес.

Мое сердце замерло, а желудок будто наполнили свинцом. Нет, этого не должно было случиться. Я, спотыкаясь, бросилась к ним.

— Слезь с Райана. У него больше нет пистолета.

Майкл как-то странно посмотрел на меня. Мой брат лежал неподвижно, раскинув отяжелевшие руки и ноги в разные стороны. Его глаза всё ещё были полузакрыты, но я видела, что он уже начал приходить в себя. Райану нужно убираться отсюда.

— Слезь с него, — повторила я, падая на колени рядом с ними. Элла, Алейн и «исааки» встали вокруг нас кольцом. На их лицах читалось осуждение... или приговор. Они были как колючая проволока, к которой невозможно подойти слишком близко. — Ты делаешь ему больно.

— Он в отключке. Наверное, ударился головой, — произнес Майкл, погладив меня по руке. — Но не переживай. Я позвонил отцу и они должны прислать парней, которые следили за нами. Он не сможет больше причинить тебе вред.

Мой брат начал моргать. Нужно было срочно что-то делать. Я не могла позволить им забрать его. Только не тогда, когда он появился здесь ради меня.

— Слезь с него, или я больше никогда не буду разговаривать с тобой, — грубо прикрикнула я.

Меня охватила паника и окружающий мир начал расплываться перед глазами. Выражение лица Майкла не изменилось, но голос стал тише и более обеспокоенным.

— Джулия, ты...

Райан неожиданно дернулся и Майкл, отвлекшийся на меня, слетел с него. От крика Эллы сидящие на деревьях птицы взметнулись в воздух. Шум, издаваемый их хлопающими крыльями, был похож на звук падающего циркового шатра. Майкл покачнулся, пытаясь удержаться на ногах, но мой брат успел первым и пнул его в бок. Майкл охнул и мир словно начал разваливаться на моих глазах.

— Нет! Остановись. Не делай ему больно! — закричала я.

Наши с братом взгляды встретились и всё вокруг меня замерло: ветер прекратил дуть, а птицы сбились в стаю где-то над облаками. Я даже не слышала криков Эллы. В этой тишине его слова прозвучали особенно громко и четко.

— Я больше не могу так жить и собираюсь положить этому конец, — произнес Райан.

Кровь застыла у меня в жилах, мышцы одеревенели, а в горле застрял ком, который я не могла сглотнуть.

— Не смей, — наконец, выдавила я из себя. — Ты обещал мне.

У Райана тряслись руки и я заметила, что они изменились и стали слабее.

— Сегодня ты показала мне, что это не работает. Никогда, — произнес он. — Я дам тебе время до завтра. У тебя есть время только до завтрашнего вечера.

В глазах появилось чувство распирания и глазные яблоки так сильно начали давить на роговицы, что у меня застучало в висках.

— Не смей. Не смей. Не смей.

Райан улыбнулся так, как будто знал, когда наступит конец света. Но так оно и было.

— Я люблю тебя, Джулия, — сказал он и снова упал на землю, а Майкл навалился на него сверху.

Из моего горла вырвалось судорожное рыдание. А в следующую секунду я отключилась, лежа на усеянной кедровыми иголками земле, которые кололись как тысячи шприцов.

Глава 18

Я проснулась как в муравейнике: кто-то ходил, кто-то всхлипывал, а кто-то властным голосом выкрикивал приказы. Чья-то рука сжимала мою ладонь. Я моргнула, но пробивающийся сквозь деревья солнечный свет превращал окружающий мир в белое пятно.

Кто-то так и продолжал всхлипывать. Наконец, до меня дошло, что это была я. Я сжала руку, пытаюсь найти в ней хоть какое-то успокоение, и она сжала мою в ответ.

— Джулия, ты пришла в себя? — спросил кто-то. Алейн. Она говорила, а её рука дергалась. Её рука. Это была её рука. — Не переживай, они взяли твоего брата. Его уже увели. — Алейн сжимала мою ладонь в такт своим словам. Но как только она произнесла эту фразу, все мои надежды на успокоение рассыпались в прах, и я резко села.

— Сколько времени я провела в отключке? — Я попыталась встать на трясущиеся колени, но деревья, земля и небо кружились вокруг меня так, как будто я каталась на американских горках. Закрыв глаза, я попыталась сосредоточиться, но когда снова открыла их, то обнаружила себя лежащей на земле. Я приподнялась на локтях, изо всех сил стараясь сдержать рвоту, и после нескольких позывов, мой желудок решил успокоиться.

— Пять — шесть минут? — ответила Алейн. — Ты упала в обморок как раз, когда приехала полиция. Я уже начала переживать.

Я сделала глубокий вдох, задержала его и села. Несколько секунд я чувствовала себя как под водой: воздух был плотным, а перед глазами все плыло. Но вскоре это прекратилось, и я выдохнула, почти уверенная в том, что увижу пузырьки.

— Они забрали моего брата? — Они. Я была готова поспорить, что это Гудмэн и Вест.

— Они забрали твоего брата.

Я думала, что что-нибудь почувствую, но... ничего. Я была пуста, как накаченный воздухом какой-то жуткий шар из кожи.

— А где Майкл?

— Он вон там, разговаривает с людьми в чёрных костюмах. Я думаю, что это тайные агенты. Они собираются поговорить и с тобой тоже.

— А где остальные? Где Элла?

— У неё и Мариссы началась паническая атака и полиция отвела всех в школу. Полагаю, там они и пообщаются с ними.

— Мисс Ванн? Джулия Ванн? — нависнув над нами, произнес один из чёрных костюмов. В этот раз для разнообразия, он был женского пола. Мне показалось, что я её знаю: кудрявые тёмные волосы, собранные в тугой пучок; бледное узкое лицо; хрупкая фигура с непропорционально длинными ногами. На ней тоже был чёрный костюм, только сшитый портным по её фигуре. — Ты нормально себя чувствуешь, чтобы ответить на несколько вопросов?

На пару секунд она раздвоилась в моих глазах, а потом вновь слилась в одно целое. Я моргнула, скривив при этом лицо.

— Мне нравится ваш костюм, — сказала я.

— Спасибо, — ответила она, смахнув несуществующую пыль с бедер. — А теперь скажи, как ты оказалась здесь, в лесу в это прекрасное время дня?

— Ну, вы же знаете кто я такая, — произнесла я, облизнув сухие губы. — А как вас зовут? Вы разве не должны представиться? Я думаю, вы нарушаете мои права. Мои права Миранды⁴⁷.

— Уверяю, я не нарушаю никаких ваших прав, мисс Ванн, — она была молода, наверное, ещё не перешагнула тридцатилетний рубеж, и постоянно оглядывалась на остальных полицейских, словно ища их одобрения. — Ну а теперь, не расскажешь ли ты...

— Куда вы забрали моего брата? — перебила её я. — Почему никто не сообщил прессе, что он пришел в себя? Или сбежал? Вы же знаете, что он опасен.

— Я могу уверить тебя, что он находится в безопасном и хорошо охраняемом месте, — ответила она, пригладив свои итак идеально уложенные волосы.

Она, наверное, недавно работает в структуре. Опытный полицейский никогда бы не позволил кому-нибудь перебивать себя. Я узнала это за то время, что общалась с ними и трясущимися новичками после произошедшего в репетиционном зале.

— Элла, темноволосая девушка, у которой началась паническая атака, растрезвонила на всю школу о том, кто такой брат Джулии, — произнесла Алейн, водя пальцами по моей руке, чтобы успокоить. Но это не работало. — Никто не хотел больше общаться с ней. С Джулией, я имела в виду. Поэтому Джулия попросила Майкла привести Эллу сюда, чтобы она могла поговорить с ней и всё объяснить.

— Мне очень нужно пообщаться с Джулией наедине, — сказала женщина-полицейский. — Алейн, мисс Ховард, почему бы вам не подождать вон там? А потом мы поговорим и с вами.

— Я не хочу оставлять Джулию, — колеблясь, ответила Алейн. — Она плохо себя чувствует.

— Ты хорошая подруга, — произнесла женщина-коп с таким видом, как будто сильно сомневалась в этом. Судя по её голосу, она с радостью запихнула бы Алейн в багажник своей машины и оставила там на несколько часов. — Но это дело полиции, а ты в него вмешиваешься. Мне бы не хотелось арестовывать тебя.

Алейн изумленно распахнула глаза, но не ушла, отчего у меня потеплело в животе так, как будто я только что съела половину банки меда. Интересно, это любовь?

— Ты в порядке, Джулия? — спросила Алейн.

Мои губы тронула улыбка.

— Я в порядке. Ты можешь идти.

Она посмотрела на меня, потом на копа и снова на меня, а потом быстро, по-крабьи начала пятиться назад. Я повернулась к женщине и увидела, что она улыбается.

— Я не смогла бы арестовать твою подругу, — призналась она. — А даже если и могла, то не стала бы. Я знаю, что она просто пыталась защитить тебя.

— Вы совсем ещё новичок, — сказала я. — Ни один профессионал не был со мной милым.

— Если тебе это так важно, то да, я новичок. Они вызвали меня сегодня утром, чтобы я им помогла. И мои коллеги не правы, если так с тобой обращаются. Ты — жертва, а не преступница.

У меня на глазах выступили слезы и мне пришлось подавить желание крепко обнять её. Может, это любовь?

— Вы делаете это, чтобы разговорить меня, — произнесла я.

— Нет, клянусь тебе, — ответила она. Обещания копов ничего не стоят. — Ну, а теперь

расскажи мне, что ты тут делала.

Мне понравилась эта женщина-полицейский и я хотела бы, чтобы именно она была рядом каждый раз, когда мне нужно было бы общаться с копами. Это вполне подходило под определение любви Майкла. Но потом я вспомнила сияющие лица его родителей и самого Майкла, когда они сидели за столом и ели лазанью. Не думаю, что моё лицо светилось также, когда я смотрела на эту женщину. Наверное, это не любовь. Да, скорее всего, это нелюбовь.

— Как уже сказала Алейн, — наконец, произнесла я. — Никто в школе не хотел иметь со мной ничего общего. Даже учителя. Я просто хотела поговорить с Эллой и попытаться всё исправить.

— Вполне тебя понимаю, — ответила она. — А что произошло потом?

— А вы не могли бы представиться? Я бы чувствовала себя лучше, если бы разговаривала с тем, кого знаю.

На её лице промелькнуло удивление.

— Конечно. Я думала, что уже представилась, — воскликнула она. Определённо новенькая. А может, это правда, и она назвала своё имя, когда я в отключке лежала на земле, а моя голова покоилась на коленях Алейн. — Я офицер Вейлер, но ты можешь называть меня Миранда.

— Миранда! Прямо как правило.

— Да, как правило Миранды. Их назвали в честь меня.

Я уже собиралась что-нибудь вежливо воскликнуть, но она захихикала.

— Это была шутка. Вообще-то, их назвали в честь Эрнесто Миранда⁴⁸, дело которого слушалось Верховным судом в 1966 году. Миранда против Аризоны. Мы проходили его в академии.

Когда она выпустилась? В прошлом году?

— Но давай перейдем к делу. Значит, ты пришла в лес, чтобы доказать, что не похожа на своего брата, — покачав головой, произнесла она. — Судя по тому, что я слышала от остальных, ты отлично с этим справилась.

У меня за спиной как будто выросли крылья, и я еле сдержалась, чтобы не погладить их, потому что в этом случае выглядела бы полной идиоткой.

— Спасибо, — сказала я.

— Давай вернемся к лесу. Что произошло?

Я рассказала ей обо всем, — о том, как появился брат, о криках, о моем героическом вмешательстве и о Майкле, который всё испоганил. Но тут я, конечно, выразилась по-другому.

— А теперь у меня болит голова и я хочу домой, — закончила я. Мне ещё нужно заняться планированием.

«Завтра вечером», — так сказал мой брат. Значит, у меня есть время где-то до четырех часов дня. Меньше двадцати четырех часов, чтобы всё исправить. Всё.

— И ты не имела понятия, что Райан здесь появится? — поинтересовалась Миранда.

Я инстинктивно вздрогнула при упоминании его имени.

— Нет, конечно нет. Если бы имела, то как порядочный гражданин, сразу же бы позвонила в полицию, — вздохнув и почесав висок ответила я. — Но я не знаю, как связаться с вами. Поэтому, если я что-нибудь вспомню...

— Не продолжай, — сказала она, доставая из кармана визитку. — Можешь мне звонить

в любое время дня и ночи. Я бы предпочла ночью. Меня сложно назвать «жаворонком».

Визитка была напечатана на плотной кремовой бумаге, а когда я провела пальцем по надписи «Полиция штата Калифорния», то почувствовала выпуклые буквы, как будто набранные шрифтом Брайля⁴⁹. Никогда не думала, что у полицейских есть визитки.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — ответила Миранда. — Я рада служить добропорядочным гражданам штата Калифорния, — после этих слов она бросила взгляд поверх моего плеча и продолжила. — Судя по всему, мои коллеги закончили опрашивать твоих друзей. Тебе пора идти домой, чтобы успеть до наступления темноты. Как придешь, выпьешь кружку горячего какао или что-нибудь в этом роде.

Когда я передала её слова Майклу, он отреагировал именно так, как я и думала.

— Тебе повезло, потому что угадай, кто делает самый лучший горячий шоколад во всей Калифорнии?

Я перевела взгляд на небо. Солнце начало садиться, окрашивая его в розовые, фиолетовые и голубые полосы.

— Я собиралась съязвить, как это делает Ирв, охранник, но слишком устала, чтобы придумать что-нибудь стоящее, — произнесла я. — Поэтому я просто поеду с тобой, и ты приготовишь мне кружку самого лучшего горячего шоколада в Калифорнии, если не во всей Америке, мире или даже галактике.

— Ты забыла о вселенной, — воскликнул Майкл. — А так все верно.

Я крепко обняла так и продолжавшую трястись Алейн. Она решила поехать домой.

— Если мне захочется, то я просто приготовлю растворимое какао в микроволновке, — сказала она. — Главное, чтобы я пила его в собственной кровати.

— А ты нормально себя чувствуешь, чтобы вести машину? — поинтересовалась я.

— Я в порядке. Увидимся завтра.

Она даже не посмотрела на меня, когда я попрощалась, а поспешила исчезнуть в темноте пустынной стоянки. У меня возникло чувство, что ей просто хотелось оказаться от меня подальше.

В отличие от неё, Майкл не вызывал во мне такого чувства. Как только Алейн села в свою машину, он уткнулся лицом мне в шею. Не как вампир, конечно же.

— Ты обещал мне горячий шоколад, — напомнила я ему. — Я не стану тебя целовать пока не получу его.

Он тяжело вздохнул, отчего у меня пробежали мурашки от ключицы до самого подбородка.

— Послушала бы ты себя, — сказал Майкл.

— По правде говоря, я шоколадная проститутка и мне наплевать на это.

Всю дорогу мы ехали молча. Майкл, я так поняла, думал о том, как сделать свой суперзнаменитый горячий шоколад ещё вкуснее (может, добавив какую-нибудь смесь чили перцев или свежую ваниль?) Я же думала о крайнем сроке, который дал мне брат. Сейчас пять часов вечера. У меня осталось двадцать три часа.

А потом меня озарило. Ну конечно! Остаток пути я с воодушевлением занималась планированием.

— Твои родители дома? — спросила я Майкла, когда мы заехали на подъездную дорожку. Дом был погружен в темноту.

— Не-а. Они уехали помогать Арии с переездом на новое место, а потом собираются

выбраться куда-нибудь поужинать. Когда я звонил отцу из леса, он сказал, что они вернуться поздно, может быть, только завтра.

— Новая квартира Арии находится в Беркли, — произнесла я.

— Ты об этом помнишь! — воскликнул Майкл. В этот момент мы как раз входили в дом, и его улыбка осветила его ярче, чем любой из тех светильников, которые он включил. — Да, она поругалась с сожительницей, поэтому переезжает в другую комнату в общежитии. С другой сожительницей, которую, скорее всего, тоже будет ненавидеть. Но *c'est la vie*⁵⁰.

— Я хотела бы познакомиться с ней, — Ария была почти одного возраста с Майклом; он говорил, что она учится на первом курсе в университете. Мне бы хотелось посмотреть на их отношения. Интересно, он когда-нибудь забирался к ней в кровать, чтобы обнять, если она плакала?

— Познакомишься. Через месяц или два она приедет домой на летние каникулы, и я приглашу тебя на ужин.

Лето. Если мне повезет — а по моим подсчетам шансы были 50–60 %, то я буду ещё жива.

— Отличная идея.

Кухню наполнил сладкий запах плавящегося шоколада с щепоткой, щекочущей нос смеси чили перцев (я была права). Ожидая, пока закипит шоколад, молоко и смесь перцев, Майкл взял меня за руку и притянул к себе.

— А ты не выдашь мне аванс?

Я позволила ему поцеловать себя. Его губы были солеными и в этот момент я поняла, что плачу.

Глава 19

Я лежала на кровати с открытыми глазами, кажется, целую вечность, а потом, наконец, встала, чтобы позвонить Миранде. Посмотрев на время в телефоне, я начала набирать её номер. Почему-то было ещё только десять часов.

Она сняла трубку после второго звонка.

— Офицер Миранда Вейлер, — резко и как-то по-деловому ответила она. Вполне приемлемо, если учесть, что на часах уже десять вечера.

— Здравствуйте, офицер Вейлер, — нерешительно произнесла я. — Это Джулия Ванн. Вы мне давали свою визитку.

— Да, Джулия, — потеплевшим голосом сказала она. — Рада тебя слышать.

Я не знала, что на это ответить. Прошло слишком много времени с тех пор, как полицейские были рады услышать Джулию Ванн.

— Угу, — в уголках глаз начали скапливаться слезы, но я не была уверена в их причине. — Насколько мне помнится, вы сказали, что я могу вам позвонить.

Я думала, что она сразу же повесит трубку, но вместо этого Миранда воскликнула:

— Ну конечно, Джулия. О чем ты хотела поговорить?

По телефону её голос звучал как-то отдаленно, и она могла быть кем угодно.

— А мы можем поговорить лично?

— Конечно, — ответила она. Я мысленно представила себе её в строгом чёрном костюме и с тугим пучком на голове. — Буду рада приехать к тебе домой.

Я не смогла сдержать фырканье.

— Будь здорова, — подумав, что я чихнула, сказала Миранда.

— Спасибо, — я могла себе представить, какотреагируют родители, если ещё один коп появится возле нашей двери. У мамы, наверное, случится нервный срыв. — А мы можем встретиться где-нибудь еще? Возле моей школы есть круглосуточная забегаловка, где можно выпить кофе. Она называется «Крейзи Эллиот».

— Я знаю, где находится «Крейзи Эллиот». Хорошее местечко. Встретимся там через полчаса.

Мне понадобилось больше времени, чем я думала, чтобы дойти до него. Через десять минут я уже мечтала о толстовке. Через двадцать, — на моих руках было больше мурашек, чем кожи. А через тридцать я проклинала слепящие фары автомобилей с теплыми салонами, которые со свистом проносились мимо. Поэтому я почувствовала огромное облегчение, когда, наконец, увидела неоновую вывеску «Крейзи Эллиот». Я зашла во внутрь и потопала ногами, пытаясь согреться.

— Джулия! — услышала я и оглянулась. Миранда уже была здесь и сидела в дальнем углу, обхватив руками горячую кружку. Я мысленно вздохнула, потому что прямо сейчас мне хотелось её прибить.

Тем не менее, я помахала рукой и устроилась рядом с ней на потрескавшемся виниле. К моему удивлению, я не почувствовала запаха кофе.

— Вы пьете горячий шоколад, — сказала я, поднимая бровь.

Миранда улыбнулась и отхлебнула его. Когда она опустила кружку, на верхней губе, как у ребенка, отпечатались усы из взбитых сливок.

— Я слышу в твоём голосе осуждение.

— Нет, совсем нет, — ответила я, снова почувствовав, как подступают слезы. Но в этот раз мне удалось сдержать их. — Я тоже закажу себе его.

В «Крейзи Эллиот» готовят самый вкусный горячий шоколад в городе (естественно, после Майкла). Об этом я и сказала Миранде.

— Думаю их секрет, в щепотке ванили, — призналась я. — Но Майкл убежден, что они также добавляют немного мускатного ореха.

Миранда покачала головой и сделала ещё один глоток.

— На мой взгляд, Майкл прав, — ответила она. — Здесь определенно чувствуется мускатный орех.

— Я никогда не была сильна в кулинарии. А вот мой брат — да, — пожав плечами, сказала я.

— Понятно, — произнесла Миранда. Я думала, что она сделает ещё один глоток, но вместо этого Миранда поставила кружку на стол. — Ты хотела поговорить о своем брате?

— О Райане, — было странно слышать, что она назвала его моим братом.

Хотя именно так я сама и думала о нём.

— Да. Я... я знаю, он совершил ужасные вещи и заслуживает того, чтобы его упрятали за решетку, но...

— Ты переживаешь за него, — сказала Миранда.

— Да, — ответила я, не отрывая взгляд от стола, на котором моя кружка оставила липкий коричневый отпечаток.

— И поэтому чувствуешь себя виноватой. Не стоит, он ведь всё-таки твой брат.

— Это так странно, — покачав головой произнесла я. — Я чувствую облегчение, потому что он пугает меня, и радость от того, что он не сможет больше причинить вред мне и людям, которых я люблю. Но при этом, я скучаю по нему и это вызывает во мне чувство

вины. Я так запуталась.

Миранда положила руку на стол так, как будто собиралась протянуть её и схватить мою ладонь. Мне чуть не захотелось, чтобы так оно и было.

— Это нормально, — произнесла она.

— А разве много людей находятся в похожей ситуации, чтобы вы считали её нормальной?

— Я не это имела в виду. Я просто... ты знаешь... — так и не закончив, она стала допивать остатки горячего шоколада пытаясь, как я понимаю, увильнуть от ответа. — Он был великолепен.

— Давайте я принесу вам ещё один, — вскочив, сказала я.

— Нет, нет, — Миранда начала вставать, но я успела схватить ее кружку. — Джулия, я...

— Вы пришли сюда в десять часов вечера, чтобы послушать о моих переживаниях, — воскликнула я, пятясь к прилавку. В отличие от моего прошлого посещения этого заведения, в этот раз я двигалась куда проворнее. — Самое меньшее, что я могу для вас сделать — это купить горячий шоколад.

Я оплатила за рефил, а потом медленно пошла к нашему столику, положив ладонь на горлышко кружки, чтобы сохранить тепло. Когда я поставила её перед ней, она стала пялиться в горячий шоколад как в зеркало.

— Ой, ты попросила, чтобы его посыпали сахарной пудрой?

— Это секрет «Крейзи Эллиота», — улыбаясь, ответила я.

— Спасибо. Это очень мило с твоей стороны, — помешав напиток, произнесла она, а потом отхлебнула и причмокнула губами. — Слишком сладко.

— Давайте вернемся к моему брату. Он ведь заперт в охраняемом месте?

— Да. Тебе не о чем переживать. И не нужно чувствовать себя виноватой.

— Насколько охраняемом? — спросила я. — Он уже один раз убежал и пришёл за мной и моими друзьями, — при мысли об этом у меня пересохло во рту, а глаза наполнились слезами. — Он может убежать снова.

Миранда протянула руку и в этот раз погладила мою ладонь своими тёплыми пальцами.

— Он не убежит. Джулия. Райан заперт за двумя дверьми в подвале полицейского участка «Санни Вэйл». Из него есть лишь один выход через главное управление, где всегда есть кто-нибудь из полицейских. Тебе не нужно переживать, что он снова сбежит.

— За двумя дверьми? — дрогнувшим голосом произнесла я. — Мой брат умён. Он вполне может достать ключи.

— Он не сможет, — успокаивающе сказала Миранда. Она снова погладила меня по руке, но я отдернула её. — Ключ находится в сейфе. Не переживай, они внимательно за всем следят.

Я резко выдохнула, но это почему-то было больше похоже на всхлип.

— А что, если ему кто-нибудь помогает? Мой брат умеет очаровывать людей, и кто-то ведь помог ему сбежать из больницы в первый раз. Он мог бы... — я замолчала и облизнула губы.

— Он не может, — немного смазано произнесла Миранда, как будто ей было тяжело шевелить языком. — Ты даже не сможешь зайти в полицейское управление без специального удостоверения, потому что на входе стоит охрана. Уверяю тебя, Джулия, ты в безопасности. — В этот момент у неё задрожала рука и несколько капель горячего шоколада

пролились на стол.

— Спасибо, — со всей искренностью сказала я. — Спасибо за то, что рассказали мне.

— Если это как-нибудь тебя успокоит, то я завтра утром схожу и проверю на месте ли он, а потом отзвонюсь тебе. Моя смена начинается в девять, — у неё снова начала дрожать рука. — Ты хотела что-нибудь ещё поведать мне о своем брате?

А ведь и правда. Я вытащила её сюда под тем предлогом, что хочу ей кое-что рассказать. Капли горячего шоколада, которые она пролила, слились в пятно, похожее на собаку. Это напомнило мне о Флаффи. Бедный маленький изуродованный Флаффи.

— Я просто хотела сказать, что переживаю вдруг он снова убежит. Но, судя по всему, вы ребята держите всё под контролем.

Я проводила Миранду до машины, по пути сообщив ей о том, что живу в сорок пять минут ходьбы от «Крейзи Эллиота», а на улице уже темно. Она настояла на том, чтобы подвезти меня.

— Если хочешь, я могу высадить тебя в квартале от дома, чтобы родители не увидели, как ты выходишь из полицейской машины, — еле шевеля губами произнесла Миранда. — Ну давай, садись.

В этот раз я улыбнулась ей по-настоящему искренне.

— Спасибо. Большое спасибо.

Но я так и не села в её машину.

***

Я проснулась под звон будильника в семь часов тридцать пять минут утра. Смена Миранды начиналась в девять. Я поставила его на семь пятьдесят. Почему он зазвонил сейчас?

Наконец, я поняла, что это не будильник, а телефон. Алейн. Я выглянула в окно и увидела, что её машина уже стоит на подъездной дорожке. Черт, я же забыла ей сказать, чтобы она не заезжала за мной.

Вскоре надоедливый трезвон прекратился, а Алейн вышла из машины, и направилась к дому. Раздался дверной звонок.

Я поспешила вниз и поняла, как ужасно выгляжу только когда открыла дверь.

— Я плохо себя чувствую, — сказала я. Сердце билось в груди как умирающая рыба. — Прости, я забыла отправить тебе сообщение.

Алейн внимательно осмотрела меня с ног до головы и на секунду я увидела себя её глазами: вчерашняя одежда, только грязная и потная, даже я чувствовала этот запах; впалые щеки и безумный взгляд.

— Ты в порядке? — осторожно поинтересовалась она.

— Просто замечательно, — ответила я, издав смешок, который больше походил на визг.

— Ты выглядишь просто ужасно. Хотя нет, даже не ужасно, а как зомби, который выбрался из могилы, разрывая землю пальцами.

Я не смогла собраться силами, чтобы пошутить в ответ.

— Мне плохо, и я не пойду сегодня в школу. Увидимся завтра. — Надеюсь.

Я уже собиралась закрыть дверь, но она успела выставить ногу. Я всё равно попыталась закрыть её. Алейн вздрогнула, но не сдвинулась с места.

— Ты делаешь мне больно, — сказала она.

— Я не хочу, чтобы ты заразилась.

Она протиснулась в проём, приоткрыв его ещё больше. Я подалась вперёд, но у меня

совершенно не было сил. Я прикладывала слишком много усилий даже для того, чтобы просто стоять. Мне нужно выпить кружок восемь эспрессо и после этого, возможно, я приду в себя. Или это, или ядерные розовые духи Алейн.

— Ты не больна, — воскликнула она. — Что-то случилось. Расскажи мне.

Ворча, я вновь надавила на дверь.

— Ты опоздаешь в школу.

А я — на свою смену. Или, вернее сказать, на смену Миранды. Мне нужно попасть в управление до неё и до того, как она обнаружит, что её удостоверение пропало. Умиравшая рыба в моей груди нырнула вниз и меня сразу же затошнило.

Это была моя ошибка. Я хотела, чтобы у меня была верная подруга, и когда я вытащила Алейн из-за уединенного столика и втянула её в социальную жизнь, то моё желание исполнилось. Она была обязана мне всем. Если я хочу оттолкнуть её от себя, то должна быть жестокой. Но я не хотела быть жестокой с Алейн, потому что любила её.

Алейн протиснулась ещё немного вперед, медленно и уверенно, отодвигая меня в прихожую. Наконец, я сдалась и отступила к стене. А потом сползла на холодный пол и, прижав щеку к стене и глубоко дыша, стала блуждать глазами по потолку, полу — по всему, за исключением Алейн. Это было довольно трудно, потому что она нависла надо мной и отчаянно пыталась поймать мой взгляд.

— Что-то не так, Джулия, — сказала она. — Расскажи мне. Я могу помочь тебе. Это имеет какое-то отношение к твоему брату?

***

— *Все закончилось, Джулия. Теперь мы в безопасности. Они не смогут ничего рассказать.*

Запах крови был тяжёлым и металлическим. Он затуманивал мозг и душил меня.

Я позволила брату помочь мне встать.

— *Но одиннадцать человек мертвы, — сказала я. — Мы не сможем просто так выйти отсюда. Мы не сможем взять и исчезнуть.*

— *Конечно нет, — крепко прижимая меня к себе, ответил он.*

Я сделала глубокий вдох и втянула в себя его терпкий запах с примесью табака и пота, который перебил зловоние крови.

— *У меня есть план. Ты просто должна доверять мне.*

***

Всхлипы, которые вырвались из моей груди, удивили даже меня.

— Всё всегда имеет отношение к моему брату. Всё. И мне никуда от этого не деться.

Алейн уселась на пол рядом со мной. Я слышала звук работающего мотора. Судя по всему, она оставила машину заведенной.

— Я могу помочь тебе. Я твоя подруга, — сказала Алейн, прижавшись своим локтем к моему. — И я люблю тебя.

Хотела я этого или нет, но сейчас мне нужно быть жестокой. Ради безопасности Алейн.

Я так быстро подскочила, что толкнула её. Алейн пошатнулась и вскрикнула, когда её локоть ударился о стену.

— Ты не любишь меня, — холодно произнесла я. — Я не знаю, что такое любовь, но знаю, что не люблю тебя. У меня была лучшая подруга, но она умерла.

Алейн быстро встала, и как щит выставила подбородок вперед.

— Ты сейчас расстроена и тебе больно. Так что всё в порядке. Я прощаю тебя, —

дрожащими губами ответила она.

Мне хотелось крикнуть: *«Черт возьми, Алейн. Я не хочу, чтобы ты прощала меня. Я хочу, чтобы ты ушла и, надеюсь, завтра не испытывала бы ко мне ненависти».*

Но вместо этого я сказала:

— Пожалуйста, уходи.

Её руки взметнулись к плечам, потом упали и повисли вдоль тела, и снова взметнулись к плечам. Я сделала шаг назад на случай, если она подумывает о том, чтобы обнять меня. Я практически видела стежки — тоненькие, едва заметные линии, сотканые из воздуха и пыли, — которые сдерживали мою реальность. Если бы она дотронулась до меня, то уверена, они бы разошлись где-нибудь посередине и мой мир разорвался бы на части. Также, как и я.

— Позвони мне, Джулия. Или приходи. Я буду ждать тебя.

Я стояла и смотрела как она уходит, а потом долго сидит в машине с прижатым к уху телефоном. Я могла поспорить, что наверху разрывается мой мобильник. Она явно хотела, чтобы я выбежала и сказала ей, что у меня было временное помешательство и мы, конечно же, остаемся лучшими подругами. Естественно, я любила её. Хотя это последнее, что мне следовало бы делать. Лив умерла, потому что стала слишком близка мне и моему брату. Я не хотела, чтобы то же самое произошло и с Алейн.

Я прождала десять минут, слоняясь из угла в угол, чтобы убедиться, что она не вернётся. Спящие наверху родители даже и не подозревали, что я чуть не протоптала тропинку на ковре. Я не была уверена, знали ли они о том, что их сына держат под замком всего в нескольких минутах езды от дома. Мне они не сообщили об этом. Но сейчас, главное, чтобы они думали, что я уехала в школу с Алейн. Если я не вернусь, их воспоминания обо мне останутся чистыми и незапятнанными, как пол в ванной комнате.

Поднявшись в свою комнату, я открыла сумку и вытащила вещи, которые мне понадобятся сегодня утром. Черный костюм, который мама надевала много лет назад на мою церемонию бат-мицва⁵¹. Он, конечно, не был таким облегающим, как костюм Миранды, но тут уж ничего не поделаешь. После этого настал черед элегантных черных перчаток, потому что я не собиралась оставлять свои отпечатки пальцев, и полицейского удостоверения. Мы не были похожи с Мирандой, но я собрала волосы в тугий пучок, нарумянила щеки и выщипала брови в тонкую линию, чтобы походить на неё как можно больше. Надеюсь, что никто не будет ко мне присматриваться.

Мне просто нужно войти в полицейское управление и, не вызывая подозрений, попасть в подвальное помещение.

Ключи от маминой машины, припаркованной на подъездной дорожке, я оставила напоследок. Даже при мысли о том, что придётся сесть за руль, у меня так вспотели ладони, что я уронила телефон. Я не стала поднимать и проверять его, потому что он мне больше не понадобится. Телефон так и остался лежать на полу экраном вниз и скорее всего, не подлежал восстановлению.

Утром было таким прекрасным и безоблачным, что я даже рассмеялась, когда вышла на улицу. Над головой парили щебечущие птицы, а легкий ветерок обдувал, идеально подстриженные газоны, каждый из которых был зеленее предыдущего. Складывалось ощущение, что наша улица соревновалась в конкурсе на самый красивый и зеленый газон в городе.

Я снова рассмеялась, а потом повернулась и, вполне возможно, что в последний раз,

посмотрела на свой дом. *«Нет, не на свой дом»*, — напомнила я себе. Это дом Люси Блэк, а не Джулии. Пусть она покоится с миром. Люси Блэк прожила спокойную жизнь и даже влюбилась, а потом исчезла, как будто её никогда и не существовало.

Двое наших соседей, собирались уезжать на работу и целовали свои прекрасные семьи, прощаясь с ними до вечера. Никто из них ни разу не посмотрел ни на меня, ни на мамину машину. Я сделала несколько глубоких вдохов, борясь с подступающей тошнотой, а потом забралась на водительское сиденье и завела мотор.

Моя реакция была незамедлительной — на лбу и над верхней губой выступили крупные капли пота, сжалось горло, а кожа на руках натянулась до блеска. Я переключила коробку передач, готовясь тронуться с места. Умиравшая рыбка, которая всё ещё барахталась в животе, пригласила к себе на вечеринку несколько таких же умирающих друзей, и я подумала, что меня точно вырвет.

Но я могла это сделать. Я могла вести машину. У меня не было другого выхода. Я попыталась перестать думать о том, как умирал, сидящий за рулем, Эйден и о своем хрустнувшем как яйцо запястье. А потом я на секунду прикрыла глаза и увидела шокированный, испуганный взгляд, который смотрел на меня сквозь разбитое ветровое стекло.

«Ехать недалеко, и я справлюсь», — подумала я, снова открыв глаза.

Других вариантов всё равно нет. Я ведь не могу попросить об этом Майкла. Он и так уже сделал для меня всё, что мог. Теперь я должна действовать самостоятельно. На случай, если будут пробки или что-нибудь ещё, я забила в GPS три маршрута, которые выдали мне Google карты, а потом запомнила их наизусть. Но запасные пути мне не понадобились. Я без проблем доехала и припарковалась прямо в центре стоянки, так, чтобы не слишком близко и не слишком далеко от входа. Я открыла дверь в управление, ожидая, что услышу, как завизжит сирена или на меня с потолка упадет клетка, или, что взбешенные полицейские просто затопчут маленькую меня, которая притворяется одной из них.

Но ничего этого не произошло. Поэтому я просто расправила плечи, кивнула дежурному, вытащила удостоверение Миранды, предъявила его для сканирования, прошла в здание и внимательно огляделась. За дверью находился небольшой холл и зал ожидания, за которым располагалась большая комната, заполненная столами, шкафами с папками и прочими офисными штучками. За ней тянулся коридор, который, должно быть, вел в уборные, а вдоль стен виднелись двери в кабинет начальника и заместителя начальника полиции и в комнаты для интервью. Лестница в конце коридора, скорее всего, вела в подвал, где находились камеры. Со слов Миранды, я поняла, что моего брата не стали подсаживать к алкоголикам, шлюхам и бродягам, а поместили в более надежное место, и для этого нужно спуститься на ещё один пролет.

Я кивнула нескольким полицейским, которые сидели за столами и копошились в бумажках. Надеюсь, отец Майкла всё ещё в Беркли с Арией, но это могло быть и не так. Если он на работе, то мне остается только спрятаться за стеклами очков и молиться.

— Доброе утро, офицер, — рассеянно улыбаясь, поздоровался один из копов.

Я попыталась улыбнуться в ответ.

— Доброе утро, — кивнув, произнесла я. Почему мои руки вытянуты по швам? Я немного взмахнула ими. Нет, так я выгляжу слишком беззаботно. Кто-то кивнул мне. Я кивнула в ответ. О Боже, они всё обращают на меня внимание.

— Если хотите выпить кофе, офицер, то проходите на кухню, — произнес кто-то позади

меня.

— Спасибо. Хотелось бы, но я здесь только для того, чтобы увидеть заключенного, — помахав рукой, ответила я.

Слава богу, они ничего не заподозрили. Я продолжала идти до самого коридора, где, наконец, облегченно выдохнула. Осталось только спуститься вниз.

Неожиданно кто-то схватил меня за руку.

— Джулия?

Глава 20

Меня поймали. Всё кончено. Все обо всем узнают. Лучше уж мне умереть.

Я подняла руку и коснулась пальцами пистолета, выпирающего из-под пиджака. Если я покончу со всем сейчас, то мне не придется иметь дело с последствиями. Я не смогу иметь с ними дело. Это будет хуже, чем в те дни перед тем, как я стала Люси Блэк.

— Джулия?

Человеком, который меня схватил, оказался Майкл. Жизненная энергия, как легкий прохладный ветерок, вновь ворвалась в моё тело, и я почувствовала себя такой невесомой, что, если бы не удерживающая меня рука, вполне могла бы куда-нибудь улететь.

— Майкл, что за чёрт?

Его губы вновь приоткрылись, а я стояла и, замерев, смотрела как они двигаются.

— Это я должен спросить тебя об этом, — сказал он. Вена у него на лбу пульсировала, напоминая мне часовой механизм бомбы. — Что...

— Заткнись, — я лихорадочно осмотрелась, но никто в ужасе не смотрел на меня и не пытался вытащить пистолет. Узкий коридор скрывал нас ото всех, но это только вопрос времени, когда кто-нибудь решит прогуляться, чтобы налить себе вышеупомянутый кофе. — Мы не можем здесь разговаривать, — сказала я, пытаюсь утянуть его в сторону. Майкл попытался сопротивляться, но я затащила его в проход, который, судя по всему, вел в туалет для инвалидов. Он оказался настолько маленьким, сырым, пахнущим плесенью и заставленным коробками, что я едва могла дышать. Мы стояли, прижатые друг к другу и практически обтирали их локтями. Несмотря на это, я не смогла сдержать смех. Во время самых серьезных передрыг я почему-то всегда оказывалась в туалетах для инвалидов.

— Ты что, преследовал меня? — наконец, тихо произнесла я. Услышав звук шагов в коридоре мой голос тут же упал до шепота.

— Да, преследовал, — резко ответил он. — Но я хочу знать...

Я толкнула Майкла, и он ударился спиной о стену. Его челюсть удивленно отвисла.

— Ты хоть знаешь, насколько это важно? — прошипела я. — Знаешь, чему ты мог только что помешать?

— Освобождению твоего брата-убийцы из тюрьмы, где ему и самое место?

Я разозлилась так, что перед глазами всё вспыхнуло. Возможно, я даже снова толкнула его. Но нельзя винить меня за то, что сделала ярость.

— Я не хочу вытаскивать его из тюрьмы, — сказала я. Наши лица были так близко друг к другу, что я чувствовала его горячее и недовольное дыхание на своем носу. — Мне нужно пообщаться с ним. Сегодня он собирается начать говорить с полицией. Он расскажет им правду и ничего кроме правды, да поможет ему Бог.

— Он ведь так никогда и не признался, — помолчав несколько секунд, произнес Майкл.

— Насколько я знаю, нет, — я знала, что он не признался. Иначе всё было бы совсем по-другому. Иначе полиции было бы чем похвастаться. — Ещё несколько недель назад он

был практически мертв, — сказала я и из моих глаз хлынули слезы. — Мне нужно попроситься с ним. Наедине.

Майкл вздохнул.

— Ты так переживаешь из-за этого?

— Нет. Я переживаю из-за сталкера, который преследует меня от самого дома.

Судя по потрясенному выражению его лица, можно было подумать, что я его ударила.

— Это совсем не так, — ответил он.

— Да неужели? Потому что всё выглядит именно так.

— Послушай, — пылко воскликнул Майкл. — Мне позвонила Алейн и сказала, что ты вела себя очень странно и чуть не ударила её по лицу. Она очень переживала и попросила меня убедиться, что с тобой всё в порядке. Я пропустил первую пару и поехал к твоему дому, но когда собирался заехать на подъездную дорожку, то увидел, как ты крадешься в этой одежде и садишься в машину. Я никогда не видел тебя за рулем. Что ещё я должен был делать?

— Оставаться подальше от этого, — сказала я, подумав, что эти слова можно отнести к чему угодно. К тому, что он поцеловал меня. Ездил со мной в Элктон. Да и вообще, заговорил со мной когда-то. — Тебе самому было бы лучше, если бы ты никогда не спутался со мной. Знаешь, что тебе нужно сделать? Развернуться и притвориться, что ты никогда не встречал Джулию Ванн или Люси Блэк или кем бы ещё я ни была, черт возьми, завтра.

Майкл схватил меня за руки. Я попыталась их вырвать, но он придавил мои ладони большими пальцами.

— Ни за что, — воскликнул он. Его кадык ходил ходуном. — Я помогу тебе, Джулия. Я помогу тебе попроситься с братом, — Майкл говорил так тихо, что я едва его слышала. На мгновение, я даже подумала, что мне это лишь показалось. — Он совершил ужасные вещи, но, тем не менее, остается твоим братом. Если бы Ария кого-нибудь убила, я бы не перестал её любить.

Я начала давиться слезами и только через несколько секунд смогла заговорить.

— Ты уверен? Это, скорее всего, незаконно. Нет, это определенно незаконно и у тебя могут быть серьезные проблемы.

— Я уже сбегал с тобой из дома, в котором лежали мертвые копы. Думаю, ничто не может быть хуже этого.

Мне ещё нужно было о многом подумать и столько сделать, но я слишком растворилась в том, что, по моему мнению, было счастьем. Я не была до конца в этом уверена, потому что давно не чувствовала ничего, кроме стресса, страха и напряжения. Но на кону сейчас стояло столь многое, что чувствовать себя счастливой казалось просто неприличным.

— Ты даже не представляешь... — начала я, но у меня не было времени на то, чтобы уговаривать его держаться подальше от всего этого и от меня. Сегодня вечером мой брат начнет говорить. — Райан находится внизу. Кстати, как тебе удалось сюда пройти?

— Благодаря отцу, — ответил он. — Это же очевидно, Джулия. Здесь все меня знают. Я прихожу в управление с тех пор, как мне исполнилось пять. Они, скорее всего, думают, что я забежал, чтобы отдать ему обед или что-нибудь ещё. Но папа вернется на работу лишь вечером, — Майкл осмотрел меня с головы до ног и добавил. — А как тебе удалось сюда пройти?

— Я украла удостоверение и надела чёрный костюм.

— Ты украла удостоверение? У той женщины? А разве она не заметит его пропажи?

— Не переживай по этому поводу. Мы должны идти, потому что наше главное оружие — эффект неожиданности, — эффект неожиданности. Он важнее чем кислород или азот, или что там ещё заставляет так быстро срабатывать таблеткам моей мамы.

— Хорошо. Твой брат находится внизу, — сказал Майкл. — Ты ведь хочешь с ним только поговорить?

— Да, только поговорить.

Я вышла в коридор первой, чтобы убедиться, что ни один коп не увидит, как мы вместе выходим из туалета. Мимо проходил полицейский, держа в руках горячую чашку кофе. Я кивнула ему и потянулась, чтобы выиграть время. Когда он ушел, я открыла дверь и Майкл проскользнул в коридор следом за мной.

Нам повезло: в обычных камерах никого не было, а значит не было и копов, чтобы охранять их обитателей. А потом нам повезло вторично, потому что Майкл знал, где находится ключ, который открывал тяжелую металлическую дверь, ведущую в особо охраняемую камеру. Я предполагала, что он будет лежать на видном месте, но теперь была рада присутствию Майкла. Поиск ключа занял у него всего несколько минут. Внизу никого не должно было быть, из-за нехватки персонала, и из подвала вела всего одна дверь. Я проскользнула в неё, пропустила Майкла, а потом плотно закрыла её за собой и прислушалась к тому, чтобы щелкнул замок. Дверь была очень тяжелая и, я надеялась, что звуконепроницаемая.

Остался один пролет и после этого лишь решетка будет отделять меня от брата. Меня охватило чувство пустоты. Мне нужно провести с ним секунду или две и после этого все будет закончено. Больше не будет никаких побегов и переделок.

Я обхватила рукой щеку Майкла. У него был необычный подбородок — жесткий, как наждачная бумага и в то же время гладкий и мягкий.

— Я не успела поблагодарить тебя, — проведя пальцем по линии челюсти, сказала я.

— За что?

— За то, что ты любишь меня, — я встала на цыпочки и нежно поцеловала его в губы. В них не было ничего необычного: они были гладкими, мягкими и приятными на вкус. — И за всё, что сопутствует этому.

Я опустилась с цыпочек, и Майкл положил руки мне на бедра. От его прикосновения под моей кожей разгорелись куча маленьких огоньков. Единственное, о чем я сожалею — что никогда не увижу его обнаженным. Уверена, у него прекрасно тело, как и у всех пловцов.

— Тебе не нужно благодарить меня, — ответил он. — Любят не за это.

Правда? Я думала, что благодарить кого-то за любовь — это мило. Они ведь не обязаны это делать. Да и вообще, такую как я, нелегко любить. Я уже открыла было рот, чтобы спросить, но потом закрыла его. Мне больше нет необходимости знать, что из себя представляет любовь.

— Пошли, — вместо этого произнесла я.

И мы пошли.

Я осторожно открыла вторую дверь, которая вела в маленький коридор. Сжав пальцами кобуру, я шагнула во внутрь, а следом вошел Майкл. Он был так близко, что я чувствовала, как жар его тела проникает в меня.

В крошечном коридоре не было ничего, кроме пустого складного стула, который стоял возле стены, и решетки. Все выглядело почти как в кино: длинная низкая лежанка, совмещенные умывальник и туалет металлического цвета, которые блестели так, что я могла

увидеть в них свое отражение, решетка и... мой брат. У меня чуть не остановилось сердце, когда я увидела, как он сидит на краю кровати, опустив голову на руки и что-то шепчет про себя. Услышав, как я вошла, он поднял голову и мгновенно вскочил на ноги. Мы подбежали к решетке одновременно; я схватилась за нее, а он сжал свои пальцы поверх моих ладоней.

— Райан, — прошептала я.

— Ты пришла, — его пальцы сжались ещё сильнее, даже левая, которая плохо работала. — Я знал, что ты придешь.

У меня перед глазами все поплыло.

— Конечно, я пришла, — сказала я и, откашлявшись, продолжила. — Что они знают? Что ты им сказал?

Я слегка дернула головой в сторону Майкла, чтобы напомнить брату, что мы не одни. Мне не нужно было напоминать об этом самой себе, потому что я ощущала тепло его присутствия, которое искривляло время и пространство вокруг нас. Майкл не принадлежал этому месту. Только не в одной комнате с моим братом.

Райан в ответ просто откашлялся. Он понял. У меня сжалось сердце. Он понял меня. Никто никогда не будет понимать меня так, как он. Даже Майкл.

— Ничего, — ответил он. — Ничего из того, что они не знают. Я кое-что сказал, когда пришел в себя, но потом я... — лицо Райана стало грустным, но он все же закончил. — Я разговаривал с доктором Спенсом.

Я погладила его руки большим пальцем.

— Я знаю. Всё нормально. Он никому ничего не скажет, — я натянуто улыбнулась ему, пытаюсь выглядеть убедительной. — Полиция собиралась рассказать общественности, что ты пришел в себя. Они собирались судить тебя. Но ты поговорил с доктором Спенсом, и он вытащил тебя оттуда, чтобы выиграть себе время и доказать твою версию произошедшего.

— Я не хотел навредить тебе, — сказал Райан. У него заблестели глаза и теперь я могла видеть свои многочисленные отражения в них, Джулию в бесконечности. — Я никогда, никогда не хотел навредить тебе, Джулия.

Но он навредил. Он вовлек меня в это и теперь должен вытащить. Я открыто улыбнулась ему. Пусть это успокоит его.

— Всё нормально. Я прощаю тебя, Райан. Я люблю тебя, — даже, не задумываясь произнесла я. — Я люблю тебя. Ты ведь это знаешь, Райан?

— Я тоже люблю тебя, Джулия.

Я всхлипнула и по лицу потекли слёзы, затуманивая мой взгляд.

— Я обещаю сделать всё, о чем ты меня попросил, — сказала я. — Я расскажу правду. Обещаю.

Он расплылся в улыбке. И, меня, как и всегда, поразило насколько она простодушная, невинная и... доверчивая. Райан не доверял никому, кроме меня. Я была его сестрой, его второй половинкой и если он не мог верить мне, то кому еще?

— Спасибо, — произнёс он. — Это очень много значит для меня.

Я оторвала руки от решётки и прижалась к ней лицом. Несмотря на присутствие Майкла, я уже не могла остановиться, потому что пересекла свою точку невозвращения.

— Я люблю тебя, Райан, — сказала я и крепко поцеловала его сквозь прутья решетки, почувствовав при этом вкус железа и запах крови.

Он все ещё улыбался, теперь уже блаженно.

— Запомни это, — ласково произнесла я, опуская руки вдоль тела. — Может, я и не

знаю, что такое любовь, но я уверена в том, что люблю тебя.

— Я знаю, — ответил он. — Я люблю тебя, Джулия.

— Я люблю тебя, Райан. Я так люблю тебя.

Я отстранилась от решетки, вытерла слезы и выстрелила ему в голову.

Не успела осесть пыль и перестать дрожать от отдачи рука, как я развернулась к Майклу.

— Не двигайся, — сказала я. — Если дернешься, то я выстрелю.

От Майкла, казалось, не исходило никакой опасности, — он превратился в статую. Его спина практически слилась со стеной, а челюсть висела в районе груди. Он двигал губами, как будто хотел что-то сказать, но изо рта не выходило ни звука. Я видела, как его любовь ко мне разбивалась на мелкие осколки и осыпалась на пол.

Я снова протерла глаза, отчего его фигура немного смазалась.

— Я обещала своему брату, что расскажу правду, — сказала я. — Ну, так вот она.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА АТЛАСА СПЕНСА

Пациент: Райан Ванн, 17 лет

Прошлым вечером мы с Нуром в течение трёх часов просматривали отчеты о стрельбе в плохо освещенном и пыльном архиве. Мы напрягали глаза, чтобы прочитать каждую строчку и изучить каждую деталь комнаты.

В конце концов, Нур согласился с моими предположениями.

— У меня есть друг, который поможет тебе, когда ты проберешься туда. Он полицейский и берет «подарочки» за свою помощь. — Я оценил откровенность Нура. — Его зовут Джозеф Гудмен. Я дам тебе его визитку.

Утром я пришёл навестить Райана так рано, как разрешила мне полиция.

— Я верю тебе, — сказал я. — И собираюсь помочь доказать это.

Он сжал зубы и сделал глубокий вдох, как будто мои слова причинили ему боль, но потом всё же кивнул.

— Спасибо, — прошептал Райан и отвернулся.

Если то, что я начинаю подозревать верно, то Райан Ванн не самый опасный человек в этой семье.

Мне нужно съездить в Саннивейл.

Глава 21

Я помню всё.

В один прекрасный день мне надоело рано вставать, чтобы выгуливать свою маленькую тьявкающую собачонку и тратить половину карманных денег на то, чтобы покупать ей дурацкую еду. Когда брат спросил не может ли он вскрыть её внутренности, чтобы посмотреть, как они выглядят, я согласилась. Если только я буду присутствовать при этом. Когда нас поймали, он взял всю вину на себя.

Я помню всё.

В другой прекрасный день случился пожар. Он был небольшой. Горел не дом и не школа, а всего лишь домик на дереве, принадлежащий девочке, которая совершила ужасную ошибку, посмеявшись над тем, как мы с братом были близки. Я хотела, чтобы она умерла. Нет, я хотела, чтобы она сгорела.

Он поджег дерево. Мы стояли и смотрели как оно горит, а когда мама девочки заметила нас, мой брат снова взял вину на себя.

Я помню всё.

Я никогда не была полностью честна с вами.

Возьмем, например, вождение. Это правда, что после случившегося с Эйденем я не водила машину. Правда и то, что и до этого я тоже какое-то время не делала этого, хотя и прошла курсы вождения, сдала письменный экзамен, отъездила обязательные шесть часов с инструктором и кучу часов с мамой и папой.

В Калифорнии временное водительское удостоверение позволяет вам водить машину, начиная с пятнадцати с половиной лет, но только в сопровождении взрослого, которому должно исполниться как минимум двадцать пять. В случае со мной и братом, это означало, что официально мы должны были ездить с одним из родителей. И это также означало — но неофициально, что, начиная с пятнадцати с половиной лет, мы частенько ездили вдвоём, взяв на всякий случай водительское удостоверение папы или мамы. Мы катались по заброшенным дорогам, сменяя друг друга за рулем, и фантазировали о том, как население земли вымрет в результате чумы, взрыва ядерной бомбы или нашествия пришельцев, пожирающих всё живое. Нет, мы не хотели ничего подобного. Это были скорее размышления на тему, о том, что могло бы быть, если человечество бы взяло... и исчезло. Только безболезненно. Просто растаяло бы в воздухе или провалилось под землю, или сделало последний вздох и испарилось.

В тот день, когда это произошло, стояла прохладная осенняя погода. Я была за рулем, а Райан сидел на пассажирском месте и вертел между пальцев водительское удостоверение отца.

— Это был метеорит, — сказала я, начиная игру. Мы ехали по длинной проселочной дороге, красоту которой не портило ни одно строение. — Он упал на Среднем Западе и вызвал извержение Йеллоустонского супервулкана.⁵² Вулканический пепел покрыл территорию от Невады и до самого Нью-Йорка. Эта полоса земли вдоль береговой линии — единственное чистое место в США.

— И конечно же, — быстро добавила я, когда увидела, что Райан поднял палец, — Падение метеорита, извержение вулкана и пепел вызвали серьезные климатические изменения. Еду нельзя было купить, поэтому городские жители либо погибли, либо сбежали на юг или в другие страны. Только те из нас, кто привык работать на земле, смогли обеспечить себе скромное существование.

Самое большое, что когда-либо делали мы — это поливали овощи. Но насколько сложно вырастить картошку? На двоих? В наших планах не было кормить кого-то ещё, если это вдруг произойдет на самом деле.

— Естественно, — продолжила я, — Через пару лет пепел рассеялся. В Элктоне, штат Калифорния, больше никогда не было туманов и влажности. Каждый день стояла сухая и теплая погода, а температура не поднималась выше семидесяти двух градусов⁵³.

— Семьдесят два — это слишком тепло, — сказал Райан.

— Всем наплевать.

— Тебе не наплевать.

— Хорошо, мне не наплевать. Пусть будет семьдесят один⁵⁴.

— Шестьдесят восемь⁵⁵.

— Семьдесят⁵⁶ и это мое последнее слово.

— Согласен.

Я вздохнула и снова сосредоточилась на дороге, но неожиданно меня отвлекло какое-то

движение на обочине. Это был человек: в костюме для бега, рыжебородый и взрослый, лет сорока.

— Ты видел?

— Вон того парня? — посмотрев на него, спросил Райан.

— Да. На что еще я могла показывать? — У меня участился пульс. — Он всё портит. Как мы сможем жить в вымершем после падения метеорита мире одни, если он тут бегает?

— Давай прибавим скорость, — прищурившись, предложил Райан. — Можно оставить его позади и притвориться, что мы никого не видели.

Моё сердце бешено заколотилось вновь.

— Это совсем не то, — сказала я.

— Уверена? — напряжённым голосом поинтересовался Райан.

Я кивнула и оторвала руки от руля.

Райан схватился за него и дернул. Одно движение, одна секунда и... автомобиль съехал на обочину и врезался в бегуна. Раздался звук, похожий на хруст костей курицы, когда её разделяют в форме «бабочки». Я не слышала кричал ли тот мужчина. Может быть, нет. Может, его просто откинуло от капота, и он с неестественно вывернутой головой безвольно скатился с пригорка.

Я повернулась, чтобы посмотреть, но Райан снова крутанул руль.

— Поехали, поехали, поехали! — кричал он. Взглянув через плечо в последний раз, я положила руки на руль и газанула. Я не помню, как мы добрались до дома, но нам удалось это сделать без преследующего нас воя сирен. Мой брат хорошо разбирался в машинах, поэтому, когда мы заехали в гараж, он выправил вмятину на капоте и смыл засохшую кровь, которая осталась после бегуна. Ветровое стекло было треснуто, но на следующий день он исправил и это. Каким-то образом Райан мог починить всё, кроме меня.

Позже мы узнали, что бегун умер. Меня это ни капельки не удивило: ни у одного человека не могло быть столь неестественно вывернутой головы, если в его родне, конечно не было сов. Парня звали Джо Джонсон, типичное имя для типичного тридцати пятилетнего страховщика, преданного мужа, любящего отца двух маленьких мальчиков и владельца лабрадора ретривера с типичной кличкой Фидо.

Но не его смерть повлияла на то, что я прекратила водить машину.

Нет. Это было возбуждение, которое текло по моим венам пока я наблюдала за тем, как безжизненное тело мужчины скатывалось с дороги. Одно движение — и такой результат! Но я не имела права поддаваться искушению, потому что иначе меня могли поймать и отправить в тюрьму. Именно это и убедило меня в том, что я больше не могу снова садиться за руль. А возбуждение доказало, что ни Райан, ни я сама, ни кто-нибудь ещё не смогут «починить» меня также, как ту вмятину, которую выправил брат.

Джо Джонсон был первым. Тут я вам не вру.

Скажу вам честно, я лгунья. Но не важно, насколько хорошо вы обманываете, потому что правда всегда будет преследовать вас. И не важно, что сейчас происходит в этой комнате, потому что осталось ли мне жить пять минут или пять сотен лет, я знаю, что в конце концов, она меня настигла.

***

Мы с братом родились рука об руку и выросли, во всем полагаясь друг на друга. Иногда Райан поддерживал меня, а иногда я — его. В походах прохладными вечерами мы прижимались друг к другу в палатке, чтобы согреться. Дома мы смотрели вдвоем фильмы на

диване, и я засыпала на его плече, чувствуя себя в безопасности и спокойно, когда рука Райана лежала на моей спине.

Эмоционально и духовно мы были друг для друга всем. Поэтому было естественным, что и в физическом плане мы тоже станем друг для друга всем. Это было естественным.

Впервые он поцеловал меня, когда нам было по четырнадцать лет. Нет, мы делали это и раньше: в детстве, когда играли в семейную пару, перед родителями, изображая любящих брата и сестру или перед сном. Вот только тот поцелуй был настоящим.

Я весь день провела в репетиционном зале, наслаждаясь звучанием кларнета и мучаясь с треснувшей тростью. Райан тогда тоже играл в оркестре, но он выбрал трубу, а духовые инструменты занимались отдельно. Поэтому, я встретила с ним только после занятий. Мы молча шли домой; я прижимала свой кларнет к груди, а труба Райана висела у него на плече. Свет уходящего солнца, пробивающийся сквозь осеннюю листву, окрашивал все в красные и оранжевые цвета.

— Как прошла репетиция, Диззи? — спросила я.

— Кто? — Его толстые и густые, как гусеницы, брови удивленно сошлись вместе.

Я вздохнула.

— Диззи? Ну Диззи... — я никак не могла вспомнить его фамилию. — Диззи какой-то. Знаменитый трубач. Гиллеспи! Точно! Диззи Гиллеспи⁵⁷. Но не бери в голову. Момент упущен.

— Это точно, ты его упустила, — согласился Райан. — Я бы мог ответить тебе тем же, но, не думаю, что есть знаменитые кларнетисты.

— Конечно же есть! — Я попыталась назвать хоть одного, но все имена просто вылетели из головы. — Их много. Я просто не могу никого вспомнить.

— Ага, — ухмыльнулся Райан.

— Я бы сейчас тебя треснула, но не хочу причинять боль своей «малышке», — покрепче прижав к груди кларнет, воскликнула я. — А у тебя на репетиции было что-нибудь интересное?

Под нашими ногами хрустели опавшие сухие листья. Неожиданно, подул прохладный ветерок. Я начала дрожать, а на руках выступили мурашки.

— Типа того, — наконец, ответил он. — Эстер пригласила меня на свидание.

— Эстер? — сначала я никак не могла понять кто это, но потом вспомнила: Эстер, высокая девушка со слишком длинными для её тела руками, которая любила заплетать волосы в причудливые косы вокруг головы. У нее были светло-голубые глаза, и она играла на мелофоне⁵⁸.

— Что ты ей ответил?

Райан пожал плечами. Я наблюдала за тем, как его плечи поднялись, а потом опустились с такой легкостью, как будто он сейчас не сталкивал Землю с привычной орбиты. Как будто не менял привычный уклад нашей жизни.

— Я сказал, может быть. Это было немного странно.

Мне стало тяжело дышать.

— Это и есть странно. Ни один из нас никогда ни с кем не ходил на свидания.

Он снова поднял и опустил свои плечи.

— А может, стоит начать ходить? — сказал он. — Когда-нибудь всё равно придётся это делать. Ну, знаешь, брак, дети и всё остальное.

Я перевела взгляд на Райана. Он смотрел вдаль и щурился будто от солнца, которое, на

самом деле, садилось за нашими спинами.

— Почему? — выдавила я из себя и задержала дыхание.

— Что? — переспросил Райан, повернувшись ко мне.

— Почему мы должны ходить на свидания с другими людьми? Разве нам недостаточно друг друга?

Хруст листьев замедлился, а потом и вовсе прекратился.

— Ты говоришь...

— Ты для меня всё, — вырвалось у меня. — Мне не нужен никто другой.

— Но... — он словно изучал меня заново. Я же пристально смотрела ему прямо в глаза. Мне было физически больно и каждый нерв просто кричал о том, чтобы отвести взгляд. Но я держалась. — Ты говоришь...

— Поцелуй меня.

Мне показалось, что прошла целая вечность перед тем, как он наклонился, позволил своей трубе упасть на землю и прижался своими губами к моим. Я упивалась его поцелуем несколько секунд, а потом он отстранился и ошеломленно спросил:

— Ну как, нормально?

Вместо ответа я притянула Райана обратно к себе и начала гладить его по рельефной спине.

Его труба больше никогда не была прежней. На следующий день я вернулась к обочине, чтобы посмотреть можно ли её спасти, но она была вся погнута, в царапинах и окислена так, как будто всего за один день состарилась на сто лет.

Мы не торопились двигаться дальше. Конечно же, было очень важно скрывать наши отношения от семьи, друзей и общества в целом. Как бы мне не хотелось целоваться с ним при людях, прижиматься к нему в столовой или возле школьного шкафчика, как это делали другие подростки, я знала, что никто не примет того, что происходило между нами. Хотя, что в этом такого? Мы просто были двумя людьми, которые заботились друг о друге. Зачем вообще переживать по поводу крови, которая текла в наших венах? Мы же не заставляли их принимать во всем этом участие. К тому же Америка — свободная страна!

Тем не менее, к началу следующего учебного года люди начали что-то подозревать. В том числе и Лив. Она рассталась со своим парнем и в поисках нового, обратила внимание на Райана, и, соответственно, на меня.

— У тебя ведь никогда не было парня, Джулия? — спросила она, прищурившись. — Но ты такая хорошенькая. Ты что, лесбиянка? Если «да», то это круто. Просто скажи мне.

Поэтому мне пришлось отправить Райана на то ужасное свидание и позволить Лив свести меня с Эйденем. Я помню наш с ним первый поцелуй: мы сидели в машине, я прижималась к пассажирской двери, а он сидел практически на коробке передач.

— Ну как? — хриплым голосом спросил он, дыхнув на меня недавно съеденным гамбургером.

Всё было не так. Его зубы стучали о мои, нос упирался мне в щеку, а губы были сухими и потрескавшимися.

— Отлично, — ответила я, чувствуя, как начинает крутить живот.

Мы столкнулись с Райаном возле входной двери.

— Я так не могу. Я не могу притворяться. Я не могу быть с тем, кто не является тобой.

— Я могу исправить это.

Мы с Эйденем сходили ещё на несколько свиданий. Я подбадривала его во время

футбольных матчей, позволяла ему гулять с собой под ручку и терпела поцелуи от которых несло чем-то мясным, даже если я видела, что за весь день он ел только салат. В один прекрасный день Эйден вез меня со школы домой и в машине отказали тормоза. Мы врезались.

Я сидела на пассажирском сиденье. У меня кружилась голова, всё тело было в ушибах и очень болело запястье, а в двух шагах истекал кровью Эйден. В ушах стучало так сильно, что я даже не слышала, как брат рывком открыл дверь и вытащил меня из машины. Я упала на землю. Шок пульсировал в каждой клеточке моего тела, как будто я была эпицентром землетрясения.

— Это ты сделал? — ошеломленно спросила я, отказываясь смотреть на Эйдена.

— Тебя не должно было быть в машине, — с жалким видом ответил Райан. — Лив должна была везти тебя домой.

Из-за звона в голове я едва слышала, что он говорил.

— Лив заболела. Ты чуть не убил меня.

Я прижалась к его груди, а он положил подбородок мне на макушку и стал пристально смотреть на покореженную машину.

— Но не убил же. Зато теперь ты вся моя. Навсегда.

Шок, пульсировавший во мне, сменился злостью, яростью и жаром внизу живота. Я отпихнула его здоровой рукой и он, застигнутый врасплох, отступил на три шага назад.

— Ты практически убил меня, — сказала я. — Я чуть не умерла. Не думаю, что ты это понимаешь.

— Конечно понимаю, — моргнув, ответил он. — Но ты не умерла. Ты всё ещё здесь.

— Чуть не умерла, — повернувшись к нему спиной, воскликнула я. — И теперь я зла.

Ни я, ни Райан не думали о парне, который умирал в это время в машине. Честно сказать, нас это вообще не волновало.

В отместку Райану, через несколько месяцев после смерти Эйдена, я начала встречаться с Эваном Уайлдом, моим здоровым тупым футболистом, который первым погиб в репетиционном зале.

Репетиционный зал.

Мне не хочется касаться этой темы, но я пообещала Райану, что расскажу всю правду. И я это сделаю. Ради него.

Мы с Эваном встречались около четырех месяцев. Я позволяла ему слюнявить себя в присутствии брата, а он поспособствовал росту моей популярности. Лив была вне себя от счастья, потому что теперь мы могли ходить на все футбольные вечеринки и тусоваться с популярными учениками. Мы никогда не были популярными и в то же время никто не смеялся над нами и не игнорировал нас. Мы просто были... невидимыми. Но с Эваном, я постоянно была в центре внимания. Некоторые первокурсники из оркестра, в основном игравшие на флейтах и кларнетах, повсюду следовали за мной, греясь в лучах моей популярности, ведь это была такая редкость для них. Я знала их в лица, а двух даже по именам — по-моему, это были Пенелопа и Софи, — но в остальном, мне было на них наплевать. Всё моё внимание было сосредоточено на Райане: я подсчитывала сколько раз он сжимал челюсти и оценивала степень его злости по тому, как краснело его лицо каждый раз, когда он видел меня с Эваном.

Мы жили в том же самом доме, но я делала всё, чтобы избегать с ним встреч в течение дня: я приходила домой и закрывалась в комнате, а выходила лишь с появлением родителей.

Райан стучал в мою дверь, просовывал записки, но я игнорировала его. Потому что он чуть не убил меня. Он чуть не убил меня. Я не хотела с ним разговаривать до тех пор, пока он не поймет это и не извинится.

Поэтому для меня не стало шоком, когда в тот роковой день он подкараулил меня в коридоре, ведущем в комнату, где стояли шкафчики с нашими музыкальными инструментами.

— Джулия, нам нужно поговорить.

Райан прижал меня руками к стене. Я начала извиваться, пытаюсь освободиться и тогда он придавил меня своим телом.

— Отпусти.

— Нет, — он прошёлся по мне взглядом, а когда заговорил вновь, его голос дрожал от напряжения. — Что, черт возьми, у вас происходит с Эваном Уайлдом?

— Он мой парень, — я хотела сложить на груди руки, чтобы придать своим словам значимости, но для этого было недостаточно места. — А теперь отпусти меня.

— Нет, — Райан наклонился и поцеловал меня. Я упрямо сжимала губы, сопротивляясь ему, но вскоре внутри меня вспыхнул пожар. Я обняла его и прижала к себе так крепко, что между нами не осталось ни молекулы воздуха.

— Комната со шкафчиками, — выдохнула я, распахивая за спиной дверь. Мы ввалились во внутрь и были так заняты друг другом, что даже не услышали шагов в коридоре. Я отпрянула от Райана, чтобы сделать вдох и, посмотрев через его плечо, увидела две пары удивленных глаз и округлившихся ртов, которые смотрели на нас через маленькое окошко в двери. Это были две надоедливые первокурсницы — Пенелопа и Софи какие-то.

К тому времени, как я взяла себя в руки, они уже бежали по коридору.

— Подождите! — крикнула я им. — Остановитесь. Если кому-нибудь об этом расскажите, то я убью вас обеих!

Но было слишком поздно. Они уже шептались с Элизабет Вуд, которая поспешила посплетничать с Ирэн Пападакис и Ниной Смит, которая, в свою очередь, поведала обо всем своему парню, Дэнни Стейнбергу. Тот подтолкнул локтем своего лучшего друга Эрика Торсона и они начали смеяться. Над нами.

Эрик Торсон был в одной футбольной команде с Эдди Мейером, который поведал об этом Эвану. Ну а Эван поспешил к Лив, чтобы спросить у неё, правда ли это. Всё это заняло примерно шестьдесят минут.

Мистер Волрус был ошибкой. Он не должен был там оказаться.

Я повернулась к брату.

— Я знаю, как ты можешь заслужить прощение за то, что чуть не убил меня в машине Эйдена, — спокойно произнесла я. — Беги домой и найди мой старый розовый с фиолетовым рюкзаком. Возьми пистолет отца и положи его в него, а потом принеси мне.

Райан кивнул, отступая назад. Я знала, что его мозг работал также лихорадочно, как и мой, но он доверял мне. Мой брат сделал бы все, о чем я ни попросила.

— Я буду в репетиционном зале, — сказала я. — Жди.

***

Вы должны понять — я не хотела никого убивать. Ну, это, конечно, не совсем правда. Я вспомнила Джо Джонсона и то, как сбила его своей машиной и возбуждение, которое потекло по моим венам. Нет, я хотела убивать людей; мне нравилось это, но я также знала, что это неправильно. Я знала, что если сделаю это снова, то меня навечно закроют в тюрьме.

Но у меня не было другого выбора. Я должна была защитить себя.

Нам, конечно же, очень повезло в том, что у Пенелопы, Софи и остальных последним уроком была физкультура, поэтому их телефоны лежали в раздевалках вместе с одеждой. Если бы они не оказались в одном зале и, если бы Пенелопа и Софи не опаздывали на урок, — а потому бежали даже не останавливаясь, чтобы разослать информацию об увиденном по школе, — нам не удалось бы ограничиться столь узким кругом.

Удача. Хорошая для меня. Плохая для них. В зависимости от того, с какой стороны посмотреть.

Но и без подготовки, естественно, не обошлось. Я подделала записки от преподавателей клубов (в чем потом обвинили Райана) и приклеила их к шкафчикам в раздевалке — экстренное сообщение:

«Не переодевайтесь в школьную форму. Идите напрямиком в репетиционный зал. У вас ещё будет время, чтобы поменять одежду и забрать свои вещи. Дело не терпит отлагательства».

А потом с помощью суперклея я заблокировала запасные выходы.

Когда все собрались, я эффектно появилась из комнаты, где хранились музыкальные инструменты и, встав перед пюпитром, осмотрела сидящих на ступеньках подростков. У каждого из них на лице было отчетливое выражение ужаса.

— Вы находитесь здесь, потому что услышали обо мне кое-что нелицеприятное, — сказала я. Райану понадобилось где-то пятнадцать минут, чтобы добраться до дому, ещё десять, чтобы найти рюкзак и пистолет и пятнадцать минут, чтобы вернуться обратно. Столько же, — а может даже немного больше, — понадобилось и мне, чтобы проследить цепочку распространения сплетни и собрать все ее звенья вместе. — Мне хотелось бы поговорить с вами об этом.

— Но это же не клуб для изучающих французский, — недоуменно произнесла Нина Смит, а красный, как рак Эван спросил:

— Мы можем поговорить наедине?

— Нам нет необходимости разговаривать наедине, — ответила я. Теперь, когда мы с Райаном снова были вместе, я не хотела больше терпеть воняющее хот-догами дыхание Эвана и его грубые пальцы на своем теле. Я уже отдала ему спортивную куртку, засунув её в его шкафчик пока он был в зале. — Только не тогда...

В этот момент, дверь открылась и в зал ворвался Райан с пистолетом в руках.

Вы уже знаете, что случилось потом. Пока Райан делал своё дело, я вырезала своё имя на пюпитре, зная, что пришел конец той жизни, которую я знала.

Первым был Эван. Потом Лив. А следом за ней и Эдди, Элизабет Вуд, Ирэн Пападакис Нина Смит, Дэнни Стейнберг и Эрик Торсон, как дрова, попадали в кучки возле заблокированных с помощью суперклея дверей. Потом настал черед мистера Волруса и трясущихся от страха Софи Грант и Пенелопы Вонг, которых придавило потное грузное тело учителя.

Когда всё закончилось, Райан опустил пистолет. Из дула поднималась едкая струйка дыма, а на доске были видны розовые брызги мозга, оставшиеся от Эвана или Эдди. Где-то снаружи начали раздаваться громкие крики. Люди определенно слышали вопли и выстрелы, поэтому полиция могла показаться с минуты на минуту.

Я думаю, Райан знал, о чем я собиралась его попросить. Я видела это по тому, как он смотрел на мое лицо. Как будто больше никогда не увидит его. Я сама точно также изучала

Райана: мой взгляд задержался на шраме на подбородке, оставшийся после того, как я бросила в него стакан, когда он посмел влюбиться в кого-то ещё, потом на спинке носа и на золотистом блеске его карих глаз. Он был единственным и неповторимым. Другого просто не могло быть. Мы были предназначены только друг для друга. Мы были оба рождены с дефектом и в нас напрочь отсутствовали жалость и сострадание. А может, мы оба были рождены более сильными, чем все остальные. Может, пока мы были в чреве матери, то мельком увидели то, что предстоит нам сделать в жизни и потому закалили характеры, вырвав эти чувства из наших сердец ещё тогда.

— В последний раз, — произнес Райан. Ему не нужно было говорить, что именно. Я бросилась к нему, и мы крепко, с отчаянием прижались друг к другу, в то время как кровь наших одноклассников впитывалась в ковер. Его губы были на вкус как кровь, хотя это вполне могло быть лишь моё воображение.

Время шло. Через одиннадцать минут, которые пролетели как одиннадцать секунд, мы отстранились друг от друга.

— Ты уверен, что сможешь это сделать? — спросила я.

Вы можете сказать, что я социопатка и бесчувственная особа, но я пообещала брату рассказать правду. И когда я говорю, что почувствовала что-то тогда, то это самая что ни на есть она. В тот момент каждую клеточку моего тела разрывало на части горе. Но мы должны были сделать это. Мы не могли выйти из зала вдвоем, и я не хотела видеть его в тюрьме. Лучше уж приятные воспоминания, чем это.

— Я должен, — сказал он. — Ради тебя. Ради нас.

Он всегда понимал меня. Я не хотела смотреть на то, что он собирался сделать, поэтому опустила голову. Но я не могла внезапно оглохнуть, поэтому слышала, как Райан сделал последний вдох перед тем, как нажать на спусковой крючок, а потом резкий выстрел и наносекунду тишины, которая повисла в воздухе перед тем, как его безжизненное тело с грохотом упало на пол.

Вернее, он с грохотом упал на пол. Не тело, а он, потому что мой брат не умер. Я не проверила, так как не думала, что это необходимо и потому что не смогла бы этого вынести. Я просто расправила плечи, сделала несколько глубоких вдохов и вышла из репетиционного зала прямо в ожидающие меня руки полиции. Все, кто знал обо мне и моем брате были мертвы. Со мной всё будет в порядке. Я начну жить заново.

И всё было в порядке до тех пор, пока я не увидела отирающегося поблизости от меня Спенса, чье присутствие дало мне понять, что все изменилось. Но теперь мой брат действительно мёртв и наш секрет в безопасности. Мне не нужно больше будет переживать о его сохранности.

Глава 22

Я старательно отводила взгляд от Майкла, когда заканчивала свою историю. Хотя, наверное, не стоило. Всё-таки я держала его под прицелом. А что, если бы он бросился на меня, или закричал и попытался сбежать?

Но я знала, что он не станет этого делать. Что такое любовь? Знать, что сделает или не сделает человек ещё до того, как он подумал об этом?

— Я тебе хоть немного нравился? — безжизненным голосом поинтересовался Майкл. — Или ты просто использовала меня, чтобы добраться до него?

— Ты не понимаешь, — ответила я. — Он хотел всё рассказать. — Я вспомнила, как мы

встретились с братом на заднем дворе в ту ночь, когда Алейн осталась у меня ночевать. Я тогда завернулась в халат, пытаюсь хоть как-то защититься от промозглой погоды, но это не помогло.

— Я больше не могу этого делать, Джулия, — я едва могла поверить в то, как он изменился за прошедший год: левая сторона тела парализована, бессвязная речь. — Я больше не могу притворяться. Я не буду этого делать без тебя. Расскажи правду.

Я чуть не подавилась. Рассказать правду? Да меня отправят в тюрьму, и все будут насмехаться и издеваться над близнецами, которых уличили в кровосмешении. Меня станут осуждать вся страна. Мои родители. Алейн. Майкл.

— Я не могу, — сказала я. — Мы ведь решили, что ты возьмешь вину на себя?

— Это ты решила, что я возьму вину на себя, — ответил он, сложив на груди руки. — Но мы не решали, что я буду продолжать принимать всю вину на себя. Ты сделала так, чтобы полиция подумала, что я убил доктора Спенса. Но он мне нравился. Я не хочу рассказывать обо всем против твоей воли, но всё-таки сделаю это. Но сначала дам тебе время, чтобы подумать. Я хочу, чтобы мы сделали это вместе, потому что мы всегда всё делали вместе. Но если придется, то расскажу сам.

— Нет, — инстинктивно вылетело у меня.

— Конечно нет, — ответил он. — Зачем тебе жертвовать своей новой жизнью и драгоценным парнем?

Он знал о Майкле.

— Зачем нам обоим это делать, когда...

— Я целый год провел в одиночестве, Джулия. Я заново учился говорить, есть ложкой и подтирать задницу, — воскликнул Райан. Его слюни брызнули мне на лицо, и я вздрогнула. — И всё это я делал один. Сам. Я не отвечал ни на один их вопрос. Я защищал тебя. А ты провела этот год тусуясь с новыми друзьями и обжимаясь с новым парнем. Не думаю, что это справедливо. Я серьезен, как никогда, Джулия. Я всё расскажу, — с этими словами, он отступил назад, растворяясь в темноте. — Я дам тебе время, чтобы ты решилась. Я знаю, что ты это сделаешь. Я верю в тебя.

Ему не стоило это делать.

— Да, ты мне очень помог. Но клянусь, я не использовала тебя, — трясущимся голосом произнесла я.

— Ты ведь хочешь сохранить это в секрете, но рассказала обо всем мне.

Он понял. Теперь у меня дрожал не только голос, но и рука. Я убила столько людей, чтобы сохранить свои секреты. Эвана. Лив. Эдди Мейера. Элизабет Вуд. Ирэн Пападакис. Нину Смит. Дэнни Стейнберга. Эрика Торсора. Мистера Волруса. Софи Грант. Пенелопу Вонг.

Доктора Спенса.

Миранду.

Своего брата.

В глазах Майкла появился самый настоящий страх, потому что он точно знал, о чем я думаю. Если я не хочу, чтобы вскрылась правда, он должен умереть.

— Я могу представить всё так, как будто произошла драка, — обманчиво спокойно произнесла я. Точно также, как обставила смерть доктора Спенса как дело рук своего брата. И точно также, как подсыпала таблетки матери в горячий шоколад Миранды, а потом оставила её на парковке. Не думаю, что она когда-нибудь проснется. — Ты ради острых

ощущений пробрался вместе со мной к убийце, чтобы поговорить. Райан освободился, схватил твой пистолет и застрелил тебя. Мне удалось вырвать оружие из его рук и пристрелить своего брата. И теперь у меня новая психологическая травма. Никто не сможет доказать обратного, — я очень, очень хорошо умела обманывать людей.

— Джулия, — произнес Майкл. — Пожалуйста.

Я посмотрела на пистолет. Потом на Майкла. И снова на пистолет. Комната, должно быть, действительно была звуконепроницаемой, так как я не слышала топота спешащих сюда ног. Но в конце концов, кто-нибудь все равно захочет спуститься, чтобы проверить её. Я не могла стоять здесь целую вечность и держать нас в подвешенном состоянии, размышляя о том, как поступить. Как бы мне этого ни хотелось.

Я должна убить его. Если я этого не сделаю, то в чем тогда смысл всего того, что я уже совершила? Ради чего погибли одиннадцать человек? Зачем было обставлять все эти смерти? И зачем, зачем я тогда убила брата, своего единственного любимого человека? Если я не убью Майкла, то они умерли напрасно. И все мои тайны станут достоянием общественности. Меня будут ненавидеть. Преследовать. И даже если мне удастся сбежать и начать новую жизнь, я всегда буду оглядываться через плечо.

И тем не менее... тем не менее.

Я вспомнила, как решительно сжались челюсти Майкла, когда он сказал, что поедет со мной в Элктон. Счастье в его глазах, когда он мешал соус для лазаньи и наливал мне горячий шоколад в кружку. Легкую щетину на его лице, когда он целовал меня и отрывистый голос, когда говорил, что любит. И то, как мама описала сияние на моем лице, когда я поняла, что крепко держу его любовь в своем кулачке.

И внезапно я прозрела. Это была любовь. Любовь — это не застрелить кого-то, даже если без этого никак. Любовь — это оставить человека в живых, чтобы он разрушил твою жизнь и потоптался на ее руинах. Потому что ты просто не можешь вынести мысли о его смерти. Любовь — это ставить чьи-то потребности и желания выше своих. Я не могла застрелить Майкла, потому что любила его.

— Дай мне час, чтобы исчезнуть. Это всё, о чем я прошу, — сказала я, заткнув пистолет за пояс.

Он ничего не ответил. Я повернулась к нему спиной и, не оглядываясь, направилась к двери. В глубине души я надеялась, что он остановит меня, но этого не произошло. Мне очень хотелось, но я не могла обернуться и посмотреть на него. Я не хотела, чтобы последнее выражение, которое я увижу на его лице, было выражение ужаса или отвращения.

Каждую секунду я ожидала, что кто-то схватит меня за плечо и скажет, что я под арестом. На этот случай у меня был пистолет. Я скорее застрелю себя, чем стану пленницей той же системы, которая удерживала моего брата. Но ничего из этого не произошло. Я спокойно кивнула на прощание копам, всё ещё копающимся в бумагах, залезла в мамину машину и, образно говоря, уехала в закат.

Глава 23

Давным-давно меня звали Джулией Ванн. Потом, Люси Блэк. И снова Джулией Ванн только недолго.

Теперь я Ариэлла Браун. Я хотела назвать себя в честь Алейн или одной из сестер Майкла, но передумала. Я же не дура и не стану делать ничего, чтобы помочь им найти меня. «А» — достаточно для того, чтобы отдать должное.

Ариэлла Браун живет в Нью-Йорке. Это большой город и в нём легко затеряться.

Я набирала в гугле имя «Джулии Ванн» столько раз, что даже начала переживать за то, что меня отследит полиция. Хотя я и пользовалась ворованным соседским вай-фаем. Джулия Ван, одиннадцатилетняя жертва рака, всё ещё мертва. Волейболистка Джулия Ванн решила, в конце концов, учиться в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и получать стипендию (и, кажется ей там нравится, даже не смотря на недавнее растяжение связок плеча). Обо мне же не было ни слова. Полагаю, копы хотели сохранить в тайне всё, что произошло. Никто не захочет признаваться, что его обхитрила недалекая школьница.

Однако, меня кое-что удивило. Я набирала в поиске всех, кто был связан с делом, начиная Спенсом и заканчивая Джозефом Гудменом и Мирандой. И ожидала найти некролог о её смерти от ошеломленных родственников и друзей, не понимающих почему она опустилась до наркотиков. Но, судя по всему, я подсыпала ей мало таблеток, потому что несколько месяцев назад на сайте государственного колледжа я нашла информацию о новых студентах, которые будут получать степень магистра по социальной работе.

Но я ни разу не набирала в поиске имена своих родителей. У Ариэллы Браун их нет. Могу только предположить, что мистеру и миссис Блэк живется счастливее без детей.

Судя по всему, Миранда ничего не рассказала, так же, как и Майкл. По, крайней мере, гугл мне об этом не сообщил. Иногда мне становится интересно, достаточно ли любил меня Майкл, чтобы сохранить мои секреты? Сослался ли он, как и я в свое время, на амнезию? А может, по его щекам скатилось несколько больших крокодиловых слёз, после чего он влился в свою обычную жизнь так, как будто меня никогда и не было.

Гугл говорит, что у него были хорошие успехи в прошлом году. Майкл дошел до соревнований между штатами и финишировал на стометровке «баттерфляем» четвертым. Осенью он начнет изучать в Нью-Йоркском университете историю и продолжит заниматься плаванием. Здесь живет его старшая сестра, та которую он считал своей тётей. Я пару раз проходила мимо здания, где она живет. Может, даже и видела её, но точно не знаю, потому что плохо помню, как она выглядит. Иногда я задаю себе вопрос, не переезжает ли он в Нью-Йорк для того, чтобы быть ближе к своей сестре и наверстать то, что они упустили, живя далеко друг от друга?

А может, это из-за Алейн, которая будет учиться в Колумбийском университете. После того, как я исчезла, Алейн погрузилась в учёбу. Это закончилось тем, что ей доверили произносить прощальную речь на выпускном и она стала ведущей солисткой хора, который успешно показал себя на региональных выступлениях. Я смотрела их видео в интернете; её голос стал еще более красивым и глубоким, чем раньше. В нем чувствовалась какая-то грусть, которая вызвала слезы на глазах у судей. Иногда мне представляется, что именно я её причина.

Они сейчас вместе. Алейн и Майкл. Судя по тому, что она упомянула в своих социальных сетях об их годовщине, они с Майклом, стали тесно общаться после того, как я ушла. И вскоре это превратилось во что-то большее, чем просто дружба. Я люблю их обоих и надеюсь, что они искренне любят друг друга.

Мне нравится думать, что я Сатурн, а они мои кольца, и что их притянуло в Нью-Йорк, — в мою орбиту, — из-за меня.

Знаю, звучит смешно. Нью Йорк — это огромный город.

И, скорее всего, я больше никогда не увижу их вновь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Рип ван Винкль — житель деревушки близ Нью-Йорка, проспавший 20 лет в американских горах и спустившийся оттуда, когда все его знакомые умерли. Этот персонаж стал символом человека, полностью отставшего от времени и даром пропустившего свою жизнь.

[

←2

]

Пюпитр — подставка для нот в виде наклонной доски на ножке, а также настольная подставка для книг.

[

←3

]

Дублон — испанская золотая монета.

[

←4

]

Реджинальд Дживс (в некоторых переводах Дживз, англ. Reginald Jeeves) — известный персонаж Пэлама Грэнвила Вудхауза из его знаменитого цикла комических романов и рассказов о молодом богатом аристократе Берти Вустере и его камердинере Дживсе.

[

←5

]

Горгона Медуза — наиболее известная из трех сестёр горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Её взгляд обращал человека в камень.

[

←6

]

Чарльз «Чарли» Браун — один из главных персонажей серии комиксов Peanuts, созданной Чарльзом Шульцем и впервые появившийся в комиксе 2 октября 1950 года. Чарли Брауна описывают как милого неудачника, обладающего бесконечной решимостью и надеждой, но который постоянно страдает от своего невезения.

[

←7

]

пер. с исп.: собака

[

←8

]

Отделение реанимации и интенсивной терапии.

[

←9

]

Кондуктивное расстройство — это повторяющееся или постоянное поведение, ущемляющее права других людей или основные соответствующие возрасту социальные нормы и правила.

[

←10

]

Расстройство личности, характеризующееся игнорированием социальных норм, импульсивностью, агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности.

[

←11

]

7-Eleven — оператор крупнейшей сети небольших магазинов в 18 странах под управлением Seven-Eleven Japan Co., Ltd, действующий главным образом на основании франчайзинга.

[

←12

]

Спасибо, сеньор (исп.)

[

←13

]

Как дела (исп.)

[

←14

]

Хорошо (франц.)

[

←15

]

Тишину, пожалуйста (исп.)

[

←16

]

Тишина (исп.)

[

←17

]

Шерпы — народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии.

[

←18

]

Дислексия — избирательное нарушение способности к овладению навыком чтения и письма при сохранении общей способности к обучению.

[

←19

]

Привет (исп.)

[

←20

]

Популярная категория блюд японской кухни из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в кляре и обжаренных во фритюре.

[

←21

]

Одно из популярнейших блюд традиционной корейской кухни

[

←22

]

Один из наиболее технически сложных и утомительных стилей плавания. Это стиль плавания на животе, в котором левая и правая части тела одновременно совершают симметричные движения: руки совершают широкий и мощный гребок, приподнимающий тело пловца над водой, ноги и таз совершают волнообразные движения.

[

←23

]

Тишина, пожалуйста (исп.)

[

←24

]

Пожалуйста (исп.)

[

←25

]

Номер три (исп.)

[

←26

]

Харакири или сэппуку — ритуальное самоубийство методом вспарывания живота, принятое среди самурайского сословия средневековой Японии.

[

←27

]

в некоторых странах англо-саксонской правовой семьи должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

[
←28

]

Google Планета Земля — проект компании Google, в рамках которого в сети Интернет были размещены спутниковые (или в некоторых точках аэрофото) изображения всей земной поверхности.

[
←29

]

Функция Google Maps и Google Earth, позволяющая смотреть панорамные виды улиц многих городов мира с высоты около 2,5 метров.

[
←30

]

Карты Google — набор приложений, построенных на основе бесплатного картографического сервиса и технологии, предоставляемых компанией Google. Сервис представляет собой карту и спутниковые снимки планеты Земля.

[
←31

]

Пу́литцеровская премия — одна из наиболее престижных наград США в области литературы, журналистики, музыки и театра.

[
←32

]

Привет (франц.)

[
←33

]

Крейгслист — сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета.

[
←34

]

Речь идет о бар-мицва. Согласно законам иудаизма, когда еврейский ребёнок достигает совершеннолетия (13 лет и 1 день для мальчиков и 12 лет и 1 день для девочек), он становится ответственным за свои поступки и становится, соответственно, бар- или бат-мицва. Празднующему бар-мицву принято дарить подарки. В последнее время всё чаще дарят наличные. Как и в случае благотворительности, становится популярным давать сумму, кратную восемнадцати (гематрия слова «хай» — жизнь).

[
←35

]

Хогвартс — вымышленное учебное заведение волшебников из вселенной «Гарри Поттера».

[
←36

]

Пуффендуй (англ. Hufflepuff; встречается перевод Хаффлпафф) — один из факультетов школы магии и колдовства «Хогвартс».

[
←37

]

Слизерин — один из факультетов школы чародейства и волшебства Хогвартс, который был основан Салазаром Слизерином.

[
←38

]

«Гёнзель и Грётель» — сказка братьев Гримм. История о юных брате и сестре, которым угрожает ведьма-людоедка, живущая глубоко в лесу, в доме, построенном из хлеба и сладостей.

[
←39

]

Кондуктивное расстройство — повторное проявление агрессивного или какого-либо иного антисоциального поведения. Обычно возникает в детстве или юношестве и может приводить к диссоциальному поведению или импульсивному изменению личности.

[
←40

]

Мульча — это прикрывающая землю «одежда». Назначение мульчи защитить поверхность почвы от палящего солнца, от высушивающего ветра, от разрушительных ливней.

[
←41

]

Суд Лінча (линчевáние, англ. lynching, the Lynch law) — убийство лица, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно уличной толпой, путём повешения.

[
←42

]

Спинномозговáя жидкость — жидкость, постоянно циркулирующая в желудочках головного мозга, ликворопроводящих путях, субарахноидальном (подпаутинном) пространстве головного и спинного мозга.

[
←43

]

«Джейн Эйр» — роман английской писательницы Шарлотты Бронте.

[

←44

]

Пу́литцевская премия (англ. Pulitzer Prize) — одна из наиболее престижных наград США в области литературы, журналистики, музыки и театра.

[

←45

]

Мирпуа, или суповая зелень — овощная смесь в европейской кухне из корнеплодов, луковых и столовой зелени, которая добавляется в бульон для придания ему аромата.

[

←46

]

Прим. пер.: В 22-й главе Книги Бытие рассказывается о том, как Бог решил испытать веру Авраама и повелел ему принести в жертву долгожданного любимого сына Исаака. Но все обошлось благополучно. Ангел, спустившийся с небес, передает Аврааму слова Всевышнего: «не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Бытие, 22:12). И вместо отрока Исаака на жертвенник был принесён «овен, запутавшийся в чаще рогами своими». Так было положено начало жертвоприношениям, продолжавшимся в истории еврейского народа в последующие две тысячи лет. Христианские богословы видели в этой истории своеобразный символизм: Исаак — это первый "агнец Божий", которого ведут на заклание. Он не противится воле отца, он видит в этом волю Господню. Но Бог запрещает своему народу человеческие жертвоприношения и предлагает Аврааму «заместительную жертву» — реального агнца, овна. До поры Бог принимает такие жертвоприношения, но придет время и на Голгофу поднимется последний Божий Агнец, искупивший Собой грехи всего человечества.

[

←47

]

Прави́ло Мира́нды — юридическое требование в Соединённых Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.

[

←48

]

Эрнесто Артуро Миранда — преступник латиноамериканского происхождения, судебное дело против которого привело к возникновению новой юридической нормы, известной как Прави́ло Миранды.

[

←49

]

Шрифт Брайля — рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими и плохо видящими людьми.

[

←50

]

В пер. с фр.: Такова жизнь.

[

←51

]

Бат-мицва́ — термин, применяющийся в иудаизме для описания достижения еврейской девочкой религиозного совершеннолетия.

[

←52

]

Йеллоусто́нская кальде́ра — вулканическая кальдера в Йеллоустонском национальном парке на северо-западе США. После того как в научно-популярном документальном телесериале «Горизонт» на телеканале ВВС было в 2000 году использовано слово «супервулкан», эту кальдеру часто называют Йеллоустонским супервулканом.

[

←53

]

По Цельсию 22 градуса

[

←54

]

По Цельсию 21 градус

[

←55

]

По Цельсию 20 градусов

[

←56

]

По Цельсию 21 градус

[

←57

]

Диззи Гиллеспи — джазовый трубач-виртуоз, вокалист, композитор, аранжировщик, руководитель ансамблей и оркестров, родоначальник современного импровизационного джаза

[

←58

]

Меллофон — медный духовой инструмент. Практически не используется в качестве солирующего инструмента, заменяет валторну в маршевом оркестре.